

СОВРЕМЕННОСТЬ.

VI.

СОВРЕМЕННОСТЬ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, Кн. В. О. Одесским и П. А. Плетневым.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1857.

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS

Digitized by Google

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

**ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1970**

**Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 - 1612**

СОВРЕМЕННОКЪ.

РУСАЛКА.

ВЕРЕГЪ ДНЪПРА. — МЕЛЬНИЦА.

Мельникъ и дочь его.

МЕЛЬНИКЪ.

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодил,
Всѣ глупы вы. Ужь если подвернулся
Къ вамъ человекъ завидный, непростой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить,
А чѣмъ? разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской,

Порою изподвалъ, обнижкомъ
 О свадьбѣ заговаривать, а цуце
 Беречь свою дѣвическую честь —
 Безцѣнное сокровище; она —
 Что слово: разъ упустишь, не воротишь.
 А коли нѣтъ на свадьбу ужь надежды,
 То все-таки по крайней мѣрѣ можно
 Какой-нибудь бѣречь себя, или пользу
 Роднымъ да выгадать; подумать надо:
 «Не вѣчно жь будетъ онъ меня любить
 «И баловать меня». — Да нѣтъ! куда
 Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Къ стати ли?
 Вы тотчасъ одурѣете; вы рады
 Исполнить даромъ прихоти его,
 Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милаго дружка; а милый другъ
 Глядь — и пропасть, и слѣдъ простытъ; а вы
 Остались ни съ чѣмъ... Охъ, все вы глупы!....
 Не говорить ли я тебѣ сто разъ:
 Эй, дочь, смотри, не будь такаа дура,
 Не прозѣвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да проста
 Не погуби самой себя. Что жь вышло? ...
 Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чѣго ужь не воротишь.

Дочь.

Почему же

Ты думаешь, что бросить онъ меня?

Мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бываю,

Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжать?

А? всякій Божій день, а иногда

И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже

Стать прѣзжать—и вотъ девятый день

Какъ не видали мы его. Что скажешь?

Дочь.

Онъ занятъ; мало ль у него заботы?

Вѣдь онъ не мельникъ: за него не станеть

Вода работать. Часто онъ твердить,

Что всѣхъ трудовъ его трудъ тяжеле.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему. Когда князья трудятся?

И что ихъ трудъ? травить лисецъ и зайцевъ.

Да пировать, да обирать сосѣдей,

Да подговаривать вась, бѣдныхъ дурь.

Онъ самъ работаетъ—куда какъ жалко!

А за меня вода!... А мнѣ покою

Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:

То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ течь.—Вотъ еслибъ ты у князя
Умѣла выпросить на пересгройку
Хоть пѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

Д о ч ь.

Ахъ!

М Е Л ь н и к ъ.

Что такое?

Д о ч ь.

Чу! я слышу топотъ
Его коня.... Онь, онъ!

М Е Л ь н и к ъ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

Д о ч ь.

Вотъ онъ, вотъ онъ.

*(Входитъ князь. Конюший
уводитъ его коня.)*

К н я з ь.

Здорово, милый другъ.
Здорово, мельникъ.

М Е Л ь н и к ъ.

Милостивый князь,
Добро пожаловать. Давно, давно

Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
 Пойду тебѣ готовить угощенье. (*Уходитъ.*)

Дочь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ.
 Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
 Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
 Чего мнѣ въ голову не приходило?
 Какимъ себѣ я сграхомъ не пугала?
 То думала, что конь тебя занесъ
 Въ болото или пропасть, что медвѣдь
 Тебя въ лѣсу дремучемъ одолгѣтъ,
 Что болѣнь ты, что разлюбилъ меня...
 Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ,
 И любишь все по прежнему меня,
 Не правда ли?

Князь.

По прежнему, мой ангелъ;
 Нѣтъ, больше прежняго.

Любовь.

Однако ты
 Печаленъ; что съ тобою?

Князь.

Я печаленъ?
 Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
 Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Шел,

Когда ты весель, падли ко мнѣ
 Сигннншь и клнчншь: гдѣ моя голубка?
 Что дѣласть она? А тамъ цѣлуешь
 И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
 И ожидала ли тебя такъ рано?...
 А нынче—слушаешь меня ты молча,
 Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи,
 Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
 Ужь не сердить ли на меня?

Князь.

Я не хочу притворствовать напрасно.
 Ты права: въ сердце я пошу печаль
 Тяжелую; и ты ее не можешь
 Ни ласками любовными разсѣять,
 Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

Она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
 Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
 Позволишь—буду плакать; не позволишь—
 Ни слезкой я тебѣ не досажу.

Князь.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше,
 Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ

Блаженства прочного: ни знатный родъ,
 Ни красота, ни сила, ни богатство,
 Ничто бѣды не можетъ миновать.
 И мы—не правда ли, моя голубка
 Мы были счастливы? по крайней мѣрѣ
 Я счастливъ быть тобой, твоей любовью;
 И что впередъ со мною ни случится,
 Едѣшь ни быть я, всегда я буду помнить
 Тебя, мой другъ; того, что я терлю,
 Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ.

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
 Но ужъ мнѣ странно. Намъ судьба грозитъ,
 Готовитъ намъ невѣдомое горе—
 Разлуку, можетъ быть...

Князь.

Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кто насъ разлучить? Развѣ за тобою
 Идти во слѣдъ я всюду несчастлива?
 Я мальчикомъ одѣнусь, вѣрно буду
 Тебѣ служить дорогою, въ походѣ

Иль на войнѣ — войны я не боюсь,
Лишь видѣла бь тебѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не верю!
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь...

Князь.

Нѣтъ, шутки мои на умъ нейдутъ сегодня;
Вывѣдывать тебя ненужно мне;
Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,
Ни на войну: я дома остаюсь,
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю все:
Ты женишься? (Князь молчитъ.) Ты женишься?

Князь.

Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князья невольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себя подругъ берутъ, а по расчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой....
Твою печаль утѣшитъ Богъ и время!
Не забывай меня; возьми на память
Повязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье —
Возьми его. Да вотъ еще: отцу

Я это посулилъ—отдай ему. (*Даетъ ей въ руки лѣшюкъ съ золотомъ.*)

Прещай.

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

Князь.

Принюми.

Она.

Для тебя

Я все готова... Нѣтъ не то...

Князь.

Постой.

Она.

Нельзя, чтобы на вѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь.

Несчастная! Какъ быть?... Хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.

Со временемъ, быть можетъ, самъ приѣду
 Васъ навѣститъ. Утѣшься, не крушился.
 Дай общему тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя) Ухъ, конечно! душа какъ будто легче.
 Я бури ждать, по дѣлу обоняюсь
 Довольно тихо. *(Уходитъ. Она остается неподви-
 жною.)*

Мельникъ *(аходитъ.)*

Не угодно ль будетъ
 Пожаловать на мельницу? . . . Да гдѣ же онъ?
 Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
 Новизка! Вся въ камешкахъ дорогихъ!
 Такъ и горить! И бусы! . . . Ну, скажу:
 Подарокъ царскій. Ахъ онъ благодѣтель!
 А это что? мѣшечекъ! Ужъ не деньги ль? . . .
 Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
 Не вымолвишь словечка? Али ты
 Отъ радости нежданной одурѣла,
 Или на тебя столбнякъ напелъ?

Дочь.

Не вѣрю,
 Не можетъ быть. Я такъ его любила . . .
 Или онъ звѣрь? или сердце у него
 Косматое?

МЕЛЬНИКЪ.

О комъ ты говоришь?

ДОЧЬ.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Или его
Отравой ополти?

МЕЛЬНИКЪ.

Что съ тобою?

ДОЧЬ.

Родимый, онъ ухалъ. Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за нолы его не уцѣпилась,
Я не повисла на удѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растоугалъ меня своимъ копьемъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Что съ нею?

ДОЧЬ.

Видишь ли—князья невольны
Какъ дѣвцы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,

Не-бось, подманывать, божиться, плакать
 И говорить: «тебя я повезу
 Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
 И парюжу въ парчу и въ бархатъ алыи».

Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
 Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
 И до зари за мельницей сидѣть.

Имъ любо сердце княжеское тѣшить
 Бѣдами нашими! А тамъ прощай,
 Ступай, голубушка, куда захочешь,
 Люби кого замыслишь!..

М Е Л Ь Н И К Ъ.

Вотъ въ чемъ дѣло...

Д о ч ь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
 Онъ промѣнлѣлъ меня? О, я узнаю,
 Я доберусь, я ей скажу злодѣйкѣ:
 Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
 Не водятся въ одномъ оврагѣ...

М Е Л Ь Н И К Ъ.

Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
 Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ то-то!
 Не говоришь ли я тебѣ....

ДОЧЬ.

И могъ онъ,
 Какъ добрый человекъ, со мной прощаться,
 И мнѣ давать подарки! Каково?
 И деньги! выкупить себя онъ думалъ!
 Онъ мнѣ хотѣлъ яликъ засеребрить,
 Чтобъ не проняла о немъ худая слава
 И не дошла до молодой жены!...
 Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
 Велѣтъ онъ это серебро за то,
 Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
 За нимъ пускалъ таскаться, что ее
 Держалъ нестрога.... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
 Моя погибель! *(Отдаетъ ему лѣшкокъ.)*

МЕЛЬНИКЪ *(въ слезахъ)*

До чего я дожилъ!
 Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
 Такъ горько упрекать отца роднаго.
 Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
 Одна отрада въ старости моей.
 Какъ было мнѣ тебя не баловать?..
 Богъ наказалъ меня за то, что слабо
 Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Д о ч ь.

Охъ, душно!..

Холодная змѣя мнѣ шую давить...

Змѣей, змѣєю оны мени —

Не жемчугомъ опутала *(расть съ себя жемчугъ)*...

(Опоянись) Такъ бы я

Разорвала тебя змѣю - злюдейку,

Проклятую разлучницу мою!

М е л ь н и к ъ.

Ты бредишь, право, бредишь.

Д о ч ь *(снимаетъ съ себя повязку)*.

Вотъ вѣицецъ мой,

Вѣицецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣичалъ

Лукавый врагъ, когда я отрекался

Ого всего, чѣмъ прежде дорожила!

Мы развѣичались. Сгинь ты, мой вѣицецъ! *(Бросаетъ
повязку въ Днѣпръ.)*

Теперь все кончено! ... *(Бросается въ рѣку.)*

С т а р и к ъ *(падал)*.

Охъ, горе, горе!

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

*Свадьба. Молодые сидятъ за столомъ. Гости.
Хоръ дилушекъ.*

С В А Т Ъ.

Веселую мы свадьбку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любви да советѣ,
А намъ у васъ почаще шировать.
Что жь, красныя дѣвци, вы примолкли?
Что жь, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али все пѣсенки вы перепѣли?
Аль горьнички отъ пѣнья пересохли?

Х о р ъ.

Свагушка, сватушка,
Безголовый сватушка!
По невесту ѣхали—
Въ огородъ заѣхали,
Шива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонился,
Веревъ молился
Веревъ ль, веревушка,
Укажи дороженьку

По повѣсту ѣхати.

Сватушка, догадайся

За мошоночку принимайся:

Въ молитвѣ денсжка невелиится,

Къ краснымъ дѣвушкамъ поровнися.

С В А Т Ъ.

Насмѣшницѣ, ужъ выбрали вы пѣсно!

На, на, возьмите, не корите свата. (*Даритъ дѣвушкѣ.*)

О Д И Н Ъ Г О Л О С Ъ.

По камушкамъ, по желтому песочку

Пробѣгала быстрая рѣчка;

Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки

Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы.

А слыхала ль ты, рыбака-естрица,

Про вѣсти наши, про рѣчныя?

Какъ вечеръ у насъ краса-дѣвица утопится,

Утопал, милова друга проклинала?..

С В А Т Ъ.

Красавицы! да это что за пѣсня?

Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.

Кто выбрать эту пѣсно? а?

ДѢВУШКИ.

Не я,

Не я, не мы...

СВАТЬ.

Да кто жь пронялъ ее?

(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками.)

КНЯЗЬ.

Я знаю кто. (Встаетъ изъ стола и говоритъ тихо

конюшему.) Вѣдь мельничиха здѣсь:

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,

Кто смѣлъ ее впустить? (Конюшій подходитъ къ

дѣвушкамъ.)

Князь (про себя).

Она, пожалуй,

Готова здѣсь надѣлать столько шума,

Что со стыда не буду знать куда

И спрятаться!

Конюшій.

Я не нашель ея.

Князь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она

Проняла эту пѣсню.

Гость.

Ай да медь!

И въ голову и въ ноги такъ и бьеть.

Жаль горекъ: подсластить его бѣ нехудо...

(Молодые целуются. Слышится слабый крикъ).

Князь.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

Конюшій.

Я не нашелъ ея нигдѣ.

Князь.

Дуракъ.

Дружокъ *(встаетъ)*.

Не время ль намъ княгину выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?

(Всѣ встаютъ.)

Сваха.

Вѣстимо, время. Дайте жѣ нѣтуха.

(Молодыхъ кормятъ жареными нѣтухою, осыпаютъ хмѣлемъ, и ведутъ въ спальню.)

Сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,

Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромя свахи и дружки.)

ДРУЖКО.

Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами и буду развѣзывать,
Такъ укрыниться мнѣ вниномъ нехудо.

СВАХА (*наливаетъ ему чарку*).

На, кундай, надоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,

Все хорошо; одно нехорошо...

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру проишли пѣсни.

Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попрокзати. Статочно ли дѣлю
Мутить нарочно княжескую свадьбу!

—

•

СВѢТЛИЦА.

Книгина и мамка.

Книгина.

Чу! кажется, трубятъ. Петь, онъ не вѣдетъ.
 Ахъ, мамушка! какъ быть онъ женихомъ,
 Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
 Съ меня очей, бывало, не сводить.
 Женился онъ—и все пошло не такъ!
 Теперь меня ранихонько разбудить,
 И ужъ велитъ себѣ коня сѣдять,
 Да до ночи Богъ вѣдаетъ гдѣ вѣдять.
 Вернется—чуть ласковое слово
 Промолвить мнѣ, чуть ласковой рукой
 По бѣлому лицу меня погладить.

Мамка.

Книгиношка! мужчина—что пѣтухъ :
 Бури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь;
 А женщина—что бѣдная пастушка:
 Сиди себѣ да выводни цыплятъ.
 Пока женихъ—ужь онъ не насидится,
 Ни пьетъ, ни вѣтъ, глядитъ не наглядится;
 Женился—и заботы настануть :
 То надобно сосѣдѣй навѣстить,
 То на охоту вѣхать съ соколами,

То на войну не легкая нести,
Туда, сюда—а дома не сидится.

Княгиня.

Какъ думашь? Ужь нѣтъ ли у него
Занобы тайной?

Мамка.

Полно, не грѣши:
Да на кого тебя онъ промѣлеть?
Ты веѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

Княгиня.

Когда бь услышала Богъ мои молитвы
И мнѣ послала дѣтей, къ себѣ тогда бь
Умѣла вновь я мужа привязать . . .
А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріѣхалъ. Что жь его не видно? *(Входитъ
ловчій.)*

Что князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой
Отѣхать намъ.

Княгиня.

А где же онъ самъ?

Ловчий.

Остался

Одинъ, въ лѣсу, на берегу Днѣпра.

Княгиня.

И князя вы осмѣлились оставить

Тамъ одного? Усердные вы слуги!

Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите

Сказать ему, что я прислала васъ. (*Ловчий уходитъ.*)

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу, ночью порою

И дикій зверь, и лютый человекъ,

И лѣшій бродить — долго ль до бѣды!

Скорый зажги свѣчу передъ иконой.

Мамка.

Бѣгу, мой съѣтъ, бѣгу.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

РУСАКИ.

Веселой толпою

Съ глубокаго дна

Мы ночью всплываемъ;

Насъ грѣетъ луна.

Любо намъ порой ночью

Дно рѣчное покидать,
 Любо вольной головою
 Высь рѣчную разрѣзать,
 Подавать другъ дружкѣ голось,
 Воздухъ звонкій раздражать,
 И зеленый, влажный волюсь
 Въ немъ сушить и огрэхать.

О д н а .

Тинь! птичка подь кустами
 Встрепенулася во мгль.

Д р у г а я .

Между мѣлцею и нами
 Кто-то ходить по земь.

(Прлутся).

К н я з ь .

Исвольно къ эгимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечеть невѣдомая сила.
 Знакомыл, печальный мѣста!
 Я узнаю скрестные предметы:
 Вотъ мель. ица . . . Она ужь развалилася;
 Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
 Сталъ жорновъ; видно умеръ и старикъ—
 дочь бѣдную онаквивать онъ долго!
 Тропинка тутъ вилася—она заглохла . . .
 Давно, давно сюда никто не ходить.

Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
 Разросся онъ кудрявой этой рощей?
 Ахъ, вотъ и дубъ заветный! Здѣсь она,
 Обилье мѣл, попка и умолка . . .
 Возможно ли? . . . *(Идетъ къ десертн.; листья сып-*
лются.) Что это значить? листья,
 Поблекнувъ, вдругъ свернулись, и съ шумомъ,
 Какъ дождь, посыпался на меня!
 Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ
 Какъ дерево проклятое. *(Входитъ старикъ съ лох-*
мотьяхъ и полунагой.)

СТАРИКЪ.

Здорово,

Здорово, зять.

КНЯЗЬ.

Кто ты?

СТАРИКЪ.

Я здѣшній ворогъ.

КНЯЗЬ.

Возможно ль? это мельникъ!

СТАРИКЪ.

Что за мельникъ!

Я продать мельницу бѣсамъ запечнымъ,

А денешки отдать на сохраненье
 Русалкѣ, вещей дочери моей.
 Онь въ песку дѣвѣра-рѣки зрыты,
 Нѣтъ рыбака одноклазка сторожить.

Князь.

Несчастный, онь помѣшанъ! Мысли въ немъ
 Разбѣланы, какъ тучи послѣ бури.

Старикъ.

Зачѣмъ вѣчеръ ты не прѣхалъ къ намъ?
 У насъ была пирь, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.

Ты знаешь, я на все гнѣжу сквозь пальцы
 И волю вамъ даю: сиди она
 Съ тобою хоть всю ночь до пѣтуховъ --
 Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
 Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:

Когда (ты поминишь?) бросилась она
 Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
 И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ,
 Почувствовать, два сильныя крыла
 Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
 И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
 То здѣсь, то тамъ летаю, то кновою
 Корову мертвую, то на могилѣ
 Сажу да каркаю.

Князь.

Какая жалость!

Кто жъ за тобой смотритъ?

Старикъ.

Да, за мною

Присматривать нехудо: старъ я сталъ
 И шаловливъ. За мной, сивасно, смотритъ
 Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно

Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
 Цѣль съ голоду умрешь, или звѣрь тебя
 Забѣст. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
 Со мною жить?

Старикъ.

Въ твой теремъ? Цѣль, спасенбо!
 Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
 Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ
 И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.

(Уходитъ.)

Князь.

И этому все я виною! Страшно
 Ума лишиться! легче умереть:
 На мертвеца глѣдимъ мы съ уваженьемъ,
 Творимъ о немъ молитвы, смерть равняемъ
 Съ нимъ каждаго. Но человекъ, лишенный
 Ума, становится не человекомъ:
 Напрасно рѣчь ему дана—не править
 Словами онъ; въ немъ брата своего
 Звѣрь узнасти; онъ людямъ въ посмѣзнь;
 Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
 Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
 Раскалныя всѣ муки растравить.

Ловчій.

Вотъ онъ. На силу-то его сыскали.

Князь.

Зачѣмъ вы здѣсь?

Ловчий.

Княгиня насъ послала.

Она болѣла за тебя.

Князь.

Неспосна

Ея заботливость! Или я ребенокъ,

Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?

*(Уходитъ. Русалки показываются надъ
водой.)*

Что, сестрицы? въ поле чистомъ

Не догнать ли ихъ скорѣй?

Шескомъ, хохотомъ и свистомъ

Не пугнуть ли ихъ коней?

Поздно. Волны охладѣли,

Пѣгухи вдали пролѣли,

Высь небесная темна,

Закатилася луна.

Одна.

Подождемъ еще, сестрица.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора,

Ожидаетъ насъ парца,
Паша строгая сестра.

(Скрываются.)

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

*Трель Русалокъ. Русалки прыдуть около своей
царицы.*

Старшая Русалка.

Оставьте прыжку, сестры. Солнце съю,
Столбомъ луна блесгитъ надъ нами. Полно.
Пльвите вверхъ подъ небомъ попарить.
Да никого не трогайте сегодня,
Ни щехода щехогать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбакахъ.

(Входитъ Русалочка.)

Гдѣ ты была?

Дочь.

На земпо выходила
Я къ дѣду.....
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ

Онъ поборсать. Я долго ихъ искала;
 А что такое деньги я не знаю.
 Однако же я вынесла ему
 Пригоршню раковиннокъ самоцветныхъ:
 Онъ очень быть имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на тебя
 Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
 Придетъ мужчина. Стереги его
 И выдь ему на встречу. Онъ намъ близокъ,
 Онъ твой отецъ.

ДОЧЬ.

Тотъ самый, что тебя

Покинулъ и на женщинъ женился.

РУСАЛКА.

Онъ самъ. Къ нему нынче приласкайся
 И разскажи все то, что отъ меня
 Ты знаешь про свое рожденье; также
 И про меня. И если спроситъ онъ
 Забыла ль я его или нѣтъ—скажи,
 Что все его я помню и люблю,
 И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

ДОЧЬ.

О, пошла.

РУСАЛКА.

Ступай же. (Одна.) Съ той поры,

Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
 Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой
 И въ глубинѣ Дитира-рѣки очулась
 Русалкою холодной и могучей,
 Проплю уже двѣнадцать полныхъ лѣтъ;
 Я каждый день о мщенны помышляю—
 И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

БЕРЕГЪ.

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила.
 Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
 И вольной, красной юности моей
 Любимую, хоть горестную повесть.
 Здѣсь некогда меня встрѣчала
 Свободнаго свободная любовь.
 Я счастливъ былъ. Безумецъ!... и я могъ
 Такъ внутренно отъ счастья отказаться!..

Печальный, печальный мечты
Вчерашняя зима встрѣча оживила.
Отец несчастный! какъ ужасна оны!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласенъ онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться . . . . (*Русалочка выходитъ
на берегъ*).
Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?

. . . . .

А. Пушкинъ.

ОТРЫВОКЪ.

I.

Есть бытіе, но कैसेжь какимъ
Его назвать? Ни совь оно, ни бдѣніе!
Межь нихъ оно, и въ челоуѣкъ ничъ
Съ безуміемъ граничить разумѣніе...

БАРАТЫНСКІЙ.

Въ старинной, деревенской, почернѣвшей библіотекѣ, подлѣ полузамерзшаго окна, въ огромныхъ креслахъ сидѣть, или лучше сказать, лежать молодой челоуѣкъ, измученный страстями. Онъ держалъ въ рукѣ книгу; но зимніе сумерки давно уже не позволяли ему читать, и яркая сѣверная зоря все ниже и ниже опускалась за обнаженные деревья, бросая свой пурпуровый отблескъ на снѣгъ, покрывавшій кровли окружающихъ строеній. Въ темной спесѣ неба горѣла уже первая звѣзда вечера, то блистая какъ глаза красавицы, то блѣдно сіла какъ взоръ умирающаго. Это былъ таинственный часъ, въ который все какъ бы невольно располагало къ мечтанію; но молодой челоуѣкъ давно уже отвыкъ мечтать; онъ рано пережилъ поэтическую половину

своей жизни и вступать теперь въ тотъ тусклый, однообразный, каждодневный міръ, въ которомъ кружатся люди, переставшіе любить и надеяться. Ни торжественная тишина природы, будто приготовлявшая къ какому-то важному событію, ни прекрасный сводъ неба въ зимніе сумерки, скупо глядѣвшій сквозъ незамерзшую часть оконницы, ни своеобразный узоръ мороза, представлявшій на стеклѣ очерки углесовъ, и слѣй, и пропастей — ничто не возбуждало въ немъ тихихъ, художническихъ думъ поэта! Онъ безпечно дремалъ передъ обѣдомъ въ своихъ креслахъ, спокойно ожидая свѣчей.

Молодой человѣкъ, котораго мы назовемъ Рогдеевымъ, не всегда былъ въ этомъ отчаянномъ состояніи безчувствія; не всегда блѣднѣлъ его щекъ могли только покрываться румянцемъ отъ лишняго бокала рейн-вейна: было время, когда онъ вѣрилъ и чистотѣ женской слезы и дружбѣ бальнаго пріятеля, когда, откровенный, полный чувствъ, онъ безумно служилъ свѣту, безсмысленно жертвовалъ спокойствіемъ неблагодарной толпѣ. Долго боролся онъ между доверчивостію молодости и горькимъ холодомъ опыта, пока послѣдній не сорвалъ съ него остатка надеждъ и упованій. Наконецъ въ двадцать-восемь лѣтъ онъ очнулся въ деревнѣ, безъ денегъ и здоровья, усталый, отказавшись навсегда отъ пыточныхъ успѣховъ, которые такъ дорого ему стоили.

Но прежде нежели Рогдаевъ достигъ до этого мраморнаго безстрастія, въ которомъ видимъ мы его при началѣ нашей повѣсти, много страданій перенесъ онъ, много молній пало на грудь его и много разъ съ завистью смотрѣлъ онъ на могилу, не признавая однако въ себѣ права самовольно завладѣть ею. Сколько разъ переходилъ онъ отъ черной мизантропіи къ чувствамъ болюе свойственнымъ молодости, и, проведши нѣкоторое время въ уединеніи, опять показывался въ обществѣ, снисходительный и веселый, готовый поклясться, что люди совѣтъ не такъ порочны и глупы, какъ изображаютъ ихъ юмористы и сатирики. Послѣ, оставивъ свѣтъ, онъ еще невдругъ оторвалъ отъ него мысль свою; страшнаго рода угрызенія преслѣдовали его въ самомъ одиночествѣ: не раскаяніе послѣ дурнаго поступка, не опрометчиво данная клятва, не язвительная насмѣшка надъ недостаткомъ друга, не обманутая дѣвушка, мучили его совѣсть, — нѣтъ; онъ столько былъ равнодушенъ къ человѣчеству, что не могъ чувствовать себя когда-нибудь передъ нимъ виновнымъ. Онъ вспоминалъ на досугъ какую-нибудь неловкость, сдѣланную имъ въ какомъ-нибудь обществѣ, и важность которой измѣрялъ теперь строго и хладнокровно. Эти мелкія преступленія противъ свѣтской логики, случавшіяся со великимъ, ошибки давно-забытыя свѣтомъ и преувеличенныя имъ въ его честолюбивомъ воображеніи, тревожили его даже и тогда, когда мнѣніе свѣта не имѣло уже на него никакого дѣйствія. Иногда лучшія сожалѣнія посѣщали его одиночество: часто вздрагивалъ онъ

*

въ постели, живо воображал, какую штыконую роль играть въ обществѣ, всегда занятый какою-нибудь женщиною, тогда какъ могъ бы сдѣлаться просвѣтителемъ человечества, еслибы безкорыстно посвятилъ себя служенію одной идеи, распротрапил ее въ томъ кругу, въ которомъ имѣть и голосъ и званіе. Но нѣтъ угрызения, которое не стерлось бы мало-по-малу съ нашей памяти: такъ и сомнѣнія Рогдасва исчезли со временемъ, и онъ спокойно, если не счастливо, жила теперь у богатаго двоюроднаго дяди, хотя и не будучи его наследникомъ, но рѣшившись убить при немъ остатокъ молодости вдали отъ столицъ и общественной суеты.

Опустившись въ готическія кресла, съ полузакрытыми глазами, безъ великой ясной мысли, онъ сидѣлъ въ библіотекѣ, и конечно отдать бы всю мудрость старыхъ фоліантовъ за то, чтобы объѣдъ быть получасомъ ранѣе, какъ вдругъ, въ темномъ углу, заваленномъ пыльными книгами, ему показалось будто что-то шевелится. Рогдасвъ смотритъ во все глаза и видитъ длиннаго, худощаваго мужчину въ поношенномъ платьѣ дворянина XVI вѣка. По его коварной, саркастической улыбкѣ, коротенькой спанчѣ и длинному носу онъ тотчасъ узналъ Мефистофеля, котораго такъ поэтически изобразилъ нашъ гениальный карандашъ Реча. Привидѣніе стояло неподвижно; Рогдасвъ испугался...

Да, онъ почувствовалъ невольный страхъ, и обрадовался этому чувству какъ неожиданной ново-

сти, потому что давно уже никакое сильное ощущение не потрясло его каменного равнодушія.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ привидѣніе, съ гордымъ выраженіемъ чловѣка, принимающаго у себя незнакомаго лицо.

« Предложить вамъ мои услуги» отвѣчалъ Мефистофель.

— Но мнѣ ничего не надобно...

« Очень сожалею. Но точно ли вы увѣрены, что я ни въ чемъ не могу быть вамъ полезенъ? Подумайте. На первой случай я предлагаю исполнить вамъ два желанія (я не люблю числа трехъ!) — рѣшайтесь. Хотите ли денегъ? У меня кегати готовый миллионъ... »

— Я отъ него отказываюсь. Я былъ богатъ — и богатство не сдѣлало меня счастливымъ; я испыталъ всѣ его радости и получилъ къ нему отвращеніе; теперь я разорился — и съ тѣхъ поръ гораздо спокойнѣе. Оставьте меня; я уже сказалъ вамъ, что мнѣ ничего не надобно.

Мрачный пріятель Фауста коварно улыбулся; но чрезъ мгновеніе прилгалъ опять свой рыцарски-вѣжливый видъ. Онъ важно поправилъ изношенную спанчу и продолжалъ:

« Извините, что я васъ обезпокоилъ. Никакъ не ожидаю я найги въ людяхъ такое безкорыстіе.

Я не смѣю вамъ не вѣрить, и самъ раздѣляю съ вами ваше презрѣнiе къ этому жалкому могуществу вѣка... Но, кромѣ денегъ, развѣ нѣтъ ничего другаго? Есть много вещей, которыя не покупаются, и которыя я могу вамъ доставить безъ великаго труда. Неужели вы думаете, что я, какъ подлый ростовщикъ, припсѣсь къ вамъ одно золото? Я знаю вашу просвѣщенный образъ мыслей, высокую душу,—и потому не предложу вамъ почестей; но хотите ли, наиримѣръ, литературной славы? Я училъ многому Шекспира, я вдохновлялъ и Гёте... Особливо послѣднiй очень любилъ меня, хоть послѣ и вывелъ предательски на сцену въ одной изъ философскихъ драмъ своихъ.»

—Еслибъ я и желалъ литературной славы, то не изъ такого источника хотѣлъ бы я получить ее. Оставьте меня.

«Прежде вы любили рыться въ книгахъ, искать въ нихъ разрѣшенiя трудныхъ задачъ, пылко желали постигнуть таинства наукъ, и не были бы такъ разборчивы въ выборѣ средствъ; но теперь, я вижу, вы совсѣмъ перемѣнились. Испытаю послѣднюю страсть вашу, страсть къ путешествiямъ. Вѣрьтесь мнѣ безъ предубѣжденiя, и я покажу вамъ все, что есть на земномъ шарѣ замѣчательнаго. Мы будемъ гулять на вершинѣ Котопами, опредѣлимъ, какъ очевидцы, положенiе морскаго дна, спустимся въ Везувiй, и выйдемъ на землю чрезъ жерло Стромболи; отъ центра земли, до эфирныхъ полюсовъ неба,

я покажу вамъ все, что можетъ только видѣть глазъ, что можетъ постигнуть воображеніе. И еслибъ вамъ вздумалось прокатиться на луну. . . .»

—Вы и въ этомъ ошиблись: я люблю путешествовать когда быть здоровѣе. Теперь предпочитаю спокойствіе и безопасность, огонь камина, хорошія кресла: вотъ мой элизіумъ. После этого мнѣ остается пожелать вамъ добраго вечера. . . .

« Жаль, очень жаль, что вы такъ горды. Помните, что гордость смертный грѣхъ, а отказываясь отъ моихъ предложеній, вы явно преступаете законъ смиренномудрія. Впрочемъ, если я не могъ заключить съ вами никакихъ условій, позвольте, по крайней мѣрѣ оставить вамъ на память этотъ перстень: кто знаетъ что можетъ случиться! Когда же вы почувствуете нужду въ чьей-нибудь помощи, мой перстень можетъ тотчасъ призвать меня къ вашимъ услугамъ. Покуда, прощайте.»

Мефистофель исчезъ.

Рогдасъ случайно поднялъ руку, и, къ удивленію своему, увидѣлъ на указательномъ пальцѣ своемъ большой перстень, съ осміугольнымъ желтымъ топазомъ, на которомъ, не смотря на мракъ, царствовавшій въ комнатѣ, онъ явственно могъ различить слѣдующій знакъ:

Не было никакого сомнѣнія, что это была извѣстный *кляузъ жизни*, который такъ часто встрѣчается на обѣскакахъ и муміяхъ, и объ которомъ столько толковали Англійскіе Египтологи. Но отъ чего свѣтился онъ теперь фосфорическимъ свѣтомъ и какое имѣлъ здѣсь значеніе?—объ этомъ думалъ Рогдасвъ . . .

Какъ вдругъ онъ почувствовать толчокъ, точно огромный паромъ неосторожно причалить къ берегу; бібліотека закачалась и установилась въ то же мгновеніе. Рогдасвъ открылъ глаза.

Свѣчи уже были поданы; передъ нимъ стоялъ камердинеръ его дяди, въ толстой курткѣ, съ рукой за жилетомъ и робко проговорилъ однозвучнымъ голосомъ:

« Дядюшка васъ дожидается-сь; кушанье поставлено.»

— Давно ли ты здѣсь?

« Сейчасъ только вошелъ-сь.»

Рогдасвъ лѣнливо поднялся съ кресла и медленно сошелъ въ столовую. Странный сонъ, который такъ живо привидѣлся ему, не выходилъ у него изъ головы. Рогдасвъ натурально не былъ суевѣренъ, и внутренно стыдился, что могъ такъ долго, хотя и во снѣ, разговаривать съ духомъ, въ существованіе котораго никогда не вѣрилъ.

Въ просторной, опрятной комнатѣ дождался его дядя, прохаживаясь взадъ и впередъ, съ сложенными за спиной руками. Это былъ высокій, статный мужчина лѣтъ пятидесяти; но никто, взглянувъ на него, не далъ бы ему и сорока. Густые сѣдые волосы одни отличали въ немъ болѣе нежели средній лѣтъ; но въ его насмѣшливой и вмѣстѣ доброй улыбкѣ было столько пріятности, въ его поступи столько благородства, что я не знаю почему женщина не предпочла бы его молодому племяннику, блѣдному, съ потухшимъ взоромъ, съ гордымъ, презирающимъ выраженіемъ губъ. Иванъ Петровичъ Горенковъ, не былъ однимъ изъ тѣхъ уѣздныхъ старичковъ, которые всегда на охотѣ утромъ, и въ поляна послѣ обѣда. Онъ не любилъ ни собакъ, ни псарей, ни лбеды, ни національнаго што-фа. Онъ жилъ въ деревнѣ, потому что, одинокій и безъ всякой исключительной страсти, не могъ онъ довольствоваться однообразнымъ существованіемъ столичнымъ, не будучи довольно лѣнивъ, чтобъ жить въ Москвѣ, и слишкомъ любя независимость, чтобъ жить въ Петербургѣ. Просвѣщенный поклонникъ природы, съ Вордсвордомъ въ карманѣ, гулялъ онъ по лѣсамъ и дебрямъ дѣвственной Россіи, то созерцая величіе снѣга шатра, раскинутого надъ нами Творцомъ, то нагибался къ полевому цвѣту, чтобъ насмотрѣться на его стройную красоту, надъшаться его ароматомъ. Назиму онъ запирался въ своемъ огромномъ домѣ, устроять дѣла свои, и только нрѣдка позволялъ себѣ освежить голову отыскивалъ зайца по снѣжному

слѣду. Занимаясь счастьемъ крестьянъ своихъ, стараясь развить въ нихъ нравственное чувство, онъ наслаждался тѣмъ внутреннимъ спокойствіемъ, которое доставляетъ намъ исполненіе нашего долга.

« Отчего ты такъ скученъ сегодня? » спросилъ Иванъ Петровичъ Рогдасва, когда они ушли за маленькій столикъ. » А я приготовилъ тебѣ подарокъ. . . . »

— Оставите ли вы эту привычку дарить меня, дядюшка? Я знаю, что вы не почитаете меня за человѣка низкаго; но съ вашими подарками можно подумать, что я живу у васъ изъ какихъ-нибудь выгодъ.

« Какъ ты смѣшонъ! Развѣ я когда дарилъ тебя чѣмъ дорогимъ? развѣ я не знаю твоей глупой гордости? Но послушай. Сегодня 20-е Июля, день твоего рожденія. . . Я увѣренъ, что ты самъ забылъ это; но я держусь обычаевъ старинны, когда они не мѣшаютъ здравому смыслу, и люблю праздновать день рожденія. Вчера въ моемъ деревнѣ рѣзномъ шкафѣ, набитомъ рѣдкостями и нерѣдкостями и всякою дрянью, до которой, какъ тебѣ извѣстно, я страстный охотникъ, между прочимъ попался мнѣ чудный перстень, который я тотчасъ же назначилъ подарить тебѣ. Этотъ перстень принадлежалъ твоей бабушкѣ, и я могъ бы рассказать тебѣ про него десятокъ исторій изъ семейственной хроникъ нашего рода; но какъ ты не любишь длинностей, то

избавлю тебя отъ моей легенды. Со всемъ тѣмъ, зная твою слабость разгадывать вещи, которыя того не стоятъ, я увѣривъ, что тебѣ понравится мой подарокъ. Посмотри на этотъ топазь: на немъ нѣтъ никакой надписи; но посрединѣ вырѣзанъ знакъ, въ которомъ ты сейчасъ узнаешь знаменитый *ключъ жизни* или *знакъ небесной жизни* (*), вѣрно часто видѣнный тобою въ Лондонѣ въ рукахъ у огромныхъ гранитныхъ статуй *Британскаго Музея*. Для чего знакъ этотъ вырѣзанъ на моемъ перстнѣ, этого никому неизвѣстно; но я полагаю, что нѣкогда онъ служилъ лозунгомъ членамъ какого-нибудь Германскаго *союза добродѣтели*, или какого другаго тайнаго общества, объ которомъ теперь нѣтъ и помину, но которое встарину могло имѣть свою поэгическую сторону. Попробуй-ка, впору ли тебѣ онъ?»

Рогдаевъ не смѣлъ оскорбить дядю отказомъ; но и принять перстень, за нѣсколько минутъ такъ дивно видѣнный имъ во снѣ, казалось для него заключеніемъ какого-то таинственнаго условія, тѣмъ ужаснѣйшаго, что онъ не могъ вполнѣ измѣрить всей его важности. Какое мрачное, невѣдомое могущество предлагало ему чудный вызовъ? Какая невидимая сила искусила его скептическую душу? И какъ въ нашъ рациональный вѣкъ могли существовать подобныя вещи? Наконецъ онъ рѣшился объяснить все случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ,

---

(*) Spineto, Lectures on the elements hieroglyphics, 1839.

немьющимъ никакого внутренняго смысла. Онъ смѣло протянулъ руку и надѣлъ перстень; но когда хотѣлъ снова снять его, чтобъ лучше рассмотреть, перстень впился въ его палецъ и обвилъ его такъ крѣпко, что, казалось, никакая человѣческая сила не могла бы отнять его.

«Онъ, кажется, тебѣ немного узокъ» сказалъ Горенковъ. «Да не держи такъ трагически ножъ надъ своимъ пальцемъ: другой подумаетъ, что ты хочешь его отрезать. А вотъ Иванъ принесетъ намъ шампанскаго; можетъ быть оно развеселитъ тебя. . .»

Но Рогдасевъ все сидѣлъ задумчиво, утонувъ въ размышленіи. Ему невольно пришли эти негасканские до пѣтки два стиха изъ Гамлета: «Бывають вещи на небѣ и на землѣ, другъ Орешіо, которыя и въ умъ не приходили нашимъ мудрецамъ.»

II.

Все наскучить когда-нибудь, и одиночество и деревня. Оставивъ на время свѣтъ, мы снова стремимся къ нему, чтобъ отдохнуть отъ горячей мечты затворника, освѣжить мысль свою въ пустотѣ балъной жизни, посреди механическихъ трудовъ. Такъ случилось и съ Рогдасевымъ. Не имѣя огромнаго капитала, стоящаго чтобъ имъ зацѣпиться, не способъ

ный тлнуть бумагу, или гнать дотопъ, онъ почувствовалъ необходимость дѣтельности на другомъ, болѣе приличномъ для него, поприщѣ. Въ одно утро, подѣ предлогомъ неожиданныхъ писемъ, онъ простился съ дядею и уѣхалъ въ Петербургъ. Кто что ни говори, а Петербургъ всегда останется единственнымъ мѣстомъ, куда, хотя нѣрѣдка, доходить до насъ западный вѣтеръ. Не указывайте мнѣ на свирѣпую борьбу своекорыстныхъ страстей, на честолюбіе въ грубой формѣ—все это и должно быть такъ тамъ, гдѣ люди живутъ не фантастическою, а настоящею жизнью, и гдѣ сталкивается столько противоположныхъ выгодъ. Но что до этого за дѣло Рогдасву! Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ разсѣяться, забыться еще разъ въ обществѣ, которое въ сущности несравненно благоразумнѣе и образованнѣе, нежели какъ утверждаютъ нѣкоторые «недовольные».

Это было весною, т. е. Петербургскою весною, въ іюнь мѣсяцѣ. Рогдасвъ отправился на дачу къ своей родной теткѣ, графинѣ Дальбекъ, старой, богатой и бесполезной дамѣ, имѣющей на костяхъ своихъ по крайней мѣрѣ лѣтъ семьдесятъ, но которая не отстала еще ни отъ одного изъ модныхъ предразсудковъ. Эта развалина Екатерининскихъ временъ встарину танцевала балетъ въ Таврическомъ Дворцѣ, улыбалась очень граціозно,—и всѣ напудренные франты, пріятель Потемкина, надрывались отъ восхищенія. Теперь не то: она очень набожна, и даже не поѣдетъ смотрѣть балета на театрѣ. Отъ всѣхъ страстей ея у ней осталась одна: страсть къ

перстиямъ. Ея костлявые пальцы до того закованы въ золото, что походятъ болѣе на металлическую перчатку рыцаря, нежели на мирную руку Петербургской старухи.

«Что, батюшка, гдѣ ты это проадалъ по сіе время?» спросила она племянника: «Конечно все повѣсничать въ Москвѣ?..»

—Нѣтъ, графиня, я былъ въ деревнѣ.

«Въ деревнѣ! и вѣрно завелъ филиятуру?»

—Совсѣмъ нѣтъ. Я жилъ не въ своей деревнѣ; въ моихъ собственныхъ нѣтъ господскаго дома, а я никогда не любилъ мерзнуть въ угарной комнатѣ приказчика. Я люблю комфортъ, графиня, и жилъ въ деревнѣ, чтобъ отдохнуть отъ вашего Петербурга.

«Однакожь ты несколько не потолстѣлъ отъ своего комфорта. Да покажи-ка: что это у тебя за топазь?»

—Очень сожалѣю, что не могу показать вамъ иначе какъ на моемъ пальцѣ: вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ мнѣ подарилъ его Горенковъ, а я еще ни разу не снялъ его съ руки; мнѣ жалко распилить его; а какъ я надѣюсь еще похудѣть, то онъ тогда снимется самъ собою.

« А что за странный знакъ на немъ вырѣзанъ? Ужь не масонъ ли ты, батюшка? Не даромъ ты жилъ полгода въ Англии... »

— Нѣтъ, тетушка, я не масонъ и конечно имъ никогда не буду. Въ нашъ положительный вѣкъ, вѣкъ безъ таинствъ и театральныхъ обрядовъ, масонская ложа точно такъ же смѣшна, какъ въвашь она была предметомъ любопытства и моды. Я право не знаю, отчего этотъ знакъ вырѣзанъ на моемъ перстнѣ.

« Чудные бываютъ перстни на свѣтѣ ! Посмотри, напримеръ, на этотъ талисманъ: эти каракульки—увѣрилъ меня одинъ офицеръ бывшій въ Персiи — есть Турецкая молитва. Кто бы могъ подумать, чтобъ такой узоръ для ситца могъ что-нибудь значить. Кстаги о ситцѣ: ты конечно слышалъ, что мол внучка, а твоя племянница, выходитъ замужъ? »

— Нѣтъ еще, тетушка; поздравляю васъ...

« Я отложила свадьбу на годъ: пусть они узнаютъ другъ друга... А, да вотъ и зять мой; какъ легкокъ на поминѣ! »

Въ затянутой куклѣ, съ огромными шпорами, которая вошла въ комнату, Рогдаевъ тотчасъ узналъ своего стариннаго прiятеля, кавалергардскаго ротмистра Димова; но, не имѣя никакого желанiя заго-

ворить съ нимъ, онъ первый поклонился слегка и снова утѣлся на свое мѣсто. Графиня хотѣла представить зятя своего Рогдасву, но Димовъ избавилъ ее отъ труда, подошедши къ нему самъ: «Ва! Рогдасвъ!» вскричалъ онъ, переступившись назадъ съ видомъ удивленія: «давно ли опять въ Петербургъ?»

— Только недѣля.

«И не извѣстилъ меня о своемъ пріѣздѣ! Хорошо! Развѣ ты не знаешь, что съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ, я не знаю, что дѣлать отъ скуки; и не далѣе какъ вчера весь нашъ полкъ съ умиленіемъ вспоминалъ о знаменитомъ обѣдѣ, данномъ тобою намъ вскорости послѣ возвращенія изъ чужихъ краевъ. Надолго ли пріѣхалъ? какъ намѣренъ проводить время?»

— Надолго ли пріѣхалъ, не знаю; а какъ буду проводить время—и того менѣе.

«По крайней мѣрѣ, надѣюсь, что мы будемъ теперь часто видѣться: вѣдь я почти твой племянникъ.»

«А я и не знала, что вы знакомы» сказала графиня.

«Какъ же, бабушка! Когда Рогдасвъ служилъ здѣсь, въ иностранной коллегіи, мы были друзьями, и даже разъ имена наши появились вмѣстѣ на за-

главномъ листѣ романа, для котораго онъ сдѣлалъ слова, а я музыку. Но теперь не знаю, отъ чего онъ едва узнастъ меня...»

— Ты ошибаешься, я очень люблю тебя, и отъ чистаго сердца поздравляю съ твоимъ счастьемъ.— Рогдаевъ говорилъ это изъ вѣжливости, хотя внутренно жалеть, что этотъ добрый, хотя и ничтожный малой связываетъ судьбу свою съ злою дѣвчонкою безъ воспитанія и приданаго.

Оставшись еще съ четверть часа у графини, Рогдаевъ всталъ, чтобы ѣхать. — «Подожди немного» сказалъ ему Димовъ: «мы поѣдемъ вмѣстѣ въ городъ. Ты знатокъ въ экипажахъ, я хочу показать тебѣ мою новую коляску.» — После этого онъ лаконически отдалъ графинѣ отчетъ въ ея порученіяхъ, прибавивъ, что на другой день донесетъ ей подробнѣе, гдѣ были и какъ выполнили ея комиссіи, а покуда просить ее извинить его: онъ такъ давно не видѣлся съ Рогдаевымъ, что имѣетъ тысячу вещей разсказать ему. Со всѣмъ тѣмъ, когда они сѣли въ коляску и ѣхали въ Петербургъ, десять минутъ прошли въ совершенномъ молчаніи.

Прекрасный июньскій вечеръ (въ это время года въ Петербургѣ не бываетъ ночи) уже начиналъ холодѣть. Плоская природа Петергофской дороги, казалась, нарядилась въ свое црмздинное платье, которое тѣмъ было свѣжѣе, чѣмъ рѣже она его надеваетъ; блѣдно-голубое небо приняло жаркій, поч-

ты южный оттѣнокъ; пыль улеглась отъ экипажей, и изъ-за садовъ и рѣшетокъ всходила огромная, красная луна. Рогдѣевъ разсѣленно спросилъ Димова, отъ чего онъ, такъ всегда возстававшій противъ женитьбы, вдругъ перемѣнилъ свой образъ мыслей?

«Оставимъ это, братецъ!» отвѣчалъ Димовъ со вздохомъ. «Я влюбленъ, вотъ и все... Признаюсь, я очень радъ, что ты почти нехорошъ съ графиншею, а то конечно бы отсовѣтовалъ ей выдать Анну за такого повѣсу, какъ я.»

— Напротивъ, я твердо увѣренъ, что мужъ-повѣса есть настоящій кладъ для свѣтской женщины; читалъ ли ты «Physiologie du mariage?»

«Натурально читалъ; а гдѣ ты объдаешь завтра?»

— Думаю, у Дюмэ.

«А потомъ?»

— А оттуда домой; я нигде не приглашенъ.

«Такъ поѣдемъ къ Аграпирову. У него середы. Это самый странный домъ въ мірѣ. Я увѣренъ, что тебѣ, съ твоимъ фантастическимъ воображеніемъ, непременно понравится это общество. Вообрази себѣ собраніе мужчинъ, которые ведутъ себя очень благопрстойно; игра и чай, прекрасный домъ,

Китайскія лампы, ни одной трубки, и совсѣмъ тѣмъ шампанское рѣкою; игра и шампанское, пышность, толпа франтовъ, хорошій толъ и миллионы въ оборотѣ; однимъ словомъ, родъ Петербургскаго фраскати. Впрочемъ ты можешь и не играть.»

— Это должно быть очень любопытно, отвѣчать Рогдеевъ проглаголю, какъ человѣкъ, который за-сыпаетъ . . .

Коляска остановилась у заставы.

III.

Рогдеевъ безъ большихъ отговорокъ позволилъ взять себя къ Аграпирову. Какъ всѣ люди съ сильною волею, въ мелкихъ подробностяхъ жизни онъ слѣдовалъ часто внушенію перваго, кто бралъ на себя располагать его временемъ и занятіями. Равнодушный въ выборѣ общества, для него все было равно, въ томъ или другомъ домѣ приходилось ему зѣвать за вѣстомъ.

Домъ Аграпирова былъ въ-самомъ-дѣлѣ самый страшный, какой когда-либо существовалъ въ Петербургѣ. Это было сборище мужчинъ, алчныхъ къ золоту, алчныхъ къ потрясающимъ ощущеніямъ, и со всѣмъ тѣмъ ведущихъ себя со всею строгостію

бальнаго этикета. Игра терла здѣсь свою отительную истину; ничего похожаго на оргію было видно въ этихъ чинныхъ засѣданіяхъ, которыя издали можно было принять за засѣданія Батискаго парламента; красные обои зала доверли сходство.

Рогдаеву понравились эти лица, загорѣлыя с какого-то почнаго солнца, поблеклыя подъ вліемь могущественныхъ страстей; эти лица обили не тоскливую блѣдность послѣ двухъ бальныхъ, не томность дѣвушки, которая много выжастъ: на нихъ были глубокія морщины, изрѣкыя невидимою сѣкурою, и по этимъ морщинамъ казалось, можно было отгадать, сколько ударовъ несла имъ несповѣдимая судьба. Ихъ глаза, вна темные, иногда сверкали тѣмъ же огнемъ, какъ блещуть глаза Понтискаго бандита, и не мудрето же чувство зажгло и этотъ огонь—жажда золота

Рогдаевъ безопасно прохаживался отъ одного сала къ другому, и непонятная тоска давила грудь. Чтобъ избавиться отъ этого неопредѣленнаго прчувствія, мрачнаго какъ влкое мученіе, которое мы не можемъ отгадать причины, онъ подошкъ къ главному столу, на которомъ, вмѣсто зерцала лежала огромная куча золота, и чтобъ чѣмъ-нибудь возбудиь уснувшую кровь, онъ взялъ первыя множества загнутыхъ картъ, набросанныхъ сторонѣ, лѣпно подошелъ къ банкомсту и вилъ сказаь ему: «десять тысячъ!»

Игроки оборотились въ его сторону и посмотрѣли съ уваженіемъ на человека, начинающаго игру такимъ кушемъ, въ твердой увѣренности, что чрезъ минуту онъ станетъ гнуть на миллионы и что руды Эль-Дорадо ничто предъ его богатствомъ. Усталый, гордый видъ Рогдаса и его модное платье утверждали ихъ въ этомъ мнѣніи. Банкёръ бросилъ на него послѣдній вопрошающій взглядъ, въ состояніи онъ зэплатить свою ставку, и потомъ молча началъ метать.

Рогдасъ проигралъ.

— На-квитъ!—сказалъ онъ тѣмъ же повелительнымъ голосомъ.

Банкёръ опять началъ метать, и карта опять проиграла.

Блѣдныя щеки Рогдаса покрылись румянцемъ; онъ почувствовать родъ опьяненія, котораго давно уже не производили на него самыя сильныя сигары. Кровь его какъ-будто помолодѣла, жизнь стиснулась нѣсколькими годами тѣнѣ, глаза его горѣли, пульсъ бился какъ въ лихорадкѣ... Чтобы понять это волшебіе при потерѣ двадцати тысячъ, надобно прибавить, что эта сумма превышала годовой доходъ Рогдаса, и что обстоятельства его совсѣмъ не были въ томъ положеніи, чтобъ онъ могъ позволить себѣ такое развлеченіе. Ктому же онъ начиналъ уже, какъ Байронъ незадолго передъ смертію, чувствовать наслажденія скудости, проживши

большую часть имѣнія. Эта скупость пробудила въ немъ въ минуту проигрыша все острѣе мученія раскаянія, все силлогизмы разсудка; а между тѣмъ нечѣмъ уже было поправить сдѣланной ошибки. Тысячи мыслей, одна безутѣшнѣе другой, представлялись ему въ стройномъ порядкѣ, каждая служила выводомъ слѣдующей неменѣе ясной и неменѣе мучительной.

— Въ послѣдній разъ на-квѣтъ, сказалъ наконецъ Рогдаевъ, и лице банкомѣта побѣдительно отъ радости... (игроки только краснѣютъ отъ неудачи). Въ эту минуту множество понтѣровъ приступило къ нему съ какими-то расчетами; банковые билеты и золото переходили изъ рукъ въ руки; выигрышъ и расплата производились съ важностию биржевыхъ сдѣлокъ; къ удовольствію Рогдаева, наконецъ все это кончилось и банкѣръ продолжалъ метать, но карта его какъ нарочно не выходила очень долго...

Время иногда имѣетъ странное эластическое свойство: оно растягивается и сжимается, судя по обстоятельствамъ, сообразно расположенію духа, въ которомъ бываетъ человѣкъ. Я вѣрю, что Магометъ могъ быть перенесенъ на седьмое небо, прежде нежели постель его охладѣла, что одинъ Арабскій мудрецъ заставилъ прожить тысячу лѣтъ одного принца въ ту только минуту, какъ тотъ окунулъ голову въ очарованный кувшинъ. Въ часы высокаго чувства, которые такъ рѣдко доста-

ются и художнику, что мудренаго что мы перепосимся за пределы существования, и тогда глупая рамка пространства и времени на миг оставляет насъ съ своей докучною точностію! Сильныя страсти способны измѣнять обыкновенный ходъ времени. Но я знаю также примѣры ужасной пустоты, которая цѣлую жизнь нашу заставляетъ казаться нѣсколькими днями. Одинъ мой пріятель говаривалъ на пятидесятомъ году своей жизни, что ему кажется, будто ему не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ воспитывался въ университетъ, ничему не учился, но какими-то способами получилъ аттестатъ кандидата; потомъ вступилъ въ службу, былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры, потомъ вышелъ въ отставку, женился и былъ выбранъ въ уѣздные предводители. До самаго конца своей счастливой *карьеры* онъ постоянно смотрѣлъ на книги, какъ на опасную и неприличную страсть для дворянина. Толстый, краснощекій мужчина, въ молодости онъ вѣроятно былъ хорошъ собою и сохранился до старости очень исправно, безъ-сомнѣнія потому-что никому никогда не желалъ никакого зла. Послѣ смерти своей онъ оставилъ по себѣ искреннее сожалѣніе во всѣхъ его окружавшихъ, какъ послѣ смирнаго, спокойнаго и добродушнаго чловѣка. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Короли и вальсы прыгали подъ пальцами безстрастнаго банкѣра,—а участь Рогдаса еще не рѣшилась. Тысячи воспоминаній самыхъ странныхъ,

сравненій самыхъ чудовищныхъ толпились въ умѣ его; таія приходила къ концу; онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на свой перстень . . .

Карта упала на лѣвую сторону . . .

«Счастливо отыгрался!» сказалъ безстрастный банкомётъ, обстрѣленный въ карточныхъ битвахъ. Чтобъ скрыть свое волненіе, Рогдасъ быстро отошелъ отъ главнаго стола и бросился на диванъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ.

Вслѣдъ за нимъ сѣлъ на тотъ же диванъ длинный господинъ въ зеленомъ фракѣ. Долго отдыхалъ Рогдасъ послѣ неведомой для него борьбы, почти стыдился, что страсти игрока были для него такъ еще новы; наконецъ онъ обернулся; въ то же мгновеніе обернулся къ нему и длинный господинъ. Взоры ихъ встрѣтились, и Рогдасъ невольно вздрогнулъ при взглядѣ на эти черты, напоминавшія ему какое-то странное сходство; совершенное отсутствіе гармоніи поражало въ нихъ какъ въ лицѣ мертвеца: все казалось слѣдствіемъ случая, все испрѣятно дѣйствовало на нервы; и эта двумысленная, изрантическакая улыбка имѣла безобразную неподвижность испорченной машины.

«Видно, что вы не привыкли играть» сказалъ незнакомецъ: «я замѣтилъ это по вашему лицу, извините мою нескромность»; тутъ онъ словно поклоунился.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Рогдасевъ, пристально смотря въ глаза своему сосѣду;—а вамъ что до этого за дѣлю?

«Ничего-съ, я такъ сказать вамъ это, извините меня...»

Рогдасевъ не любилъ, чтобъ съ нимъ заговаривали незнакомые; онъ почти легъ на диванъ и уставилъ взоръ свой на господина въ зеленомъ фракѣ, съ презирающимъ равнодушіемъ.

«Мы конечно гдѣ-нибудь съ вами видѣлись» сказалъ тотъ: «вы такъ смотрите на меня, какъ будто стараетесь припомнить...»

— Точно. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я видѣлъ во снѣ чорта, который очень былъ похожъ на васъ...

«А вы вѣрите снамъ?»

— Я не сказать вамъ, что вѣрю. Но скажите, ради Бога, чего вамъ отъ меня надобно?

«Послушайте» сказалъ незнакомецъ, стараясь смягчить свой рѣзкій и непріятный голосъ. «вы не поняли моего добраго намеренія, и это очень натурально: меня никогда не понимали люди! такова видно судьба моя.

«Я баронъ Розенбергъ. Наша фамилія очень известна въ Силезіи. И здѣсь, въ Петербургѣ, смѣю сказать, меня также всѣ знаютъ съ хорошей сто-

роны. Я ъзжу сюда не для игры, а для наблюдений надъ правами игроковъ, въ которыхъ жизнь и ея тайшы разрѣшаются гораздо легче, нежели въ какомъ-либо другомъ мѣрѣ. Сегодня я замѣтилъ васъ, потому-что вы отличны отъ всѣхъ здѣшнихъ; я пожелаю познакомиться съ вами, предостеречь васъ . . . .»

— Предостеречь меня?

«О, не думайте, чтобы я хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь насчетъ этихъ господъ! они все люди честные, играютъ большую частью отъ скуки, такъ, чтобы дать какую-нибудь дѣятельность уснувшимъ желаніямъ. Нѣтъ, я хотѣлъ предостеречь васъ отъ васъ самихъ. Въ васъ рождается страсть, которая сильнѣе всякой другой и слѣдственно губительнѣе. Это скупость въ самомъ высшемъ ея развитіи, это игра.»

— А вы ѣдите сюда только для наблюдений?

«Да, для наблюдений. Еслибъ я захотѣлъ, сударь, то я могъ бы выиграть мильіоны, нажить себѣ чудовищное богатство, бороться роскошью съ герцогомъ Саузерландомъ. Но я довольствуюсь знать тайну обогащенія, а воспользоваться ею не мое дѣло. Пойдемте теперь туда; я покажу вамъ игру во мей ея психологической красотѣ, съ тою же хвастливостію, съ какою Арманшъ показывасть Чер-

кесското невольницу, или Англійскій барышникъ кровную лошадь. Тогда вы увидите, что я не сумасшедшій, и что мое знакомство можетъ быть вамъ на что-нибудь полезно.»

Баронъ повелъ Рогдасва въ другія комнаты, гдѣ около ломберныхъ столовъ мрачно толпились игроки. Подойдя къ одному изъ этихъ столовъ, баронъ простеръ руку предъ собою, какъ бронзовая статуя, и Рогдасву показались, будто тусклая завѣса спала съ глазъ его. Онъ ясно увидѣлъ корыстные страсти и свирѣпую алчность на этихъ вѣжливыхъ лицахъ.

«Посмотрите» говорилъ баронъ «на этого старика ильшиваго, краснощеккаго, съ улыбающимся лицомъ. Его улыбка показалась бы вамъ еще отвратительнѣе, еслибъ вы знали, что у него есть двадцатилѣтній сынъ, который лежитъ теперь на смертной постели и которому нѣнучто послать въ аптеку за лекарствомъ. Отецъ принесъ сюда всѣ деньги, оставшіяся у него въ домѣ, а между-тѣмъ ужасная мысль, что у него уже нѣтъ, можетъ-быть, болѣе сына, придасть ему смѣлости и нѣсколько оправдываетъ его въ собственныхъ глазахъ. Подъ его накрахмаленной рубашкой ослѣпительной бѣлизны вы видите фланелевую фуфайку, подъ фуфайкой косматую грудь, а въ груди развратное сердце, гнилое и черное, какъ пустой орѣхъ! Черви алчности источили это сердце, которое отъшкается только на званіе золота.»

«А вотъ другая жертва страсти, также отецъ семейства. У него есть жена, молодая, прекрасная, съ ангельскимъ лицомъ, съ ангельскою душою. Ея блѣдкурый локонъ еще густъ и свѣжъ, какъ локонъ пятнадцати-лѣтней дѣвушки, но глаза утратили уже много блеска отъ ежедневныхъ слезъ. Въ нее до сихъ поръ страстно и безнадежно влюбленъ молодой человекъ, конечно стоящій мужа; но, странное дѣло! игроки всегда были счастливы въ женахъ, можетъ-быть, потому - что женщина, существо самолюбивое и своеправное, любить вдвое человека, постигшаго ничтожность одинокой привязанности, и который, любя золото, любить всѣхъ женщинъ вдругъ, любить жизнь въ тысячѣ ея видахъ; можетъ-быть, въ подтвержденіе старинному правилу, что мы имѣемъ всегда то, чего не желаемъ...

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей... (*).

«Далѣе между игроками въ экартѣ замѣтили ли вы фашіонбля, одѣтаго по послѣдней модѣ? Онъ только - что начинаеть, и познакомился съ этими господами, чтобы дополнить игрой свое романтическое существованіе; теперь еще галстухъ его не смять, щетки его еще не потерли румянца молодости; но игра не позволяетъ безнаказанно съ ней знакомиться. Страсть къ обладанію начинаеть уже возмущать его спокойное кровообращеніе, и скоро, скоро онъ будетъ вѣдить слова не изъ одной жажды развлеченія!

(*) Пушкинъ.

«Люди часто бросаются въ игру съ отчаяніи, отъ семейственныхъ силегней, отъ неудачи сердца или честолюбія. Другіе ищутъ въ ней отчаяніи, чтобы отдохнуть какъ-нибудь отъ медленныхъ угрызений совѣсти, освѣтить, хотя на минуту, свое блѣдное существованіе краснымъ заревомъ страсти. Они смотрятъ на жизнь съ ея поэтической высоты и презираютъ мирное блаженство, если оно влію и туно какъ прѣсная пища. Здѣсь вы увидите болѣе игроковъ этого разряда. Но я не стану вамъ описывать біографію каждаго изъ нихъ. Ни одинъ не привлзываетъ насъ къ себѣ никакимъ благороднымъ чувствомъ; на всѣхъ лицахъ вы прочтете одно: скука и усталость. Одна только черта сколько-нибудь оправдываетъ въ моихъ глазахъ наши собранія: ни одинъ изъ этихъ господъ не употребляетъ здѣсь непозволенныхъ средствъ къ выигрышу. Впрочемъ это было бы и не возможно: всѣ законы этого клуба такъ ясны и такъ строго наблюдаются, что шулеру нечего бѣ было тутъ дѣлать.

«Теперь бросьте наблюдательный взглядъ на эту толпу, вникните въ ея страхи и надежды—и вы привыкнете напередъ угадывать, кто выиграетъ и кто проиграетъ. Темныя рѣшенія случая еще не такъ темны и несповѣдимы для того, кто давно хладнокровно наблюдаетъ эту фантастическую драму. Посмотрите на таинственныя нити счастья и несчастія, которыя вьются, свисаются, снуютъ около игроковъ. Вглядитесь въ это грозное могущество, когда оно вмѣшивается въ дѣла людей, и не буду-

чи пророкомъ, вы увидите, какъ въ зеркалѣ, и судьбу завтрашняго дня и развлѣку цѣлаго года.»

Баронъ одной рукой держалъ руку Рогдасва—и странный огонь переливался въ его жилы: казалось, магнетическая сила, исходившая изъ барона, возмущала въ немъ кровь и кружила голову. Онъ видѣлъ уже предъ собою все предметы въ чудовищныхъ, неестественныхъ размѣрахъ; онъ уже въ-самомъ-дѣлѣ угадывалъ карту счастливую и ту, которая должна была проиграть... Не слушая болѣе своего новаго знакомаго, шатался какъ опьянѣлый, онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежала куча золота, и съ отчаянною увѣренностью въ свой даръ предугадывать, сталъ держать огромныя пари...

Все они выиграли.

Къ третьему часу ночи Димовъ съ Рогдасвымъ возвращались домой; послѣдній держалъ на коблѣняхъ тяжелый мѣшокъ: это были девятьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей, выигранные имъ менѣе нежели въ два часа. Димовъ съ усмѣшкой зависти подравлялъ своего друга.

«Странное счастье!» говорилъ онъ: «только-что прїѣхалъ въ Петербургъ и выигралъ такую сумму? Однако, признайся, что во всемъ этомъ ты обязанъ мнѣ правомъ быть приняту въ такомъ домѣ, гдѣ могъ ставить сотни тысячъ безъ другой поруки, кромѣ твоего аристократическаго вида.»

—

IV.

Одинокій сидѣть Рогдаевъ, пріѣхавъ съ игры и устремивъ помертвѣлый взглядъ на шкатулку, въ которой заключалось его сокровище. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ былъ промотавшійся дворникъ, опутанный долгами, съ разореннымъ, неустрашимымъ есстолніемъ: теперь онъ можетъ выкупить имѣніе, заплатить частныя долги и значительно поправить дѣла свои. И все это досталось ему такъ неожиданно, какъ волшебствомъ!.. Ужъ не сонъ ли это? Рогдаевъ нѣсколько разъ вставалъ со стула и ходилъ по комнатѣ, чтобъ услышать шорохъ своихъ шптыхъ туфель...

Рогдаевъ, какъ мы уже сказали прежде, принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ созданій, которые всегда недовольны людьми и собою. Ему вѣчно казалось, что онъ или не дошелъ или перешелъ за черту того кодекса, который равно начертанъ на сердцѣ Восточно-Индійца и на сердцѣ его побѣдителя, Англичанина. Иногда онъ думаетъ, что напрасно отказалъ себя въ какомъ-нибудь наслажденіи, щадя выгоды ближняго, или потерявъ случай отмстить изъ ложной гордости; но онъ мучился вдесятеро болѣе, когда подозрѣвалъ себя въ преступленіи противъ правды чести и благородства, и тогда готовъ былъ все принести въ жертву, чтобъ смыть съ своей совѣсти ничтожнѣйшее пятно. И со всемъ тѣмъ онъ не былъ человѣкъ прав-

ственный въ точномъ значеніи этого слова: онъ только имѣлъ цескотливую, мнительную совѣсть, и, помучившись хорошенько, перевернувъ со всѣхъ сторонъ какой-нибудь свой проступокъ, оканчивая свои философическія разсужденія тогчасъ же выадалъ въ прежнія слабости.

Такъ и теперь, послѣ первой лихорадки стѣжаеія, грустныя мысли залегли къ нему на сердце. Онъ почувствовалъ, что за выигранныя деньги продалъ что-то дороже богатства, дороже всѣхъ благъ жизни. Онъ чувствовалъ, что потерялъ что-то, о чемъ и не думалъ прежде: безопасную совѣсть, неотягченную никакимъ положительнымъ преступленіемъ.

Чѣмъ глубже думалъ онъ о предметѣ, тѣмъ болѣе почиталъ себя виновнымъ. Конечно, онъ не могъ упрекнуть себя въ полицейскомъ воровствѣ; онъ не былъ обязанъ своимъ выигрышемъ ни одной изъ тѣхъ хитростей которыя такъ счастливо употребляютъ нѣкоторые игроки; но что такое безчестный игрокъ, игрокъ навѣрное, передъ страстнымъ, хотя и чистымъ игрокомъ? Первый есть только пошлый разбойникъ, мелкій фигляръ, не имѣющій довольно гордости, чтобъ быть честнымъ, и довольно терпѣнія, чтобъ нажить себѣ деньги позволенными средствами. Но человекъ, который хочетъ сохранить величіе души своей, вызывая на равный бой гигантскаго демона, называсмаго случаемъ; человекъ, отказывающійся напередъ отъ всякаго раскаянія и бросающій въ страшную урну всѣ свои

надежды, — не есть ли онъ родъ чародѣя, недовольнаго знашемъ открытыхъ силъ природы и который смѣло похищаетъ мину гнѣй скипетръ, не забываясь, долго ли продолжится его царство и чѣмъ замлатитъ онъ въ будущемъ за свою власть надъ стихіями? . .

Велкая лѣттерей, велкая игра не есть ли вещь тѣмъ болѣе безирравственная, чѣмъ менѣе употреблемъ мы въ ней свободную волю, дарованную намъ Богомъ? Не ругается ли велкій игрокъ надъ бѣдностію и бѣдствіями его окружающими, бросая для себялюбиваго удовольствія труды многихъ? Все въ мірѣ имѣетъ свое вознагражденіе, все безпрестанно стремится къ равновѣсію: не ожидаетъ ли и игрокъ счастливаго какое-нибудь изъ тѣхъ страшныхъ наказаній, которыя такъ часто терзаютъ богатей въ ихъ семействѣ, въ ихъ частной жизни, и тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ гряднѣе понять ихъ лядямъ, видящимъ одно только благо въ богатствѣ?

Рогдасевъ ужасался при мысли, что можетъ-быть въ одну эту ночь онъ уже истощилъ всю свою способность отгадывать и предвидѣть, и что съ этой минуты его ожидаютъ одни только неудачи и несчастія. Бальзакъ въ своемъ гениальномъ романѣ подмѣтилъ тонкую сторону человѣческой природы: онъ показалъ намъ сквозь призму чудеснаго, какъ съ каждымъ исполненнымъ желаніемъ уходитъ жизнь наша, унося съ собою вѣру въ счастье. Рогдасевъ начинать уже чувствовать въ груди своей чихотку Рафаэля . . .

Усталый, взволнованный, онъ бросился въ постель, но чудовищныя грезы преслѣдовали его и подъ одеяломъ. Сперва снилось ему, что онъ входитъ въ огромный залъ, въ тысячу разъ огромнѣе Колизея, церкви св. Петра въ Римѣ и всѣхъ архитектурныхъ громадностей на земномъ шарѣ. Въ этомъ залѣ, конечно построениомъ Бробдигнагианами, все имѣло приличный размѣръ; къ одной изъ стѣнъ, вмѣсто зеркала, приставлено было озеро Комо, замороженное какимъ-то чуднымъ процессомъ, въ тихую, лунную ночь. Въ такое зеркало смотрѣлся Рогдасвъ и видѣлъ себя также великаномъ, съ чертами, обезображенными чудовищною огромностію. Въ карманѣ своемъ онъ чувствовалъ часы съ Думской-Башни; въ рукахъ его, вмѣсто тросточки, была Александровская колонна, которою онъ вертѣлъ самымъ неловкимъ образомъ какъ провинціальныи франтъ, только-что пріѣхавшии въ столицу. Платье его было грубо и нитки сукна толщиною походили на тростинку. Отворотясь отъ огромнаго зеркала, онъ закрылъ глаза; но вѣжды его такъ страшно хлопнули одна на другую, какъ ставни стараго дома въ осеннюю бурю.

Далѣе, ему представилось, что онъ проснулся и спокойно лежитъ въ постели, радуясь, что родился на такой планетѣ, гдѣ все такъ мало и мелко. Только комната совсѣмъ не походила на его комнату. Чтобы узнать, гдѣ онъ, Рогдасвъ всталъ и подошелъ къ окну. Сѣрое небо мрачно висѣло надъ неизвѣстнымъ ему городомъ, котораго готическія

церкви и зданія безъ крестовъ показывали, что онъ въ землѣ не-католической. Въ комнату было душно: чтобъ освежить себя, онъ отворилъ окно, и въ ту же минуту услышалъ шумъ отъ густой толпы народа, сплывшаго куда-то сиротаться, точно-какъ отъ сильнаго дождя. Вслѣдъ за блжавшимъ народомъ онъ увидѣлъ странный потѣдъ, соединявшій всю мрачность погребенія съ торжественностію и величіемъ церемоніальнаго шествія войскъ въ какую-нибудь столицу. Впереди шли люди съ зажженными факелами; но одежда ихъ была столь богата, такъ блестяща, что не могла принадлежать ассистентамъ печальнаго обряда; кому же ничего похожаго на траурный крѣпъ не развѣвалось на ихъ шляпахъ и шапагахъ. За ними, верхомъ на черныхъ лошадяхъ, ѣхали статные юноши; но ихъ прекрасныя лица болѣе походили на отверженные лики падшихъ ангеловъ Мильтона, нежели на свѣтлую наружность воиновъ христіанскихъ. Много еще продолжало пышныхъ вельможъ, пачменныхъ всадниковъ, которые равнодушно толтали женщинъ и дѣтей, неуспѣвшихъ посторониться, чтобъ дать имъ дорогу. Наконецъ показался огромный черный тронъ, подъ великолѣпнымъ багдахиномъ, везомый множествомъ лошадей. Едва хотѣлъ Рогдасъ взглянуть на человека среднихъ лѣтъ, свирѣпаго вида, сидѣвшаго на тронѣ, какъ вдругъ сильная рука ударила его по плечу...

«Ты взглянулъ на него» сказалъ дикій голосъ
«ты ослушался повелѣнія—подъ смертною казнію

не осквернять своимъ нечистымъ взглядомъ свѣтлаго лица нашего владыки . . .»

— Я не знаю вашего владыки . . .

«Какъ! ты осмѣливаешься не признавать мудрыхъ уставовъ всемірнаго властителя, Анномліона великаго, который възжасть теперь въ послѣдній городъ, покоренный его владычеству? Сейчасъ нади ниць въ знакъ послушанія, или ты увидишь, что мы съ тобой сдѣлаемъ!»

Вся преданія христіанства, вся исторія мучениковъ и мучителей жили въ памяти Рогдасва: ужасный выборъ между смертію и безчестіемъ, сильная воля великодушныхъ жертвъ, которая все погибли, не отказавшись ни отъ одной черты ими проповѣданнаго ученія—все это представилось ему съ удивительною ясностію.

Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на улицу: тамъ все уже проѣхало; за нимъ же стоялъ ужасный человекъ, который страшно хохоталъ надъ его замѣшательствомъ.

«Чтожь ты не отвѣчаешь?» новторилъ дикій голосъ.

— Но кто ты самъ? спросилъ Рогдасвъ.

«Кто я? Ты осмѣливаешься это спрашивать! Я правая рука моего государя, второй министръ его, слѣдственно третья власть на земномъ шарѣ—и ты не боишься меня спрашивать кто я?»

Въ это время комната наполнилась уже людьми разнаго званія, казалось, только-что ожидавшими повелѣній страшнаго придворнаго. Чтобъ спастись какъ-нибудь, Рогдаевъ бросился изъ окна, которое, по-счастію, было не высоко, и пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Старался выбирать самыя уединенныя улицы и перемѣляя безпрестанно направленіе, онъ довольно удачно успѣлъ скрыться отъ своихъ преслѣдователей. Уже онъ миновалъ городскія ворота, — вотъ уже онъ въ полѣ; но тутъ, замѣтивъ, что проходящіе смотрятъ на него недовѣрчиво, онъ долженъ былъ убавить шагъ. Скоро онъ достигъ огромнаго дворца, повидимому пустаго; находя его удобнымъ для отдыха, онъ вошелъ туда и, быстро миновавъ два или три корридора, достигъ огромной залы, сырой и темной. Онъ начинать уже немного приходитъ въ себя, какъ вдругъ на стѣнѣ увидѣлъ надпись, на неизвѣстномъ ему языкѣ, и совсѣмъ тѣмъ значеніе которой было для него ясно. Въ ней было упомянуто объ немъ, какъ объ государственномъ преступникѣ; голова его была оцѣнена; всякій, подѣ смертною казнію, долженъ былъ выдать его правительству. Рогдаевъ спѣшилъ оставить ужасный дворецъ; но войти въ него было легче, нежели выйти; онъ путался въ выходахъ, и уже слышать за собою шумъ голосовъ, которые лютвенно говорили: «онъ здѣсь, онъ долженъ быть здѣсь, мы видѣли какъ онъ вошелъ». Облутый холоднымъ потомъ, Рогдаевъ бѣжалъ, безпрестанно спотыкался въ безконечныхъ корридорахъ, по стѣнамъ которыхъ были развѣшаны всѣ роды орудія

нытки, всё изобрѣтенія инквизиціи въ отвратительномъ порядкѣ; голоса становились все ближе и ближе; наконецъ Рогдасъ наткнулся на какую-то комнату, изъ которой не было болѣе выхода. Онъ хотѣлъ воротиться, но въ дверяхъ встрѣтила его злобная улыбка адскаго придворнаго, за которымъ слѣдовала цѣлый полкъ палачей. . . Тутъ Рогдасъ иронически улыбнулся, и на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ; но чувства его долго сомнѣвались въ существованіи его окружающаго. Передъ нимъ стоялъ баронъ Розенбергъ и держалъ его за руку; длинный носъ, высушенный подбородокъ и блѣдное лице барона имѣли удивительное сходство съ чертами адскаго царедворца, видѣннаго имъ во снѣ,—и Рогдасъ съ невольнымъ ужасомъ смотрѣлъ въ глаза своему новому знакомцу, все еще принимая его за страшное пугало своего кошмара.

Наконецъ свѣжій воздухъ спальни понемногу возбудилъ въ немъ жизнь съ ея острыми страданіями и глухими радостями; ему стало холодно въ постели и онъ снѣвшилъ накинуть на себя халатъ, вспомнивъ, что въ Петербургѣ и въ июль мѣсяцѣ иногда нехудо бы прибѣгать къ прозаической необходимости топить печь.

— Какимъ образомъ вы здѣсь? спросилъ онъ своего гостя, съ обиднымъ удивленіемъ.

«Самымъ естественнымъ образомъ» отвѣчалъ тотъ: «мнѣ нужно было видѣться съ вами по одно

му дѣлу, которое сейчасъ буду имѣть честь вамъ объяснить; вашъ человекъ сказалъ мнѣ, что вы еще не проснулись. Между-тѣмъ дверь вашей комнаты была отворена; я вошелъ, хотѣлъ подождать, какъ вдругъ за ширмами услышалъ отчаянный крикъ: «пустите, пустите меня!..» Я тотчасъ узналъ вашъ голосъ, и, чтобъ избавить васъ отъ неприятнаго сна, пришелъ разбудить.»

Когда-съ взялъ ключъ отъ своей шкатулки, и прежде всего, какъ-бы нечаянно, увѣрился, на томъ ли мѣстѣ его золото. Оно было нетронуто. Тогда онъ обратился къ барону, просилъ его садиться и сказать ему какъ можно скорѣе причину своего посѣщенія.

«Вотъ въ чемъ дѣло» началъ баронъ: «вчера вы выиграли такую сумму, которую стыдно бы было держать въ ломбардѣ безъ обращенія, или проиграть снова, или, подобно нѣкоторымъ Русскимъ кунцамъ, зарыть въ землю, предпочиталъ вѣрный грошъ невѣрному рублю. Но я не за тѣмъ обезножилъ васъ такъ рано, чтобъ обвинять въ подобномъ варварствѣ; вы конечно занимались политической экономіей, читали и Сая, и Смита, и Мальтуса, и сами знаете нехуже моего, что въ нашъ вѣкъ все возможно съ взаимной довѣренностію и духомъ компаній. Теперь слушайте. Мы заводимъ филатюру; у насъ все уже готово: и машины изъ Голландіи, и мастера Англичане, и домъ для фабрики, и всѣ нужные подряды; насъ пятеро: каждый вносить по

осемьсотъ тысячъ. Чтобъ дѣйствовать обширнѣе, мы рѣшились пригласить въ партію шестаго; завтра наше послѣднее засѣданіе. Если вы хотите ввѣрить намъ свой капиталъ, то при теперешнемъ состояніи дѣла въ Россіи, мы беремъ давать вамъ всякій годъ тридцать процентовъ, а по истеченіи пяти лѣтъ возвратить полную сумму, если вы того пожелаете. И все это получите вы безъ всякихъ хлопотъ, совершенно обезпеченные законнымъ контрактомъ.»

— А кто ваши товарищи?

Баронъ назвалъ четырехъ богатѣйшихъ вельможъ въ Петербургѣ.

Рогдасевъ былъ столько разъ обманутъ въ жизни, что, еслибъ баронъ и не имѣлъ такой непріятной фязіономіи, еслибъ знакомство ихъ и не началось такъ странно, то и тогда бы не согласился на его предложеніе. Одно только останавливало его отказаться рѣшительно: ясность, съ какою баронъ рассказываетъ дѣло, повидному, совершенно безопасное для Рогдасева, и имена четырехъ вельможъ, людей при мѣстахъ и конечно могущихъ знать прежде другихъ, въ какую спекуляцію можно выгоднѣе пустаться въ Россіи. Со всемъ тѣмъ онъ отвѣчалъ:

Я не могу ничего сказать вамъ рѣшительно. Я нездоровъ; у меня сегодня болитъ голова; къ кому же мнѣ надобно справиться...

«Точно ли все, что говорю я вамъ, правда? Но завтра уже будетъ поздно. Решайтесь сейчасъ, или никогда. Чтобъ удостовѣрить васъ еще болѣе, вотъ Петербургскія Вѣдомости.»

Баронъ вынулъ изъ кармана экземпляръ газетъ, въ которомъ какое-то объявленіе отъ гг. Филлѣтровъ было подписано тѣми самыми лицами, которыхъ по словамъ его должны были вести предпріятія.

Все это однакожь казалось Рогдасву довольно темно, и торопливость, съ какою баронъ приступалъ къ нему, только увеличивала его подозрѣнія.

— Я рѣшительно отказываюсь, сказалъ онъ.

«Итакъ, прощайте. Не думайте я, чтобъ человѣкъ въ вашей лѣтѣ, получившій конечно Европейское воспитаніе, могъ быть такъ сильно недоверчивъ и такъ жадно скупъ.»

Лице барона приняло торжественное выраженіе; онъ продолжалъ:

«Признаюсь, отказъ вашъ досаденъ мнѣ столько же для васъ самихъ, сколько онъ разстроиваетъ наши общія выгоды. Прощайте. Ваша неблагодарность будетъ наказана; я говорю: неблагодарность, потому-что еслибъ не я, то вамъ бы не выиграть ни копейки.»

При этихъ словахъ Рогдасъ вскочилъ со стула; кровь бросилась ему въ голову; онъ уже хотѣлъ вытолкать дерзкаго, который осмѣлился такъ ругаться надъ нимъ въ его собственной комнатѣ, но послѣ мгновеннаго размышленія сдѣлать лучше:

— Остановитесь, сказать онъ. Еще цѣтъ двадцати-четырехъ часовъ какъ я разбогатѣлъ; а уже спокойствіе меня оставило. Неужели вы думаете, что вашими совѣтами вы сдѣлали меня счастливѣе? Возьмите это золото назадъ. Я не знаю откуда оно пришло, не знаю куда пойдеть, но не хочу болѣе имѣть его у себя ни минуты. Возьмите его съ моимъ нескрешнимъ желаніемъ, чтобъ оно также заставило страдать васъ, какъ сгрдадь отъ него я сегодня.

Баронъ хладнокровно принялъ роковой мѣшокъ, не показывая ни радости, ни истерикъ.

«Завтра» сказалъ онъ «въ шесть часовъ понолудни, въ домъ * *, въ * * улицѣ, мы ожидаемъ васъ для окончательныхъ совѣщаній. Тамъ объяснятся вамъ подробности ваши права и обязанности.

V.

Впоследствии Рогдасевъ не имѣлъ случая раскаляться въ своей неосторожности: слова барона были совершенно справедливы, спекуляція чрезвычайно выгодна. Рогдасевъ не пошмалъ, изъ чего этотъ человекъ, съ которымъ онъ познакомился такъ недавно, старается объ немъ съ такимъ усердіемъ. Вчера онъ помогъ ему выиграть миллионъ, сегодня не потерялъ ни минуты, чтобъ выгодно помѣстить его. Какія тайныя причины могли привлечь этого страннаго человекъ къ выгодамъ Рогдасева, который обращался съ нимъ въ первые дни ихъ сношеній почти съ грубою подозрительностію? Онъ терлся въ догадкахъ. Но одна мысль успокоила его, мысль достойная свѣтской логики нашего времени: баронъ могъ воспользоваться значительною суммою, и того не сдѣлать; изъ этого, по крайней-мѣрѣ, можно было навѣрное заключить, что баронъ Розенбергъ не мелкій мошенникъ, не пошлый плутъ, и если и имѣеть какіе-нибудь виды, то не на карманъ Рогдасева, который болѣе всего презираетъ денежныхъ обманщиковъ.

Мрачная, готическая наружность барона, глубокая морщина, наръзанныя на блѣдыхъ щекахъ его, и таинственный, мѣрный тонъ, съ которымъ ронялъ онъ слова, когда говорилъ; чудная смѣсь въ немъ глубокихъ познаній съ какою-то приказною точностію, когда дѣло шло о продажѣ имѣнія или завономъ документа—все это человекъ съ вообра-

женіемъ непременно показалось бы очень страннымъ и достойнымъ быть истолковану романтическимъ образомъ; но Рогдэвъ не принималъ даже на себя труда узнать покороче откуда явился въ Петербургъ баронъ его, будучи твердо увѣренъ, что все на землѣ чрезвычайно просто, и что истинно-чуждое существуетъ только въ Пемецкой повѣсти да въ головѣ мечтателя.

Ктому же, еслибы баронъ былъ въ самомъ дѣлѣ таинственное лице, то не связался бы съ Петербургскими вельможами, не завелъ бы придельной фабрики и не ѣздилъ бы такъ часто въ гражданскую палату. Не было никакого сомнѣнія, баронъ человекъ обыкновенный. — Между-тѣмъ новое чувство привлекало Рогдэва къ товарищу его по дѣламъ. Баронъ велъ себя всегда очень осторожно, не былъ ни съ кѣмъ откровененъ, и такъ же искусно скрывалъ свою универсальную ученость, какъ другой силится бы ея выказать. Говоря, напримеръ, съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ статскимъ совѣшникомъ, онъ важно вытягивалъ губы, похалъ табакъ съ дипломатическими приемами и старался какъ можно болѣе сжать и охолодить и безъ-того уже холодный свой темпераментъ. Если же, напротивъ, встречалъ пѣхотнаго полковника, то съ восторгомъ спрашивалъ его о погодѣ, о придворныхъ новостяхъ, о последнемъ балетѣ, или нерестройкѣ казармъ. Съ однимъ Рогдэвымъ баронъ казался искреннимъ, если можно назвать нескрепностью свободный тонъ умаго человека, которъй не прячетъ

ума своего въ карманъ, но также не выказываетъ и сердца. Какъ бы то ни было, такое предпочтеніе лѣтнлю самолюбиво Рогдасва и нѣсколько спасало его отъ ужасной скуки проводить жизньъ въ этой пустынь людей, гдѣ изрѣдка попадетел путнику то порокъ и полуобразованность, то невѣжество и порокъ, а иногда бесъ илькая добродѣтель подѣ старымъ ченцомъ, набитымъ предразсудками и суевѣріемъ; гдѣ всякій недовѣрчиво смотритъ на сосѣда и часто старается пробыть подольше въ какомъ-нибудь обществѣ, изъ одной болѣзни что, неусиль еще отбѣхатъ отъ дѣму, онъ уже сдѣлается предметомъ пересудъ и злословія.

Будучи принужденъ по дѣламъ фабрики часто видѣться съ барономъ, Рогдасвъ часть-отъ-часу болѣе удивлялся его излщному вкусу и разнообразнымъ познаніямъ. Особенно когда онъ былъ съ нимъ наединѣ, большой видъ и язвительная улыбка барона мало-по-малу принимали пріятнѣйшія формы; увлекательный, краснорѣчивый, когда говорить онъ, казалось, цѣлая природа живо проходила передъ слушателемъ, съ ея кристальными водами, синимъ небомъ и свѣжею зеленью; но едва входилъ посторонній и разскащикъ смыкалъ уста, какъ вся эта панорама вдругъ исчезала, будто отъ рукъ механика, быстро закрывшаго стекло вошнѣснаго фонаря, и предъ вами опять являлся тяжелый, блѣдный баронъ, холодный и жесткій какъ статуя.

— Что мнѣ за дѣло — часто думать Рогдасвъ,

что баронъ Розенбургъ, можетъ-быть, человекъ злой и съ черствымъ, глухимъ сердцемъ! Онъ добръ ко мнѣ и докажетъ мнѣ это; а замѣчанія его на большой свѣтъ и на Русское общество соединяютъ въ себѣ всю ясность взгляда иностранца съ опытною и знаніемъ дѣла давнишняго жителя Россіи. Онъ для меня замѣтателенъ; я радъ, что съ нимъ познакомился.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, Рогдсвъ сидѣлъ съ барономъ въ своемъ богатомъ кабинетѣ, устроенномъ по всемъ требованіямъ новѣйшаго вкуса. Ничего похожего на безобразную ученость аптекаря среднихъ вѣковъ: ни скелетовъ, ни уроковъ въ баюкахъ, ни страшныхъ машинъ не было видно въ этой излишней, иросторной комнатѣ, въ которой все было чисто, ново, великолѣпно. Одни только шкафы съ книгами да нисѣменный столъ намекали о строгихъ занятіяхъ хозяина. На готическомъ пульницѣ лежала огромная Библия, которую разсѣленно перечитывалъ помусонный баронъ; онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, и въ такія минуты, даже въ присутствіи Рогдсва, нехотѣ прерывать молчаніе, и то развѣ для того, чтобъ освежить легкія лишившимъ глоткомъ воздуха.

« Вы хорошо сдѣлали» сказалъ онъ « что перемѣнили квартиру: здѣсь и свѣтлѣе и лучше. Для молодого человека, получающаго до трехъ-сотъ тысячъ дохода, эта роскошь гораздо приличнѣе вашего прежняго, скромнаго жилища, гдѣ все дышало безпорядкомъ холостяка: здѣсь валялся галстухъ,

туть книги, а тамъ лакированные сапоги... Какъ вамъ нравится это мѣсто въ Библии?

—Которое, баронъ?

А вотъ прочтите сами.

Рогдасъ взялъ Библию изъ рукъ барона и началъ читать вслухъ; но прїездъ Димова прервалъ это занятіе. Длинныя шпоры жениха весело бряцали по лѣстницѣ.

«Какъ поживаешь, мой мизантропъ, мой Тимоны Лонискій? Я еще не видалъ тебя съ-тѣхъ-поръ какъ ты перѣхалъ въ Миллионную, настоящую уличную миллионеровъ; а я все былъ занятъ... Охъ ужъ эти свадебныя хлопоты! они отравляютъ всю прїятность жинитьбы. Ну, а ты какъ проводишь время?»

—А вотъ какъ видишь: съ Библией въ рукавъ, которой ты конечно не читаешь, и съ барономъ Розенбергомъ, котораго имѣю честь представить. Баронъ Розенбергъ, господинъ Димовъ..

Они раскланялись.

«Я, кажется, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ Ревелѣ, назадъ тому года четыре» сказалъ Димовъ. «Но послѣ этого ко мнѣ писала сестра, что вы умерли, и я удивляюсь...»

—Увѣрю васъ, что я не умеръ, отвѣчалъ насмѣшливо баронъ.

«О, конечно слухъ невѣрный, какъ и всѣ слухи. Очень радъ, что васъ вижу опять...»

— Но я отроду не бывалъ въ Ревель.

« Помилуйте. Моя память никогда меня не обманываетъ. Я точно знаю васъ въ Ревель довольно коротко, и мнѣ странно, что вы отказываетесь и отъ меня и отъ Ревеля.»

— Я никогда не бывалъ въ этомъ городѣ. Можетъ-быть, вы знали какого-нибудь другаго Розенберга; у меня много родственниковъ, между прочимъ одинъ выигравшій большой капиталъ на Амстердамской биржѣ . . .

« Повторяю, сударь, вамъ, что я знаю васъ, васъ, никого другаго. Вы даже не перемѣнили костюма; на васъ тотъ же зеленый фракъ, тотъ же жилетъ, и я не понимаю, съ чего прошедшимъ лѣтомъ сестрѣ вздумалось извѣстить меня объ вашей смерти . . . »

Баронъ нахмурилъ брови.

— Позвольте, господа, рѣшить споръ вашъ, сказалъ Рогдасъ. Я вижу, что вы несутя хотите продолжить преніе, которое, право, начинаеть быть скучно. Димовъ такъ занятъ ролью жениха, что вездѣ видитъ гостей для своего бала, а вы баронъ напрасно обижаетесь очень естественной ошибкой: случайное сходство—вотъ и все. Но дѣло не въ томъ. Знакомы ли вы были прежде или нѣтъ, я этого не знаю; но у меня прошу познаться и быть друзьями.

« Я пріѣхалъ тебя звать въ шаферы» сказалъ Димовъ, своротивъ съ разговора.

—Откажитесь, примолвилъ по-Анг-лійски баронъ, разсматривая какой-то эстампъ.

«Свадьба будетъ непарадная» продолжать женихъ: «ты можешь надѣть черный солитеръ и башмаки; въ остальномъ, мой дяди, я совершенно полагаюсь на тебя. Парадная свадьба теперь не въ модѣ, я самъ не надѣну краснаго мундира...»

—Вообрази себѣ мое отчаяніе, душа моя Димовъ; я никогда не утѣшусь въ этомъ: вѣдь мнѣ нельзя быть твоимъ шаферомъ...

«Какъ?» вскрикнулъ Димовъ.

—У меня такъ болитъ нога, что вотъ три дня какъ нигуда не выѣжаю, и докторъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что, если я сдѣлаю малѣйшее отступленіе отъ его предписаній, то рискую потерять ногу...

«Возможно ли? ты отказываешься?»

—Нельзя же мнѣ быть твоимъ шаферомъ сяди. Ты видишь, я даже не могъ приподняться съ кресла когда ты вошелъ; иначе усидѣлъ бы я покойно; а то... ой, вотъ начинаеть...

«Проклятая нога! Покуда прощай, поѣду искать другаго шафера. Ужь еслибъ я зналъ, что ты притворяешься!... Но я увѣренъ въ твоей искренности. Прощай. Прощайте, сударь.»

Баронъ холодно поклонился; Димовъ уѣхалъ. Когда Рогдасевъ остался опять одинъ съ барономъ, онъ спросилъ его, для чего отсовѣтовалъ онъ ему идти въ шаферы?

— Не знаю . . . отвѣчалъ баронъ. Я прочелъ что-то страшное на лицѣ вашего пріятеля; я имѣю предчувствіе, что эта свадьба дурно кончится. Впрочемъ вы славно отдѣлялись своею ногою. Третьяго дня я и понять не могъ, отчего она вдругъ у васъ такъ заболѣла,—а вышло кстати. Судьбы неповѣдимы!

Предчувствіе не обмануло барона: свадьба была въ-самомъ-дѣлѣ неблагополучная, и Рогдасвъ очень радъ былъ, что отказался. Во время вѣнчанья одинъ изъ шаферовъ уронилъ вѣнецъ, что очень испугало всѣхъ; а когда молодые поѣхали домой, то прекрасная Орловская четверня начала бить и сломила карету, причѣмъ новобрачный ушибъ себѣ плечо. Всѣ приняли это за самое дурное предзнаменованіе. Впрочемъ несчастіе вѣроятно не имѣю другихъ послѣдствій, потому - что чрезъ два дня Рогдасвъ получилъ слѣдующее печатное приглашеніе:

«Владиміръ Петровичъ и Марья Николаевна Димовы просятъ васъ сдѣлать имъ честь пожаловать къ нимъ на балъ и ужинъ сего юлія 4 дня въ 9 часовъ.

1835.

П. О. О.

VI.

Извините меня, говоритъ Рогдасвъ, надѣвая ба-шмаки, входящему барону; я званъ сегодня на балъ къ графинѣ Дальбенъ, которал нарочно перѣехала съ дачи въ свой огромный домъ, конечно для того, чтобъ удивить насъ пышностію. Балъ дается по случаю той свадьбы, которую, знаете, вы такъ

испортили своимъ зловѣщимъ предсказаніемъ. Я и такъ ужь пропустилъ два бала; но сегодня мнѣ никакъ нельзя отказаться. Посмотрите какую милую записку написалъ ко мнѣ Димовъ.

«Онъ не умѣетъ писать» замѣтилъ баронъ, взглянувъ мимоходомъ на записку.

— Вы во всемъ только видите одни пятна, о таинственнѣйшій изъ бароновъ, не включая и Брамбеуса! Неужели не знаете вы, что анализъ убиваетъ счастье?

«Старинная мысль, которую не совѣтовалъ бы я вамъ повторять слишкомъ часто: анализъ отметить за себя и разобреть по частямъ этотъ софизмъ... Впрочемъ вы можете одѣваться...»

— Тамъ на столѣ вы найдете журналы...

«Да куда спѣшите вы такъ рано? еще только десятый часъ. А нога ваша?»

— Гораздо лучше; однакожь, думаю, буду прихрамывать, когда войду въ залъ; чтожь за бѣда! Это дастъ Байроническій видъ...

«О, ради здраваго смысла, оставьте этого Байрона и съ его подражателями!.. Когда перестанутъ молодые люди передразнивать его дѣтское тщеславіе, аристократическую мелочность и выставныя странности!.. И что нащипы вы въ немъ глубокаго? По крайней-мѣрѣ хотъ бы вы не повторяли чужихъ восторговъ.»

Рогдасъ остановилъ своего камердинера, подававшего ему галстухъ, и почти съ испугомъ смотрѣлъ въ глаза своему гостю.

— Возможно ли, баронъ? Вы не вѣруете въ Байрона?

Баронъ захохоталъ.

«Вы, господа, думаете, что всѣ, подобно вамъ, изъ страха быть странными должны восхищаться самыми нелѣпыми вещами. Что дѣлать! люди могутъ видѣть только маленькій горизонтъ въ пространствѣ; также малъ горизонтъ ихъ и во времени. То, что такъ свято кажется вамъ сегодня, черезъ шестьдесятъ лѣтъ будетъ смѣшно и глупо, и обратно: какъ удивились бы мы, нашедши столько истинно-великаго въ томъ, что едва замѣчаемъ около насъ!.. Придворные Елизаветы не думали, что трагедіи, представляемыя предъ ихъ равнодушною скукою, будутъ оцѣнены потомствомъ, какъ свѣтоснаслѣдство XVII вѣка всѣмъ вѣкамъ будущимъ. Знали ли эти бородатые франты, одѣтые въ бархатъ и золото, что они присутствуютъ при рожденіи всемірнаго театра, потому-что до Шекспира театра не было нигдѣ; а послѣ оиъ вмѣстилъ въ себя всѣ вѣка и всѣ народы, всѣ отбѣнки искусства—романъ, поэму, пѣсню, философическое разсужденіе! Шекспиръ умеръ, и слава его росла безпрестанно; тысячи комментаторовъ бросились на его сочиненія, раздирая ихъ своими когтями, разлагая химически, разсматривая въ микроскопъ; но никто ничего не

пашель на дигъ реторты, потому-что Шекспиръ былъ природа, потому - что гений его упирался корнями въ сердце человеческое, а вѣтвями въ небо . . . .»

— Изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобъ Байронъ былъ малъ, потому - что Шекспиръ великъ. Байронъ также былъ непонятъ современниками; его первый сочиненія разобрали въ Эдинбургскомъ Обозрѣннн.

«И хорошо сдѣлали. Его *Часы праздности* такъ нюхи и посредственны, что, читая ихъ, трудно догадаться, какой человекъ съ дарованіемъ писалъ ихъ,—потому-что Байронъ точно имѣлъ дарованія.»

— Человекъ съ дарованіемъ, поэтъ съ дарованіемъ!.. Вы можете называть такъ гениа, которому удивляется цѣлая Европа! Извините меня, баронъ, но я не думаю, чтобъ вы были такъ горды, такъ упримы въ какихъ-то предразсудкахъ противъ Байрона, чтобъ даже мнѣніе цѣлаго свѣта . . .

«Что касается до мнѣнія свѣта, то я повторяю вамъ, что оно не имѣетъ на меня никакого дѣйствія; въ предразсудкахъ же можетъ быть обвиненъ только тотъ, кто бонтеля испровергнуть всеми принято; слѣдственно въ вашей послѣдней фразѣ есть логическое противорѣчіе: вы обвиняете меня въ предразсудкахъ за то, что у меня нѣтъ предразсудковъ! . . . Но возвратимся къ Байрону: скажите, гдѣ прочли вы, чтобъ онъ не былъ понятъ современниками? И есть ли поэтъ, котораго бы литературная слава была такъ высоко оцѣнена при жизни?»

— А какъ преслѣдовало его Лондонское общество, обличенное имъ въ лицемерной пустотѣ? И даже теперь тамъ несовѣтъ умерли традиціи о *несопитанномъ молодомъ телослѣтѣ*, о *безнравственномъ поэтѣ*, о *лордѣ дурнаго тона*. И вотъ какъ высокая жизнь разсуждала и разсуждаетъ въ этомъ Лондонѣ, который, если имѣетъ какую-нибудь поэзію, то это со временъ Байрона; въ этомъ обществѣ, непронзвѣдшемъ ни одного великаго чело-вѣка (я не говорю о великихъ министрахъ, которые всѣ были люди какой-нибудь исключительной партіи)! И вы можете защищать безсмысленныхъ противниковъ пѣвца Чайльд-Гарольда?

« Все это прекрасно; но я не вижу, почему Лондонское общество, или правильнѣе, великое общество Англійское виновато въ томъ, что Байронъ былъ безнравственный юноша, или (что еще хуже) хотѣлъ казаться такимъ. Англичане всѣ признаютъ легкость версификаціи, изящность языка, блескъ выраженія и дюжину довольно глубокихъ идей, большею-частью занятыхъ имъ у Шекспира, котораго бросилъ свѣту любимый поэтъ вашъ; но они не могутъ однакожь не осудить его за ненужныя странности, безъ которыхъ онъ, право, могъ бы обойтись, и которыя ничего не прибавляютъ къ его литературному достоинству.

« Впрочемъ я не берусь судить о Байронѣ какъ о поэтѣ; можетъ быть въ этомъ случаѣ у меня недостаетъ теплаго чувства, необходимаго при такой оцѣнкѣ. Мнѣ, напримѣръ, всегда казались смѣшны

его корсары, которыхъ «флагъ есть скипетръ, покоряющій все что ни попадется ему на встрѣчу», тогда - какъ настоящіе корсары трепещутъ завидя издали что-нибудь похожее на флагъ Англійскаго фрегата, и бѣгутъ на всѣхъ парусахъ отъ націи, посреди которой родился поэтъ, такъ краснорѣчиво воспѣвшій ихъ шалости! Война пиратовъ, нападающихъ чаще всего на гораздо слабѣйшаго ихъ непріятеля, грабящихъ купеческіе суда и бѣгущихъ отъ военныхъ кораблей, всегда казалась мнѣ слишкомъ подлюю, чтобъ сдѣлаться предметомъ поэтической повѣсти.

«Чайльдъ-Гарольдъ въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе, оттого - что онъ былъ первый Чайльдъ - Гарольдъ, отъ того, что онъ былъ новость; но съ-тѣхъ-поръ у насъ появилось столько Чайльдъ-Гарольдовъ и въ литературѣ и въ обществѣ, что я не знаю, должны ли мы благодарить или проклинать настоящаго, перваго Чайльдъ-Гарольда за то, что онъ расплодилъ на землѣ такое безобразное племя. Байронъ, несмотря на то что хромой, былъ ловкій франтъ, который славно умѣлъ писать модные стихи и поэтически повязывать свой галстухъ. Въ 1812 году, когда появились первыя двѣ пѣсни Чайльдъ - Гарольда, разочарованіе было въ большой модѣ. Всѣ были тогда разочарованы, всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ на родъ человѣческій; по-крайней-мѣрѣ таково было состояніе умовъ въ Англии, и быстрота, съ какою политическія событія слѣдовали одно за другимъ, немало способ-

ствовава этому расположенію общества. Байронъ тотчасъ постигъ требованія эпохи и пустился описывать все самымъ разочарованнымъ образомъ; дикое отчаяніе и холодный мизантропизмъ дышатъ въ каждомъ стихѣ его тогдашнихъ поэмъ, и я вполнѣ отдаю справедливость его пронизательности. Разочарованіе помирившись вѣку уставшему отъ потрясеній революціи и славы Наполеона — и Чайльдъ Гарольдъ былъ принятъ съ восторгомъ, какъ вѣрное выраженіе господствующей моды въ эту эпоху безстрастія и взаимной недовѣрчивости.

«Далѣе, въ другихъ сочиненіяхъ Байрона столько частной занимательности, что я не понимаю, на примѣръ, что могло такъ долго поддерживать славу Джіаура, если не свѣжія извѣстія о Востокахъ, собранныя Байрономъ во время его путешествій по Пелопонезу. Теперь, когда Востокъ намъ слишкомъ извѣстенъ и даже начинаютъ надѣяться, неужели вы все будете пересчитывать несестественное приключеніе, пересказанное звучными стихами, потому только что эти стихи сильно нравятся тѣмъ, которые привыкли считать ими Байрона за святую вещь, долженствующую вѣчно представляться намъ въ томъ же видѣ? Повѣрьте, господа, придетъ время, и оно близко, когда Байронъ вступитъ для насъ въ категорію прошедшаго, и хотя талантъ его будетъ всегда уважаемъ, но не будетъ уже имѣть на словесность никакого вліянія.

«Не стану говорить о другихъ поэмахъ Байрона: онѣ всѣ ниже ихъ извѣстности; скажу только ми-

моходомъ, что благородный лордъ слишкомъ любилъ присвоивать себѣ чужое, облекая его въ свой изящно-отдѣланный стихъ, и не признавался въ этомъ невинномъ похищеніи. Что такое, напримѣръ, Манфредъ, если не явное подражаніе Фаусту? Первые сцѣны этихъ двухъ поэмъ такъ между собою сходны, это сходство такъ бросается въ глаза всякому кто читалъ и ту и другую, что я краснѣю за Байрона, когда подумаю сколько незаслуженной славы получилъ онъ въ Англіи, въ этой упрямой, гордой Англіи, которая ничего не читаетъ иностраннаго, переводитъ еще менѣе, и которую и до-сихъ-поръ надуваютъ ловкіе драматурги, компилируя длинныя комедіи изъ нѣсколькихъ водевилей Скриба и выдавалъ ихъ за оригинальныя пьесы.»

— Но какъ могъ Байронъ подражать Гёте, не зная ни слова по-Нѣмецки?..

«Это ничего не доказываетъ. Развѣ услужливый пріятель не могъ сдѣлать ему изустнаго перевода, изъ котораго авторъ Чайльдъ-Гарольда удержалъ въ своей памяти лучшія мѣста и передѣлалъ ихъ въ Англійскіе стихи? И со всеѣмъ тѣмъ Манфредъ далекъ отъ Фауста, какъ всякое подражаніе отъ своего оригинала. Какъ блѣденъ кажется мнѣ, какъ тяжелъ лордъ Манфредъ съ его земными страстями, съ его порочною любовью къ сестрѣ своей, передъ гигантомъ Фаустомъ, свидасмымъ безграничнымъ любопытствомъ, который свято сохранилъ все заповѣди и погибъ отъ духовной гордости! Онъ также былъ влюбленъ, но влюбленъ во вселенную,

влюбленъ въ науку, у которой хочетъ похитить
всѣ ея тайны и все могущество. Если впослед-
ствіи любовь къ Маргаритѣ и занимаетъ его суще-
ствование, то это потому - что онъ выпилъ живой
воды, которая омолодила его сердце и сдѣлала дан-
никомъ несовершенство земной природы. Но и послѣ
своего паденія, когда онъ жаждетъ испытать всѣ радо-
сти, всѣ страданія человѣка, какъ высокъ Фаустъ и
сколько выше онъ чувствениаго Манфреда, у кото-
раго мечта всегда беретъ верхъ надъ созерцаніемъ,
земныя привычки надъ величественнымъ безстрасті-
емъ чародѣя! Когда Манфредъ вызываетъ фею Аль-
повъ и когда та является надъ водопадомъ во всей
красотѣ женской юности, какой необдуманной от-
вѣтъ школьника приготовилъ для нея этотъ кол-
дунъ, вѣроятно привыкшій говорить съ феями,—
отвѣтъ достойный напудренного маркиза времени
придворныхъ! Фея спрашиваетъ, для-чего онъ вы-
звалъ ее изъ бездны и чего ему отъ нея хочет-
ся? «Only to look upon thy beauty, nothing further»
отвѣчалъ Манфредъ. Миѣ кажется, я вижу этого уче-
наго человѣка какъ онъ ловко кланяется феѣ, гра-
ціозно снимаетъ передъ ней шляпу, и назначаетъ
свиданіе на будущемъ балѣ Олмакка. Бѣдная фея,
стоило ли вызывать тебя изъ воздушныхъ про-
странствъ, чтобъ угостить пошлымъ complimentомъ!
Все, что говоритъ послѣ Манфредъ Альпий-
ской феѣ, не выкупасть плоскости этого перваго
стиха, которому, должно прибавить, не рѣдко уди-
вляются Англичане, какъ одному изъ гениальныхъ
мѣстъ въ сочиненіяхъ благороднаго лорда.

«Но я обѣщался не касаться литературной славы Байрона, и невольно вдаюсь въ критику—простите моей забывчивости. Въ - самомъ - дѣлѣ, мы оба можемъ ошибиться, разсуждая о Байронѣ, какъ о поэтѣ; я можетъ-быть слишкомъ холоденъ, вы слишкомъ горячи . . .»

— Я горячъ? вскричалъ обидѣвшійся Рогдасъ, имѣвшій большое притязаніе на холодность.

«Такъ или иначе, но не въ томъ дѣлѣ» продолжалъ баронъ. «Произведенія искусства могутъ часто быть разсматриваемы съ различной точки, смотря по темпераменту или системѣ воспитанія людей, ихъ разбирающихъ. Не то въ области общественности и гражданской добродѣтели: тутъ всѣ образованныя существа *должны* согласиться между собою, обесуживая личный характеръ или частную жизнь, потому - что для отсутствія нравственнаго чувства нѣтъ извиненій ни въ томъ, кто пороченъ, ни въ томъ, кто оправдываетъ или одобряетъ пороки. Скажите же мнѣ, ради всѣхъ философовъ міра, отъ Сократа до Шеллинга, что находите вы въ жизни Байрона достойнаго удивленія? Конечно, Байрона нельзя упрекнуть ни въ одномъ изъ поступковъ, которые можно положительно назвать низкими или безчестными: онъ никогда не лгалъ, платилъ карточные долги свои, игралъ вообще очень рѣдко и готовъ былъ во всякое время драться на дуэли со всякимъ, кто того пожелаетъ. Но развѣ всего этого довольно, чтобъ быть добродѣтельнымъ?»

— Кто вам говорить, что Байронъ былъ добродѣтелемъ?

«Я и не требую отъ него добродѣтели. Но отъ чего, скажите, поэтъ можетъ избавиться отъ всѣхъ законовъ логики, сбросить съ себя нѣ здраваго смысла, быть пьяницею, обольстителемъ женщинъ, не уважать религій,—и все это простить ему, оттого только, что онъ поэтъ? Я желалъ бы распространить въ обществѣ это правило: что если стихи не могутъ быть оттого дурны, что ихъ писалъ мерзавецъ, съ другой стороны авторъ ихъ все-таки останется мерзавцемъ, какъ бы ни хороши были стихи его. Не нахмуривайте такъ бровей своихъ; послѣднiя слова мои нисколько не относятся къ Байрону. Я упрекаю его только въ двухъ вещахъ: въ тщеславіи и совершенномъ недостаткѣ постоянного политическаго и религіознаго мнѣнiя.

«Въ первомъ случаѣ мы не нуждаемся въ авторитетахъ. Особенно прочтите записки радикала Ли-Ганта, прiятеля Байронова. Онъ расскажетъ вамъ, съ ѣдкою свойственною перу его, какъ благородный лордъ часто превеличивалъ число своихъ побѣдъ надъ сердцами женщинъ; какъ онъ пресерьезно сердился на одного изъ друзей своихъ за то, что тотъ ѣздилъ верхомъ лучше его. Политическаго мнѣнiя у него не было никакого. Аристократъ въ душѣ, онъ всю жизнь свою прикидывался либераломъ и всступилъ въ Италию въ общество карбонаровъ, чтобъ довершить этой неприличной шалостью сумму своихъ эксцентрическихъ пороковъ.

Всякій знасть какъ плюха была его рѣчь, говоренная имъ въ парламентѣ о сожигателяхъ машинъ, и какъ холодно принята она была въ немъ поборниками самыхъ противоположныхъ партій. Какъ чловѣкъ государственный, слѣдственно, Байронъ никогда не могъ бы прославиться...

— А Греція, баронъ, Греція! Вы забыли лучший подвигъ Байрона, цѣлую страну, которая свидѣтельствуеть о благородномъ сердцѣ моего поэта, принесшаго въ жертву все что уцѣлѣло у него отъ кораблекрушенія судьбы. Онъ подвинулъ дѣла Греціи болѣе нежели сколько думаютъ, и на его могилѣ распустился цвѣтъ Греческой вольности...

«Тщеславіе и тщеславіе — вотъ пружина всѣхъ дѣйствій Байрона. Скажите, какое достоинство находите вы въ чловѣкѣ, который, проживъ половину имѣнія, проживъ здоровье и самую свѣжесть мыслей, умѣлъ воспользоваться послѣднимъ случаемъ, представившимся ему, чтобъ спасти свое доброе имя, и, не имѣя болѣе надежды блистать въ Англіи, поднялся на романтическій подвигъ и умеръ кстати, *à point*, именно когда его стихотворенія начали отзываться усталостью истощеннаго денди, а волосы покрылись преждевременною сѣдиною?»

— Но тщеславіе не дастъ энергій управлять обстоятельствами. Байронъ, повторю вамъ, оживилъ своимъ присутствіемъ погасающее рвеніе Эллиновъ, и, еслибъ онъ не умеръ, то можетъ-быть сдѣлалъ бы и еще болѣе.

«Повѣрьте мнѣ, Байрону не было суждено вести Грековъ къ побѣдѣ. Кто былъ дурной сынъ, дурной мужъ . . .»

— Остановитесь, баронъ, я не могу долѣе слушать вашихъ обвиненій; пощадите мое удивленіе къ памяти поэта, котораго имѣя не умереть въ потомствѣ, тогда-какъ имена его критиковъ будутъ забыты, смѣты. перемѣшаны въ мутной волнѣ человѣчества, клубящей въ бездну вѣчности миллионы дюжиныхъ существовацій.

Говоря это, Рогдасъ вскочилъ какъ изступленнѣйшій; но въ ту же минуту, стыдясь своей запальчивости, снова сѣлъ на диванъ и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Разбирая Манфреда, вы сѣй часъ сравнивали его съ Фаустомъ: желалъ бы я знать, какъ понимаете вы характеръ Мефистофеля?

«Вамъ пора ѣхать» отвѣчать съ улыбкой баронъ, вынимая часы. — «Мои немного отстаютъ; теперь должно быть ровно три четверти одиннадцатаго. Прощайте.»

И. Б—ъ.

КТО ОНЪ?

Онъ силенъ — какъ буря Алтай;
Онъ мягокъ — какъ влага рѣчная;
Онъ твердъ — какъ гранитъ вѣковой.
Онъ вьется — ручьемъ серебристымъ;
Онъ брызжетъ — фонтаномъ огнистымъ;
Онъ льется — кипучей рѣкой.

Онъ гибокъ — какъ трость молодая;
Онъ крѣпокъ — какъ сталь вороная;
Онъ звученъ — какъ лростный громъ.
Онъ рыщетъ — медвѣдемъ косматымъ;
Онъ скачетъ — оленемъ рогатымъ;
Онъ рѣтеть подъ тучи — орломъ.

Онъ сладокъ — какъ дѣвы лобзанья;
 Онъ томить — какъ вздохъ ожиданья;
 Онъ иженъ — какъ голосъ любви.
 Онъ блестя — сіяньемъ лазури;
 Онъ дышетъ — дыханіемъ бури;
 Онъ свищетъ — посвистомъ *Ильи* (*).

Онъ легокъ — какъ вѣтеръ пустынный;
 Онъ тяжекъ — какъ мечъ Славянина;
 Онъ быстръ — какъ налѣтъ казака.
 Въ немъ генийъ полночной державы . . . .
 О гдѣ вы, наперстники славы?
 Гремите! . . . . вамъ висмядуть вѣка!

(*). Ильи-Муромца.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Отрывокъ изъ неоконченнаго романа.)

ГЛАВА I.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ Парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ Испанской войнѣ, и, тяжело раненный, возвратился въ Парижъ. Императоръ посреди обширныхъ своихъ трудовъ не переставалъ осведомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы насчетъ его успѣховъ и поведенія. ПЕТРЪ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ, и ПЕТРЪ

спиходительствовать его просьбамъ, просить заботиться о своемъ здоровьи, благодарить за ревность къ ученію, и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалеть для него своей казны, присовокупилъ къ червоицамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью Французовъ того времени. Последніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностію, важностію и приличіемъ двора, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками великаго рода, къ несчастію не имѣлъ и тѣхъ лицемѣрій. Оргіи Нале-Рояли не были тайною для Париза; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Лаву; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждою наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезали, нравственность гибла; Французы смѣялись и расчитывали, и государство распадалось подъ игрище принѣвы сатирическихъ водовилей.

Между-тѣмъ общества представляли картину самую занимательную. Образованность и погрѣбность всеелиться сблизили всѣ сословія. Богатство, любовь, слава, таланты, самая странность — все что подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствіе, было принято съ одинаковой благосклонностію. Литература, ученость и философія оставили

тихій свой кабинетъ и лѣзли въ кругу большаго свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніями. Женщины дарстловали, но уже не требовали обожанія. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое почтеніе. Проказы герцога Ришельё, Алквіада новѣйшихъ Аоніи, принадлежать исторіи и даютъ понятіе о правахъ сего времени.

Tems fortuné, marqué par la licence,
Où la folie agitant son grelot
D'un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté penitence.

Польщеніе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желали видѣть у себя le negre du Czar, и ловили его наперехватъ. Регентъ приглашалъ его неразъ на своемъ всеалье вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостію Аруэта и старостію Шомье, разговорами Монтескьё и Фонтенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту Петербургскаго двора не одна ужасала Ибрагима: другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу. Молодой Африканецъ любилъ

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцати лѣтъ, при

выходъ ея изъ монастыря, выдали ее за человека, котораго она не успѣла полюбить и который впоследствии никогда о томъ не заботился. Мелва приписывала ей любовниковъ, но по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у ней соединилось лучшее Парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, нечитасмый вообще посаженнымъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всеми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодого негра какъ на чудо, окружали его, обсыпали привѣтствіями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго чужаго, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ никѣмъ незамѣченнымъ и почиталъ ихъ ничтожествомъ благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадѣянности и прятаній самолюбія, что придавало рѣдкую пре-

лестъ обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ поправился графинѣ Л., которой надобно важныя шутки и тонкіе намеки Французскаго остроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у ней. Мало по малу она привыкла къ наружности молодого негра и даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернящейся посреди пудренныхъ париковъ ея гостинной (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ отроду; онъ былъ высокъ и строенъ, и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство; но предубѣжденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда же взоры его встрѣчались со взорами графини, недоверчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ неприужденно, что невозможно было въ ней подозревать и тѣни кокетства или насмѣшливости.

Любовь не приходитъ ему на умъ, а уже видѣть графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданной милостію неба. Графиня, прежде чѣмъ онъ самъ, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣ всѣхъ расчетовъ обольщенія. Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣян-

ность. Мервиль первый замѣтилъ эту взаимную склонность, и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ ободрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣряя самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной досель не представлялась его воображенію; надежда вдругъ оживила его душу; онъ влюбился безъ памяти. Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его страсти, хотѣла противопоставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія: она сама ослабѣвала...

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Повалъ связъ графини стала скоро всеобщимъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумились ея выбору, многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея стороны непростительную неосторожность. Въ первомъ уносѣ страсти Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шутки мужчинъ и колкія замѣчанія женщинъ стали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима досель ограждало его отъ подобныхъ нападений; онъ выносилъ ихъ истерпѣливо и не зналъ чѣмъ отразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ смѣтней и насмѣшекъ. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запутало ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила о томъ Ибрагиму. Утѣшенія, совѣты, предложенія — все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса, мужчины бились объ закладъ, кого родить графиня: бѣлаго ли или чернаго ребенка. Эниграммы сыпались насчетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не знаетъ и ничего не подозрѣвать.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты наскоро. Графа наняли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Для два передъ симъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго своего младенца: за нимъ послани повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стенанья, шопотъ служанки и приказанья доктора. Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиралъ его душу, каждый промежу-

токъ молчанія обвивалъ его ужасомъ.... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка, и, не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини... Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Поворожденнаго положили въ крыгую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лѣстницѣ. Принесли другаго ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ. Ибрагимъ ухалъ немного успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшиться единственнымъ извѣстіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемениться, и что связь его рано или поздно могла дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы ни произошло, гибель графини была неизбежна. Ибрагимъ любилъ страстно и также былъ любимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна; она любила не въ первый разъ. Отвращеніе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуточку охлажденія; доселѣ онъ не вѣдалъ

ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовать; онъ воображалъ, что сграданія разлуки должны быть мѣнѣе мучительны, и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ, и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ и темное чувство собственнаго долга

ГЛАВА II.

Дни, мѣсяцы проходили—и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить женщину, обольщенную имъ. Графиня часъ-отъ-часу болѣе къ нему привязывалась. Сыны ихъ воспитывались въ отдаленной провинціи. Силетни свѣта стали утихать, и любовники начинали наслаждаться болѣе спокойствіемъ, молча помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугъ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины

шы сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена: на другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. «Подумайте о томъ, что дѣлаете» сказалъ ему герцогъ: «Россія не есть вамъ отечество; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть эюю вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, оставайтесь во Франціи, за которую вы уже проливали кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.» Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи. «Жалью» сказалъ ему регентъ: «но впрочемъ вы правы.» Онъ объявилъ ему отставку и написалъ обо всемъ Русскому Царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунъ своего отъѣзда провелъ онъ, по-обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибрагимъ не имѣлъ духа ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себѣ и шутила надъ его задумчивостью. После ужина всѣ разъѣхались. Остался въ гостиной графиня, съ мужъ, да Ибрагимъ. Несчастный отдалъ бы все на свѣтъ, чтобы только остаться съ нею наединѣ, но графъ L., казалося, расположился у камина такъ спокойно, что нельзя было надѣяться

выжить его изъ комнаты. Въ трое молчали. «Bonne nuit» сказала наконецъ графиня. Сердце Побрагима стѣснилось и вдругъ почувствовало все ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно. «Bonne nuit, messieurs,» повторила графиня. Онъ все не двигался.... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась, онъ едва могъ выдти изъ комнаты. Пріѣхавъ домой, онъ почти въ безмятежствѣ написалъ слѣдующее письмо.

«Я ѣду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, потому-что не имѣю силъ иначе съ тобою объясниться.

«Счастье мое не могло продолжаться: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбить, очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преслѣдовала, даже въ тѣ минуты, когда, казалось, забывалъ я все, когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ самоотверженіемъ, твоею неограниченною пѣжностью.... Легкомысленный свѣтъ безпощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ то, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость рано или поздно побѣдила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу, и ты наконецъ устыдилась бы своей страсти.... Что было бы тогда со мною? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все что ты вытерпѣла;

всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія болзпити, вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ ли я, подвергать тебя долѣе тѣмъ же волненіямъ и опасностямъ? Зачѣмъ сплнться соединить судьбу столь нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдственной судьбою негра, жалкаго творенія, едва удостоиваемаго названія человѣка?

«Прости, Леонора, прости, милый, единственный другъ. Оставляя тебя, оставляю нервыя и послѣднія радости моей жизни. Не имѣю ни отечества, ни ближнихъ; вѣду въ Россію, гдѣ мнѣ отрадою будетъ мое совершенное уединеніе. Строгія занятія, которымъ отнынѣ предаюся, если не заглушать, то по - крайней - мѣрѣ будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства.... Прости, Леонора! Отрываюсь отъ этаго письма, какъ-будто изъ твоихъ объятій. Прости, будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ негрѣ, о твоёмъ вѣрномъ Ибрагимѣ.»

Въ ту же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восгоржествовало надъ существенностію. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемыя навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на Русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, несмотря на дурную дорогу, взяли его съ бы

стротою вѣтра, и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное-Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человекъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотился на столъ, читалъ Гамбургскія газеты. Услышавъ что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вставая съ лавки: «здорово, крестникъ.» Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приближился, обильно его и поцѣловалъ въ голову. «Я былъ предувѣдомленъ о твоёмъ приѣздѣ» сказалъ Петръ: «и поѣхалъ тебѣ на встрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. «Вели же» продолжалъ государь «твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною и поѣдемъ ко мнѣ.» Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ, и они поехали. Черезъ полтора часа они приѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянныя мосты повсюду являли недавнюю побѣду человеческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома казались въскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась

у дворца, т. е. Царицына-Сада. На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней Парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее, и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: «узнала ли ты, Катинька, моего крестника? прошу любить и жаловать его по-прежнему». Екатерина устремила на него черныя, пронизательныя глаза и благосклонно протянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приближились къ Петру. «Лиза» сказала онъ одной изъ нихъ: «помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя красть у меня яблоки въ Ораніебаумѣ? Вотъ онъ, представляю тебѣ его». Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, спрашивалъ его о Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ; Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда, государь, по Русскому обыкновению, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ Им-

ператрицей и великими князьями. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывать образъ Парижской жизни, тамошніе праздники и своеобразныя моды. Между-тѣмъ некоторыя изъ особъ приближенныхъ къ государю, собралися во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великодушнаго князя Мещникова, который, увидя арана, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутаго совѣтника ПЕТРА, ученаго Брюса, прослызнаго въ народѣ Русскимъ Фаустомъ; молодаго Рагузинскаго, бывшаго своего товарища, и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями

Государь въписель часа черезъ два. «Посмотримъ» сказалъ Онъ Ибрагиму: «не позабылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною.» ПЕТРЪ заперся въ токарнѣ и занялся государственнымъ дѣломъ. Онъ по-очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицмейстеромъ Девиеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, ПЕТРЪ вынулъ карманную книжку, дабы справиться все ли имъ предлагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: «ужь поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ было въ старину; завтра я тебя разбужу.»

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня L., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единственной его мыслию. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, оживляющій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностію и тайнымъ уныніемъ. Мысль быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа, возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ семь расположеніи духа, онъ легъ въ приготовленную для него походную постель, и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА III.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбандирской роты Преображенскаго полка, въ кося онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякой по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ осѣдомлялся о своихъ Парижскихъ знакомыхъ, а

Головнигъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему при-
мѣру послѣдовали и прочіе, такъ-что Ибрагимъ полу-
чилъ приглашеній по-крайней-мѣрѣ на цѣлый мѣсяць.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣя-
тельные, слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день-ото-
дня болѣе привязывался къ государю, лучше по-
стигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями
великаго человѣка есть наука самая занимательная.
Ибрагимъ выдалъ Петра въ сенатъ, оспариваемаго
Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важ-
ные запросы законодательства; въ адмиралтейской
коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи;
въ часы отдохновенія выдалъ его съ Θεофаномъ
Гавриловичемъ Бужинскимъ и Кошевичемъ, рассмат-
ривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ,
или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремеслен-
ника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Иб-
рагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся одиѣ
машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный за-
веденному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ по-
читалъ и себя обязаннымъ трудиться у собствен-
наго станка и старался какъ можно менѣе сожа-
лѣть объ увеселеніяхъ Парижской жизни. Труднѣе
было ему удалитъ отъ себя другое, милое воспо-
минаніе: часто думалъ онъ о графинѣ L., воспоминалъ
справедливое негодованіе, слезы ея.... Но
иногда мысль ужасная стѣсняла его грудь: разсѣя-
ніе большаго свѣта, новая связь, другой счастли-
вецъ — онъ содрогался; ревность лачинала бурлить
въ Африканской его крови, и горячія слезы готовы
были течь по его черному лъцу.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на Французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостію оборотился, и молодой К., котораго оставилъ онъ въ Парижѣ, въ вихрь большаго свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями. «Я сейчасъ только пріѣхалъ» сказалъ К.: «и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Все наши Парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалеютъ о твоёмъ отсутствіи? Графиня Л. велѣла звать тебя непременно, и вотъ тебѣ отъ нея письмо.» Ибрагимъ схватилъ его съ трепетомъ и смотрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ. «Какъ я радъ» продолжалъ К., «что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной заведена ли у васъ хоть опера?» Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, что вѣроятно государь работаетъ теперь на корабельной верфи. К. засмѣялся. «Вижу» сказалъ онъ «что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся до-сыта, яду представлять-ся государю.» Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ притворствѣ и недовѣрчивости. «Ты говоришь» писала она «что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! еслибъ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня печальная вѣсть о твоёмъ

отъѣздѣ? Ты боялся, чтобъ я тебя не удержала
будь увѣренъ, что, несмотря на мою любовь, я
умѣла бы сею пожертвовать твоему благополучію и
тому, что считаешь ты своимъ долгомъ.» Графиня
заключала письмо страстными увѣреніями въ люб-
ви и заклинала его хоть изрѣдка ей писать, если
уже не было для нихъ надежды снова свидѣться ко-
гда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ
восторгомъ цѣлуя безцѣпныя строки. Онъ горѣлъ
нетерпѣніемъ услышать что-нибудь объ графинѣ, и
собрался ѣхать въ адмиралтейство, надѣясь тамъ
застать еще К.; но дверь открылась, и самъ К.
явился опять. Онъ уже представлялся государю—и,
по своему обыкновенію, казался очень собою до-
вольнъ. «Entre nous» сказалъ онъ Ибрагиму «госу-
дарь престранный человѣкъ; вообрази, что я за-
сталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мач-
тѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ ка-
рабкаться съ моими денегами. Я стоялъ на вере-
вочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобъ
сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно за-
мѣнался, чего отроду со мною не случалось. Одна-
кожь государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на
меня съ головы до ногъ, и вѣроятно былъ пріятно
пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда;
по-крайней-мѣрѣ онъ улыбнулся и позвалъ меня на
сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ со-
вершенный чужестранецъ; во время шестилѣтняго
отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія:

пожалуйста будь моимъ менторомъ, заѣхай за мной и представь меня. Ибрагимъ согласился и сѣвилья обратилъ разговоръ къ предмету болѣе для него занимательному. «Ну, что графиня Л.» «Графиня? Она, разумеется, сначала очень была огорчена твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумеется, мало-по-малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза Р. Что же ты вытаращишь свои арабскіе бѣлки? или это кажется тебѣ страннымъ? развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хороненько, а я пойду отдохну съ дороги; не забудь же за мою заѣхать.»

Какія чувства наполнили душу Ибрагима! Ревность? бѣшенство? отчаяніе? нѣтъ; но глубокое, стѣпенное участіе. Онъ повторялъ себѣ: это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣсилъ голову и горько заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать; Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться; но ассамблея было дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читалъ Французскую книгу. «Такъ рано?» сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. «Помилуй!» отвѣчалъ тотъ: «ужь половина шестаго, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.» К. застегнулся, сталъ звонить изъ всей мочи, люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ

каммердинеръ подаль ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ, его принесли, К. всунуть въ него стриженую голову, потребовалъ шагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвежны шубы и они поѣхали въ Зимній-Дворецъ.

К. осматривать Ибрагима вопросамъ: кто въ Петербургъ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между-тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на дугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажы, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ: свита необходимая по понятіямъ болръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ими общій шоноть: арапъ, арапъ, царскій арапъ! Онъ поскорѣ провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настижь, и они вошли въ залу. К. остолбенѣлъ . . . . Въ большой комнатѣ, освѣщенной салными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вслѣможн съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ муцидрахъ, корабельные мастера въ курткахъ

и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при непрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась какъ стебель ихъ узкая талія; алмазы блистали въ ушахъ, въ длинныхъ локоняхъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налево, ожидал кавалеровъ и начали танцевать. Барыни пожимали старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой старою: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Натальи Кирилловны, а роброны и мангильи какъ-то напоминали сарафанъ и дунегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шипперовъ, которые въ кашефасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ вязали свой чурлоу, между собою смѣлись и разговаривали, какъ-будто дома. Замѣти новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ швомъ и стаканами на подносе. К. не могъ опомниться. «Que diable est ce que tout cela?» спрашивалъ К. винолюса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистала красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, приветливо съ ними разговаривали. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большою частию иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опорожни-

вая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пушчемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ играть въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салотовали другъ друга запами табачнаго дыма. Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтить К., какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявивъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга, кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣливое препровожденіе времени, таранилъ глаза и кусалъ себя губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ

мужчины пожилых лет вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣнительствомъ и, казалось, не знала что ему сказать. Мужнина, сидѣвшій подле нея, нахмурился еще болѣе. К. ждать ся рѣшился; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвѣлъ на средину залы и важно сказалъ: «государь мой, ты провинился, во-первыхъ, подошедъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому ее vybrать, тогда-какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру: сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ—именно долженъ выпить *кубокъ большаго орла.*» К. часъ-отъ-часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружилъ, шумно требуя немедленнаго исполненія закова. ПЕТРЪ, услышавъ хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большою охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тицетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказалъ ПЕТРЪ увиди К.: «попался, братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться.» Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу. «Послушай, К.» сказалъ ему ПЕТРЪ: «штаны то на тебѣ бархатные, какихъ и я не пошу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобы я съ

тобой не побранился.» Выслушавъ сей выговоръ, К. хотѣлъ выдти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неопisanному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблучками съ большимъ усердіемъ и ужь вовсе не наблюдал карапса. К. не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего Гаврилы Аонасьевича Рагузинскаго, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубылъ глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею мепузтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто, потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: «проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ большаго орла!...» Но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головою болью, смутно помня шарканья, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

ГЛАВА IV.

Не скоро эти предки наши,
 Не скоро двигались кругомъ
 Ковши, серебряныя чашы
 Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Русские в Лодии жь.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аонасьевичемъ Рагузинскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго, боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣниемъ, былъ хлѣбосоль, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна,—словомъ, онъ былъ коренной Русскій баринъ, по его выраженію, не терять Нѣмецкаго духу и старался въ домашнемъ быту сохранишь обычай любезной ему старинны. Дочери его было семнадцать лѣтъ отроду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣньями дѣвушками, шила золотомъ и не знала грамоты; отецъ ея, несмотря на отвораченіе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться ильскамъ Нѣмецкимъ у пѣвшаго Шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отроду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была невесьма способна къ мануэтамъ и курантамъ; за то лѣвалъ съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя трудныя на. Ученица дѣлала честь его старинцамъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамб-

дсахъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К., который на другой день прѣзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аонасевичемъ; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому барину, который прозвалъ его остроумно Французскою обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аонасевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый вынулъ свою, жалѣя, что ноцѣлуй, получаемый въ старину притакимъ случаемъ, вышелъ ужь изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подле хозяйки, сѣлъ тесть его князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній болригъ; прочіе гости, наблюдал старшинство рода и тѣмъ помня счастливый времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста: барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорпал и сморщенная, и плѣшый танцмейстеръ въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливою и многочисленною челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностію.—

Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣлательныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: «а гдѣ же Екимовна? позвать ее сюда.» Нѣсколько слугъ бросились-было въ разные стороны, но въ ту же минуту старая жепщина, набѣленная и парумяненная, убранныя цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла припѣвая и подпѣлывала. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

«Здравствуй, Екимовна» сказалъ кн. Лыковъ: «каково поживасшь?»

—По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ ожидаючи.

«Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

—Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по болгскому приказу, на смѣхъ всему міру, по Нѣмецкому маніру.»

При сихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяйна.

«А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ» сказала Татьяна Аонасьевна, старшая сестра хозяйна, сердечно имъ уважаемая. «Подняшио пыпѣшніе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и нальни кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, ко-

нечю, пещего; а право жалъ сарафана, дѣвчѣей ласты и повойника! Видь посмотрить на нынѣшнихъ красавицъ—и смѣхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны Французской мукою, животикъ перетянуть такъ, что еле не перервется, исподницы наплены на обручи, въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ — пагибаются: ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевести—сущія мученицы, мои голубушки!»

«Охъ, матушка Татьяна Аонасьевна!» сказагь Кирилла Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воевода, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. «По мнѣ жена какъ хочешь одѣвайся, хоть кутафьей, хоть болдыханомъ: только бѣ не каждый мѣсяць заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новѣшенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе робронцы—погляднись: сегодня на барышѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе Русскому дворянству! Бѣда да и только.» При слухѣ словахъ, онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старшій, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— А кто виновать? сказагь Гаврило Аонасьевичъ, напѣя кружку кислыхъ щей. Не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ.

«А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирилла Петровичъ. «Ншой бы радъ быть запереть жепу въ теремъ: а се съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ ужь эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинична сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и, обратясь къ мужу, спросила его съ княжеской улыбкою: что находятъ онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

«А то въ нихъ дурно» отвѣчалъ разгоряченный супругъ, «что съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ завѣнсь, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: *жена да боится своего мужа*; хлопотуть не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянутель офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, Русской боярынь или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ Нѣмцами-табачниками да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло: до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!»

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурился, Гаврила Аонасьевичъ. А признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по нраву: того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, а въ и самаго насмѣхъ пьянымъ напоить. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью;

а нынче такъ молодёжь пѣбаловалась, что ни на что непохоже. Вотъ, напримеръ, сынъ покойнаго Евграфъ Сергѣевича К....., на прошедшей ассамблеѣ, надѣяль такого шуму съ Натаншей, что ицъ всего меня въ краску. На другой день, гляжу, катятъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ, ужъ не князя ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небожь не могъ остановиться у воротъ да погрудиться ицъшкомъ дойти до крыльца—куды! влетѣтъ, раснаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ-мышку будто шляпу, и начала крикаться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: «мусье..... мамзель..... ассамблея..... пардонъ.» Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

—Ни дать, ни взять—К....., сказалъ старый князь Лыковъ, отирая слезы смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось. А что грѣхъ тантъ? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Иѣметчины на свлгую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ въсь на какомъ нарѣчій, не почитать старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!) царскій арапъ всѣхъ болѣе на человека походить.

«Ахти батюшки, князь» сказала Татьяна Леонасьевна: «видѣла, видѣла его близехонько: какал жь у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!»

— Конечно, — замѣтилъ Гавриилъ Леонасьевичъ: «человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону.... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не оплъ ли обезьяна заморская? Вы что зѣбаете, скоты? — продолжать онъ, обращаясь къ слугамъ: бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь....

«Старая борода, не бредишь ли?» перервала дурра Екимовна: «Али ты слыиъ: сани-то государевы; Царь прѣехалъ.»

Гавриилъ Леонасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола: всѣ бросились къ окнамъ, и въ-самомъ-дѣлѣ увидѣли государя, который вешодилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣялась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусались; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и Царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина оторопѣлаго отъ радости. «Здорово, господа!» сказалъ ПЕТРЪ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подзвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по ушамъ, а даже по плеча. «Ты часъ-отъ-часу хорошеешь»

сказать ей государь и, по своему обыкновению, поцѣловать ее въ голову; потомъ, обратился къ гостямъ: «что же? я вамъ помѣналь; вы обѣдали; прощу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аонасьевичъ, дай-ка анисовой водки». Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него поднось, самъ налилъ золотую чарочку и подаль ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ крекелемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ картины и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяйна и спросилъ себя щей. Государевъ деньщикъ подаль ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ, гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-Нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошася государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. «Гаврила Аонасьевичъ!» сказалъ онъ хозяйну: «мнѣ пужно съ тобою поговорить на-единѣ»—и, взявъ его подъ руку, увелъ въ

гостиную и заперъ за собою дверь. Гости остались въ столовой, потому что толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и, опасаясь быть нескромными, вскорѣ разѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ - соль.

ГЛАВА V.

Черезъ полчаса дверь открылась и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аонасѣевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подаль ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аонасѣевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со стола, отославъ Наташу въ ея свѣтлицу и, объливъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аонасѣевна сѣла на старинный штофный кресла, придвинула подъ ноги скамеечку; Гаврила Аонасѣевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать, въ ногахъ князя Лыкова и началъ вполголоса слѣдующій разговоръ:

«Недаромъ государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?»

— Какъ намъ знать; батюшка братецъ! сказала Татьяна Аонасеевна.

— Не приказать ли тебѣ Царь вѣдать какое-либо воеводство? сказать тесть: давно пора; али предложитъ быть въ отвѣтъ? Что же? вѣдь не однихъ дяковъ и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ государямъ.

«Нѣтъ» отвѣчала тесть нахмурился. «Я человекъ стараго покроя, а вѣльиче служба наша ненужна, хоть можетъ-быть православный Русскій дворлянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, ближниковъ да бурсурмановъ. Но это статья особая.»

— Такъ о чемъ же, братецъ, сказала Татьяна Аонасеевна, изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужь не бѣда ли какая съ тобою приключилась? Господь унаен и помилуй!

«Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было-приздумался.»

— Что же такое, братецъ? о чемъ дѣло?

«Дѣло о Наташѣ: царь пріѣзжалъ ее сватать.»

— Слава Богу, сказала Татьяна Аонасеевна перекрестясь. Дѣвушка на-выданыи, а каковъ свать, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого же Царь ее сватаетъ?

«Гм!» крикнулъ Гаврила Аонасеевичъ: «за кого? то-то, за кого!»

— А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

«Отгадайте» сказать Гаврила Аонасьевичъ.

— Батюшка братецъ! отвѣчала старушка: какъ намъ угадать? Мало ли жениховъ при дворѣ: всакий радъ взять за себя твою Натану. Долгорукій что ли?

«Нѣтъ, не Долгорукій.»

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шеннъ? Троскуровъ?

«Нѣтъ, ни тотъ, ни другой.»

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ понабрались Нѣмецкаго духу. Ну такъ Милославскій?

«Нѣтъ, не онъ.»

— И Богъ съ нимъ: богатъ да глухъ. Что же? Елецкій? Львовъ? Нѣтъ? Неужь-то Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же Царь сватаетъ Натану?

«За арапа Ибрагима.»

Старушка ахнула и сплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ: за арапа Ибрагима?

— Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Натанушки въ когти черному діаволу.

«Но какъ же» возразилъ Гавриилъ Аонасьевичъ «отказатъ государю, который за то обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всѣму нашему роду?»

— Какъ, воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошесть, Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

«Онъ роду непростаго» сказалъ Гавриилъ Аонасьевичъ: «онъ сынъ армскаго сагпама. Басурмане взяли его въ плѣнь и продали въ Цареградѣ, а нашъ посланникъ выручить и подарить его Царю. Старинный братъ арапа привѣзжалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и.....»

— Слыхали мы сказку про Бову Королевича да Ерусалана Лазаревича!

— Батюшка Гавриилъ Аонасьевичъ! перервала старушка: расскажи-тко намъ лучше какъ отвѣчалъ государю на его сватанье.

«Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше хоженье дѣло повиноваться ему во всемъ.»

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гавриилъ Аонасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ; дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокъ простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда государь заперся съ ея отцомъ; какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нее, и когда Гавриилъ Аонасьевичъ

царьевичъ отослать ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покон подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ и, падя, ударилась головою о кованый сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались; Наташу подняли, повесели въ ея свѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о царскомъ арапѣ, о свадьбѣ, и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ: «Валеріанъ, милый Валеріанъ, жизнь моя! спаси меня: вотъ они, вотъ они!...» Татьяна Аонасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусилъ губы и молча вынесъ изъ свѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взойти на лѣстницу, оставался внизу. Что Наташа? спросилъ онъ. «Худо» отвѣчалъ огорченный отецъ: «хуже чѣмъ я думаю: она въ безнадежномъ бредитъ Валеріаномъ.»

—Кто этотъ Валеріанъ? спросилъ встревоженный старикъ. Неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

«Онъ самъ, на бѣду мою!» отвѣчалъ Габриилъ Аонасьевичъ. «Отецъ его во время бунта снасъ мнѣ

жизнь, и чортъ меня догадать принять въ свой домъ проклятаго волчонка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, занесли его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ-тѣхъ-поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла; анъ видно нѣтъ. Но рѣшено: она выйдетъ за арапа.»

Князь Лыковъ не противорѣчилъ: это было бы напрасно; онъ поѣхалъ домой; Татьяна Аоанасьевна осталась у Наташиной погости; Гаврила Аоанасьевичъ, пославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, крайней-мѣрѣ столько же, какъ и Гаврилу Аоанасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему: «я замѣчаю, братъ, что ты приунылъ; говори прямо: чего тебѣ не достаетъ?» Ибрагимъ увѣрилъ государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ. «Добро» сказалъ государь, «если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю чѣмъ тебя развеселить.»

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима: «идетъ ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцевалъ минаветъ на прошедшей ассамблѣ?»—Она, го-

сударь, очень мила, и, кажется, девушка скромная и добрая.—«Такъ я жь тебя съ нею знакомо покороче. Хочешь ли ты на ней жениться?»—Я, государь?.... «Послушай, Ибрагимъ: ты человекъ одинокий, безъ роду и племени, чужой для всехъ, кроме одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдой мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ Русскимъ боярствомъ».—Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего Царя и благодѣтеля: больше ничего не желаю. Но еслибъ и имѣть въ виду жениться, то согласится ли молодая девушка и ея родственники? Мол наружность..... «Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая девушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гавриилъ Рагузинскій, когда я самъ буду твоимъ сватомъ?» При сихъ словахъ, государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

«Жениться?» думать Африканецъ: «зачѣмъ же пѣтъ? Уже ли суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человека, потому только что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ ми-

лыхъ заблужденій, я выбралъ ниня обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Рагузинскою присоединитъ меня къ гордому Русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены я не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу приобрѣту постоянной вѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.»

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся, и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шолъ за нимъ съ веселымъ видомъ. «Все, братъ, конечно!» сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: «я тебя сосватаю. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но смотри, потышь его боярскую снѣдь: оставь сани у ворогъ, пройди черезъ дворъ нынкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. Теперь» продолжалъ онъ потряхивая дубинкою «заведи меня къ плуту-данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.»

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довель его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

ГЛАВА VI.

Тихо теплилась лампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ косякъ блистали золотые и серебрянные оклады наследственныхъ иконъ. Дрожавшій свѣтъ ея слабо озарялъ занавѣшенную кровать и столикъ, уставленный стеклянками съ ярьками. У печки сидѣла служанка за самопрлякою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одну тишину свѣтлицы.

«Кто здѣсь?» пронзесъ слабый голосъ. Служанка встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо приподняла пологъ. «Скоро ли разсвѣтетъ?» спросила Наталья.—Теперь уже полдень, отвѣчала служанка. «Ахъ Боже мой, отчего же такъ темно?»—Окны закрыты, барышня.—«Дай же мнѣ поскорѣ одѣваться.»—Нельзя, барышня: дохтуръ не приказалъ.—«Развѣ я больна? давно ли?»—Вотъ ужъ двѣ недѣли.—«Не ужь-то? а мнѣ казалось будто я вчера только легла . . . .»

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣяныя мысли: что-то съ нею случилось, по что именно—не могла вспомнить. Служанка все стояла передъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ. «Что такое?» спросила больная. Госнода откушани, отвѣчала служанка: встають изъ-стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна Аванасьевна. Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсь и сѣла опять за самопрляку.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами, и спросила въ пологосу: что Наташа? «Здравствуй, тётушка» сказала тихо больная; и Татьяна Аонасеевна къ ней поспѣшила. Барышня въ памяти, сказала служанка, осторожно придвигал кресла. Старушка со слезами поцѣловала блѣдное, томное лице племянницы и сѣла подлѣ нея. Велѣлъ за нею Немець-докторъ въ черномъ кафтанѣ и въ ученомъ нарикѣ вошелъ, пошупалъ у Наташи пульсъ и объявилъ по-Латинѣ, а потомъ и по-Русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернилъницы, написалъ новый рецептъ и уѣхать, а старушка встала и, снова поцѣловавъ Наталью, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстiю вшзъ къ Гаврилѣ Аонасеевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ при шпагѣ, съ шляпою въ рукахъ, сидѣлъ царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аонасеевичемъ. К., растянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча снмъ занятiемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному приближицу праздности, и въ немъ увидѣлъ Татьяну Аонасеевну, которая изъ-за двери дѣлала брату незамѣчаемые знаки. «Васъ зовутъ, Гаврила Аонасеевичъ» сказалъ К., оборотись къ нему и перебивъ рѣчь Нобрагима. Гаврила Аонасеевичъ тотчасъ пошелъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

«Дивись твоему терпению» сказал К. Ибрагиму. «Битый час слушаешь ты бредни о древности рода Лыковых и Ржевских и еще присовокупиленьки к тому свои правоучительныя примѣчанія! На твоёмъ мѣстѣ j'aurais planté là старика врани и весь его родъ, включая тутъ же и Наталію Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной une petite santé. Скажи по совѣсти: уже ли ты влюбленъ въ эту маленькую mijaurée?»—Нѣтъ, отвѣчалъ Ибрагимъ: я жевиюсь конечно не по страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія.—«Послушай, Ибрагимъ» сказалъ К.: «послѣдуй хоть разъ моему совѣту; право, я благодарюшье, чѣмъ кажусь. Брось эту близкую мысль—не женись. Миѣ сдается, что твой невѣста никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало ли что случается на свѣтѣ? Напримерь: я конечно собою недурень, но случилось однакожь миѣ обманывать мужей, которые были, сѣ Богу, ни чѣмъ не хуже моего. Ты самъ . . . поминишь нашего Парижскаго пріятеля графа Д? Нельзя надѣяться на женскую вѣрность; счастливѣе кто смотритъ на это равнодушно. Но ты! . . . Съ твоимъ ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ ли сплюсненнымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли шаршавой головой бросаться во все онажности женитьбы? . . .»—Благодарю за дружескій совѣтъ, прервалъ холодно Ибрагимъ. Но знаешь пословицу: не твой печаль чужихъ дѣтей качать . . . «Смотри, Ибрагимъ» отвѣчалъ смѣясь К., «чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальный смыслъ.

Но разговоръ въ другой комнатѣ становился горячѣе. «Ты уморинишь сея» говорила старушка: «она не вынесетъ его виду.» Но посуди ты сама, возразилъ упрямый братъ: вотъ уже двѣ недѣли ѣздить онъ женихомъ, а до-сихъ-поръ не видать невесты. Онъ наконецъ можетъ подумать, что ея болѣзнь пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ-бы время продлить, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдышаться. Да что скажетъ и Царь? Онъ ужъ и такъ три раза присылалъ спросить о здоровьи Натальи. Воля твоа, а я ссориться съ нимъ не намѣренъ. «Господи Боже мой!» сказала Татьяна Аонасьевна: «что съ нею бѣдною будетъ! Но-крайней-мѣрѣ пусти меня приготовить ее къ такому посѣщенію.» Гавриилъ Аонасьевичъ согласился и опять вошелъ въ гостиную.

— Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму: опасность миновалась, Наталья гораздо лучше; если-бы несовѣстно было оставить здѣсь одного дорогаго гостя Ивана Евграфовича, то я повелъ бы тебя вверхъ взглянуть на твою невесту. Къ поздравилъ Гавриилъ Аонасьевича, просилъ не безпокоитьсѣ, увѣрилъ, что ему необходимо ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяйка проводить себя.

Между-тѣмъ Татьяна Аонасьевна спѣшила приготовить болѣзную къ появленію страшнаго гостя. Вошедъ въ свѣтлицу, она сѣла задыхалась у постели, взяла Наташу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гавриилъ Аонасьевичъ отдернулъ занавѣсъ, холодно посмот-

рѣчь на большую и спросить, какова она. Большая хотѣла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время показалось, что кто-то стоялъ у ея изголовья. Она съ усиленіемъ приподняла голову и вдругъ узнала царскаго арана. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изурешная природа не получила примѣчательнаго потрясенія. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза . . . . сердце въ ней билось болѣзненно. Татьяна Аонасьевна подала брату знакъ, что большая хочетъ уснуть, и все вышло потихоньку изъ свѣтлицы, кромѣ служанки, которая снова сѣла за самопрляку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за кормилицею. Но въ ту же минуту круглая, старая кривка какъ шарикъ подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась кормилица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аонасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лѣстницѣ и притаилась за дверью, не измѣняя любопытству среднему прекрасному полу. Наташа, увидя ее, выслава служанку, и кормилица сѣла у кровати на скамеечку.

Никогда столь маленькое тѣло не заключало въ себѣ столь много душевной дѣятельности. Она шивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она приобрести

любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которыми управляла самовластно. Гавриила Аонасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аонасьевна поминутно сиравлилась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей все свои мысли, все движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца.

«Знаешь, Ласточка» сказала она: «батюшка выдастъ меня за арапа.»

Кормилица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

«Развѣ нѣтъ надежды?» продолжала Наташа: «развѣ батюшка не скажется надо мною?»

Кормилица тряхнула чепчикомъ.

«Не заступятся ли за меня дѣдушка или тетушка?»

—Нѣтъ, барышня: арапъ во время твоей болѣзни всѣхъ уснѣлъ заворожить. Баринъ отъ него безъ ума, князь только имъ и бредитъ, а Татьяна Аонасьевна говоритъ: жаль, что арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

«Боже мой, Боже мой!» простонала бѣдная Наташа.

—Не печалься, красавица наша, сказала кормилица, цѣлуя ея слабую руку. Если ужъ и быть тебѣ за арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину: мужья женъ не запираютъ;

арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша — заживешь припѣваючи....

«Бѣдный Валеріанъ!» сказала Наташа, но такъ тихо, что кормилица могла только угадать, а не слышать эти слова.

—То-то, барышня, сказала она, таниственнно понизивъ голосъ; кабы ты меньше думала о стрѣльцкомъ сиротѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила, а батюшка не гнѣвался бы.

«Что?» сказала испуганная Наташа: «я бредила Валеріаномъ? батюшка слышалъ, батюшка гнѣвается?»

—То-то и бѣда, отвѣчала кормилица. Теперь, если ты будешь просить его не выдать тебя за арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валеріанъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужь покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА VII.

Въ домѣ Гаврилы Аозимасевича, изъ стѣнѣ направо, находилась тѣсная каморка съ однимъ оконшечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ одѣяломъ; передъ кроватью словный столикъ, на которомъ горѣла салыная свѣча и лежали открытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картина, изображающая Карла XII верхомъ. Звукъ-флейты раздавался въ этой смиренной обителѣ. Пѣвннй танцмейстеръ, единственный ея житель, въ колпакѣ и въ кигаичатомъ шафрокѣ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывал старинныя Шведскіе марши. Посвятивъ цѣлые два часа на сіе упражненіе, Шведъ разобралъ свою флейту, вложилъ ее въ ящикъ и сталъ раздѣваться.

. . . . .
А. ПУШКИНЪ.

ТРИ ЖЕНЩА.

(Послѣщено княгинѣ Мещерской).

Пять копеекъ!... Никто
больше?...

(Продолжа съ публичнаго торж.)

I.

Представьте себѣ три комнатки поэтически-печни-
стыя. Въ первой: тулупъ, деньщикъ, салыныя свѣчи,
сапоги со шпорами, мундштукъ, сѣдло и всякая
дрянь. Во второй комнаткѣ замѣтна нѣкоторая прѣ-
тензія на гостиную: канapé между окнами, Мо-
сковскіе виды, столъ подъ красное дерево, столъ
ломберный, соломенные стулья, а на окнахъ труба-
ки и карты. Въ третьей комнатѣ: столъ съ книга-
ми, столикъ съ щетками и зеркаломъ, и кровать,
надъ которою виситъ ружье и патронгашъ.

Вы въ комнатѣ у армейскаго офицера, не у тако-
го впрочемъ классическаго пѣхотинца, который за-
кричалъ бы: «человѣкъ! же сю: дай мнѣ въ зубы!» тре-

буя трубку. Это бывало встарину. Нынѣ армейскій офицеръ совсѣмъ не тотъ. Армейскій офицеръ нынѣ воспитывается въ университетскомъ пансіонѣ, понимаетъ по-Французски, очень любитъ отечественную литературу, въ доказательство чего получаетъ «Библіотеку для Чтенія» и бранитъ «Московского Наблюателя.» Армейскій офицеръ ненавидитъ всѣхъ Петербургскихъ, въ особенности Французскихъ, щедро надѣляя ихъ разными эпитетами. Армейскій офицеръ мало танцуетъ, потому-что онъ разочарованъ. Онъ поминутно говоритъ: «нашъ братъ армейскій, мы армейщина, солдаты; мы не гвардейцы; гдѣ намъ! какъ намъ! куда намъ!» и т. п. Узкія тальи, высокіе галстухи, топанье въ мазуркѣ и любовныя стишки давно уже въ отставкѣ. Армейское щегольство замѣнилось армейскимъ разочарованіемъ и такою называемою Россійскою словесностью.

Въ третьей комнатѣ, тамъ гдѣ столъ съ книгами и кровать, лежитъ на кровати здоровый, румяный, толстощекій офицеръ и, задумавшись, куритъ трубку. У него сплннѣ.

Вотъ вы уже разсердились, строгая моя читательница, потому-что герой моего разсказа, слава Богу, здоровъ. Вы ожидали какого-нибудь Антонъ и, блѣднаго, длинноусаго, мрачнаго и чернаго. Но, скажите, виновать ли онъ, блѣдный, что люта судьба надѣлила его здоровьемъ, что, кромѣ «люсовъ», онъ не знаетъ рѣшительно никакихъ недуговъ? Разувѣется, недуговъ тѣлесныхъ. Но мучага моего

офицера два педуга правствениые, два камня лежатъ на его груди, два чувства терзають его душу: любовь и ревность!..

Взгляните на него. Онъ курить. Вотъ онъ затянулся, и густое облако дыма поднялось изъ-подъ его усомъ, и онъ вперилъ въ него свои сѣро-армейскіе глаза. Но отчего онъ такъ странно, такъ восторженно глядитъ на облако? Вы, княгиня, поняли. Въ дымномъ облакѣ, сквозь прозрачную, таинственную пелену дыма, мелькаетъ передъ нимъ чудный образъ дѣвушки съ обнаженными плечами, съ розою на челѣ, съ улыбкой на устахъ. И офицеръ мой, вдохнувъ и вдохнувъ затянулся еще разъ, и новое облако прогнало милое видѣніе и въ новомъ облакѣ появилась ненавидная фигура Петербургскаго Франта съ лорнетомъ, въ желтыхъ перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ, и Франтъ мой криклется направо и налево и говоритъ комплименты на Французскомъ языкѣ.

Офицеръ плюнулъ, разсердился, бросилъ трубку, и длинными шагами началъ расхаживать по комнатѣ.

Въ дверяхъ послышался знакомый голосъ:

«Здравствуй, mon cher».

— А! bonjour», отвѣчалъ офицеръ вошедшему товарищу.

Они пожали другъ у друга руки.

«Ну, братъ Алексѣй Ивановичъ, угадалъ ты рапортоваться большимъ. А мы такъ, горемычные,

были на ученьи.—Ну, ужь чортъ знаетъ, что это такое полковникъ: только-что не дерется. Тарасенко подь арестъ, Федулова подь дрестъ, Мещова подь арестъ. Намъ всѣхъ распекъ такъ, что, право, братецъ, совѣстно было все слушать; чортъ знаетъ что это такое: и то не такъ, и то не этакъ...»

—Гм, гм, пробормоталъ Алексѣй Ивановичъ.

•Старый мужъ, грозный мужъ!

•Не страшусь ничего.

«Знаешь что?» продолжалъ расказникъ: «говорятъ, что нашъ полковникъ врезался въ Елену Петровну.

Алексѣй Ивановичъ вслыхнулъ.

•Началъ фермакурить, приволакиваться. Анъ не тутъ-то было. Даромъ-что полковникъ и весь въ кавалеріюхъ, а Елена Петровна знать его не хочетъ, въ грошъ, братецъ, не ставитъ. Говорятъ, что Елена Петровна шибко правится франтикъ изъ Петербурга... какъ бишь его?»

— Леоновъ... сказалъ офицеръ дрожащимъ голосомъ.

«Да—ну, какъ напримѣръ кажется тебѣ этотъ Леоновъ? Петербургская штука! Мизерный такой! Чай стакана мунша не вынесетъ, а все по-Французски: bonjour да je vous remercie.

Ротмистръ Фридрихъ Гривенгаузенъ родомъ Пьемецъ вошелъ въ комнату.

«Здоровъ, ребята!» промолвилъ онъ начальническимъ тономъ, а потомъ захохоталъ какъ быкъ.

«Ну што, досталось на орѣхи? Ну, Алексѣй Ивановичъ, тайте пульсъ пощупать... А?.. У васъ опасная полѣзнь. Это известная *febris priritivialis*... Ага, эге, Алексѣй Ивановичъ!... Ой, ой ой... Да тутъ есть еще маленькій симптомъ... Тутн черенки глазенки сдѣлали маленьку батарею пифъ, пафъ, пуфъ! Алексѣй Ивановичъ польно рапентъ, ой, ой, ой!»

Ротмистръ Грибсцаузенъ большой шутникъ, отличный служака, но прежде всего—Нѣмецъ.

Голосъ ротмистра Геренкампа послышался за дверями: «Я невиновать, я невиновать: лошадь молодая, непривычная; я за лошадей отвѣчать не могу.»

—Ой, ой, ой, агтер Геренкамрpf! закричалъ Грибсцаузенъ. Полковникъ сдѣлалъ тебѣ на ученьи маденскій *declaration*.

«Я не виновать, господа; посудите сами: лошадь горлчая; я за всѣхъ лошадей отвѣчать не могу. Болванъ рѣкрутъ затянулъ поводья. Я за всѣхъ рекрутовъ отвѣчать не могу.»

За дверью послышался опять шумъ, раздались разгульные восклицанія и Давыдовскіе стихи на распѣвъ;

Гдѣ друзья минувшихъ дней,

Гдѣ товарищи молодые?

Три офицера съ фуражками на затылкахъ съ раскраснѣвшимися лицами вбѣжали въ комнату.

«Что? чай объ ученьи? Полноге, господа, бросьте, это. Полковникъ въ такомъ уморѣ, что мы съ отщадилія цемножко выпили. Здравствуйте, господа!

«Председатели бесѣдъ
Собутыльщики лихіе!»

— Ой, ой, ой! сказалъ ротмистръ Грибенгаузенъ, щелкнувъ по воротнику: раненько готофъ...

Чаю, чаю Семень! Да, слышь, съ ромомъ.—Что, господа не срѣзаться ли? Я сдѣлаю пять золотыхъ.—Болванъ рекрутъ. Я за горячихъ лошадей отвѣчать не могу.—Тѣма пикъ пойтеть двѣнадцать съ нульдиной и двѣ конейки мазу.—Господа, въ воскресенье въ собраньи будетъ балъ. Езерскіе пріѣхали изъ деревни. Вице-губернаторъ послать нарочнаго къ Любскимъ и къ Праховымъ. Говорять, что и онѣ будутъ, и Анзанька, и Сонечька, и Параша.—Елена Петровна тоже будетъ.. хлопъ, хлопъ, хлопъ.—Даша съ угломъ — хлопъ, хлопъ, убита!—Ахъ, пѣдшала Дашенька! — Лошадь пѣзженная, рекрутъ болванъ; я за рекрутовъ отвѣчать не могу.—Гдѣ друзья живущихъ дней?—Господа....

За здоровье Елены Петровны! ура!

II.

Въ губерискомъ городѣ *** нынче балъ въ дворяискомъ собраніи. Это легко замѣтитъ по необыкновенному движенію улицъ. Возки поминутно смѣняются у дверей Немецкаго магазина и модной мадамы. Служанки съ платками на головахъ бѣгаютъ по галантерейнымъ лавкамъ гостиннаго двора, упорно торгуютъ розовые банмаки, лайковыя перчатки и тому-подобныя балыныя необходимости. Губеріискіе франты цѣлое утро страдаютъ подъ щинцами вольнопрактикующаго ферисла.

Наконецъ двѣ шлюпки и присутствіе квартальнаго у подъѣзда возбуждаютъ жителей города, что ожидаютъ только посетителей дворяискаго достоинства съ платой одного рубля ассигнаціями съ персоны за входъ. Тутъ между барынями начинаются разныя жеманства. Ни одна не хочетъ прѣхать на балъ первая. Казачкі и лакеи сталкиваются у подъѣзда съ порученіемъ узнать о числѣ прѣхавшихъ. Разряженныя дамы сидятъ важно и чинно, каждая у себя, пока не возбѣдятъ имъ наконецъ, что въ передней балыной залы уже лежатъ три салона и двѣ пары галюны.—Тогда все подымается, движается, и фаланга барынь наводителъ разомъ залу. Матушки, въ матерчатыхъ платьяхъ съ ридикюлами въ рукахъ, переваливаются съ боку на бокъ и здороваются между собою. Дочери, съ тирлидами на головахъ, скромно идутъ за ними, потупивъ глаза на

шесто-вымытый полъ,—за несимбііемъ паркета. Ва-тага чиновниковъ въ новыхъ вице-мундирахъ, съ пряжками за безпорочную службу въ петлицѣ, важно толкуеть о великой величій. Губернаторъ съ важностью расхаживаетъ, нюхая табакъ, и гордо отвѣчаетъ на почтительные поклоны. Начинаются танцы.

Девять часовъ пробило. Въ городѣ*** зала дворнаго собранія горѣла яркимъ огнемъ. Раздуненные офицеры шаркали во Французскомъ кадрили; передъ ними барышни балажировали, махая локтями.

Авдотья Ивановна Пляскунова, вдова бывшаго губернскаго прокурора, очутилась какъ-то подлѣ Варвары Осдоровны Горичевской, сунути одного извѣтнаго номѣщика. Между ними завязался разговоръ.

«Ну, матушка, ужь бать! Нечего сказать: гадко поглядѣть! Что это такое? Дѣвушки сидятъ на стульяхъ, а кавалеры лежатъ у нихъ на плечахъ. Пѣтъ, въ наше время такъ не бывало. Вотъ какъ покойный Николай Ивановичъ—царство ему небесное!—на мнѣ сватался. Онъ былъ тогда ужь въ чинѣ титулярнаго, а какъ, бывало, подойдетъ къ ручкѣ, такъ весь голубчикъ покрасиветь.»

—Правда, Авдотья Петровна: вѣкъ теперь стать нестакотъ. Или мы поглупѣли, или свѣтъ уже стать черезъ-чуръ уменьь.—И что за шаряды нынѣче стали носиги!

«Не приличные, Варвара Федоровна. Ну, хотя на примѣръ, эта барыня въ блондахъ. Кто это такое?»

—А, а! это жена полицмейстера: вѣшь какія блонды! Видно недорого достались. А за всю председательца уголовной палаты: посмотрите-ка, Варвара Федоровна, хитрость какая: на старѣй чепчикъ надѣла она новыя цвѣты. Вотъ и думаетъ, что мы такъ и повѣримъ, что чепчикъ у нея новый. Небось, не обманетъ. Видали мы его!

«Ну, матушка, а офицеръ-отъ кто?»

«А? красавчикъ-то? Это Курскій—повѣса, матушка. Дверей моихъ не знаетъ. А я и бабушку и матушку его знавала: молодые люди, вы знаете, на старухъ теперь въ грошъ не ставятъ, волочатся, влюбляются. Вотъ хоть этотъ Курскій: влюбленъ въ Елену Петровну. Повѣса, матушка!

Курскій воцѣль развѣсно. Байроновскимъ взоромъ окинулъ онъ все собраніе и остолбенѣлъ отъ ненавистнаго зрѣлища: во второмъ Французскомъ кариолѣ стояла задумчиво Елена Петровна, а молодой Леоновъ нащептывалъ ей что-то на ухо.

Что бы ни говорили гонители Французскаго языка, Французскій языкъ удивительное изобрѣтеніе для бала и для любви. Скажите, можно ли сравнить его дипломатическую увертливость съ нашимъ православному престоудушіемъ, съ нашей тяжелой, безкорыстной прямою? Да здравствуетъ Французскій языкъ! Какъ змѣя увивается онъ тонкими наме-

ками около робкой мысли, испрѣмѣнно вкрадывается въ душу и обворожительною отравою сильно вознуетъ неопытное воображеніе. Не правда ли, княгиня, да здравствуетъ Французскій языкъ?

Со всею восторженностью молодости и пылкой страсти. Ионовъ описывать молодой дѣвушкѣ ничтожность Петербургскаго быта, его суеты и обманы, его спѣсь и причуды; но яркими, плѣнительными красками раскрашивалъ онъ ей обворожительную картину семейнаго счастья, деревенскую жизнь, уютную, безмятежную, съ камелькомъ, съ откровеннымъ разговоромъ, съ добрыми людьми. Молодой человекъ говорилъ хорошо. Онъ чувствовалъ свои слова. Пламенное его воображеніе завлекло его далеко. Душа его съ презрѣніемъ отряхивала пыль свѣтскихъ условій; она вырывалась изъ цѣпей существенности, и въ какомъ-то забытѣи, утопала въ поэтическомъ восторгѣ.

Елена Петровна, потупивъ глаза на полъ, небрежно перебирала ленту своего пояса. Сердце ея сильно билось и румянецъ смущеннаго удовольствія игралъ на ея щекахъ. Она сравнивала своего кавалера съ прочими молодыми людьми и мысленно любовалась его превосходствомъ. Разговоръ былъ прерванъ.

Толстобрюхая фигура полковника съ анной на шеѣ, съ усамн и бакенбардами какъ щетина, гремя шпорами и саблей, приблизилась къ молодымъ людямъ. Сухо поклонился полковникъ Леополу и

стать неподвиженъ какъ статуя подлѣ Елены Петровны, не говоря ни кому ни слова, а отъ времени до времени прилеживая ладонью свои щетинистыя бакенбарды.

Странный человекъ этотъ полковникъ! Жизнь его вѣчная апагія и вѣчное молчаніе. Никогда никто не слыхалъ отъ него самаго обыкновеннаго привѣтствія, самаго ничтожнаго вопроса. Служба завладѣла всѣми его способностями. На службѣ и на ученіи сосредоточивается вся его дѣятельность, вся его жизнь. На ученіи голосъ его мѣлится, лицо его разгарается, и всѣ чувства его невольно вырываются техническими восклицаніями. Но только-что ученіе кончилось, мой полковникъ принимаетъ опять свою молчаливую важность, свой суровый, полковничій видъ.

Когда онъ приближался къ Еленѣ Петровнѣ, съ другой стороны подошелъ къ ней Алексѣй Ивановичъ и началъ съ ней разговоръ, косо поглядывая на Леолова.

«Здравствуйте, Елена Петровна.»

«А, здравствуйте Алексѣй Ивановичъ! Что-жъ вы не танцуете?»

Гдѣ нашему брату армейскому танцовать. Мы здѣ не Петербургскіе, а просто солдаты. Мы танцовать не мастера.

—И вы никогда не танцовали, Алексѣй Ивановичъ?

«Нѣтъ-съ, я прежде танцовалъ. Но что въ этомъ? Обманъ, суета, какое-то вертѣніе души и погѣ. Есть

возрасть, когда очарованіе танцевъ насъ нѣмлетъ; но это время проходить . . . скоро проходить.»

—Право?

«Ужасно во всемъ разочароваться. Вы знаете стихи Пушкина:

Я пережилъ свои желанья,

Я разлюбилъ свои мечты!

Молодецъ Пушкинъ! Впрочемъ и Бендиктовъ недурень: въ немъ замѣтно большое дарованье. Вы любите стихи-съ?»

— Люблю-съ.

«А танцовать вы тоже любите-съ?»

— Люблю-съ.

«Ну, такъ и быть, придется солдату тряхнуть стариной. Согласны вы танцовать со мной мазурку? Я знаю, что съ простымъ армейскимъ офицеромъ танцовать скучно. Ну-да такъ и быть. Вы будете великодушны.»

Елена Петровна покраснѣла по ушп.

—Извините Алексѣй Ивановичъ, я уже обѣщала, я приглашена . . . .

Курскій закурилъ себѣ губы. Полковникъ промывалъ что-то про себя, потеръ бакенбарды и поплевался играть въ вистъ съ однимъ майоромъ и двумя помѣщиками.

III.

Русское дворянство, какъ вамъ извѣстно, можетъ выбирать между тремя родами жизни: жизнь въ мудрѣ, жизнь въ сюртукѣ, жизнь въ халатѣ. Первая въ Петербургѣ, вторая въ Москвѣ, третья въ провинціи.

Жизнь въ провинціи дѣйствительно параспанку. Въ ней какал-то особая выпуклость. Тѣ мелочи, которыя терются въ столицѣ, въ провинціи рѣзко выказываются наружу. Всѣ недостатки нескромно выглядываютъ. Ихъ нельзя закатать модною шляпою, заглушить балльною музыкаю, усыпить объдомъ или театромъ. Въ провинціи все налицо: оттого такъ много страннаго, такъ много смѣшнаго бываетъ въ нашемъ губернскомъ быту.

Но напрасно вы подумаете, что въ провинціи бываютъ одиѣ только смѣшныя каррикатуры. Сохраните васъ Богъ отъ такого заблужденія! Много есть прекрасныхъ семействъ, много есть превосходныхъ картинъ, передъ которыми вы остановитесь съ умилеиємъ.

Жаль, на примѣръ, что вы не знаете Петра Михайловича Болринова. Вотъ вамъ истинно почтенный человекъ. Вотъ вамъ истинно Русскій помещикъ, радушный, гостепримный, Русскій въ полномъ смыслѣ слова. Онъ постигъ, что въ быту нашего народа и нашего частнаго существованія должна быть какал-то патріархальность, основа наше-

го государственнаго и семейнаго счастья. Безъ дальновидныхъ замысловъ, безъ напраснаго тщеславія, онъ смиренно осмотрѣлся вокругъ себя, и напередъ заглянулъ на всю жизнь. Изъ самаго прозаическаго и обыкновеннаго дѣйствія провинціальнаго быта, т. е. женитьбы и пребыванія въ деревнѣ, онъ умѣлъ сдѣлать что-то возвышенное и поэтическое. Онъ сдѣлался истинною главою своего семейства. Онъ сдѣлался истиннымъ помѣщикомъ своихъ крестьянъ, правосуднымъ и челоѣколюбивымъ. Цѣль его достигнута: семейство его прекрасно, крестьяне его боготворятъ, сосѣди только называютъ его дурнымъ практикомъ, пожимаютъ плечами, но любятъ его душевно, а по воскресеньямъ пріѣзжаютъ къ нему обѣдать съ женами и дочерьми.

Тридцать лѣтъ промчалось незамѣтно. Петръ Михайловичъ видѣлъ вокругъ себя цвѣтущую семью; двѣ дочери вышли замужъ; старшій сынъ служилъ въ Петербургѣ; другіе оканчивали свое воспитаніе дома подъ руководствомъ отца, который самъ присутствовалъ при всѣхъ урокахъ. Старикъ почти совершенно потерялъ уже зрѣніе. Волосы его сдѣлались зеленоватыми, но духъ его еще не унылъ, но мысль его еще свѣтла; онъ отдастъ послѣднихъ сыновей на службу, и тогда путь его будетъ оконченъ, онъ сложитъ руки и пошкнетъ главою.

Главная страсть Петра Михайловича — музыка. По цѣлымъ часамъ съ восторгомъ слушаетъ онъ ученые аккорды безсмертнаго Бетховена. Тогда склоняетъ онъ свою сѣдую голову на дрожащую руку,

и сидитъ неподвижно, молчаливъ, прекрасенъ . . . Высокія думы налетаютъ на его челю. Онъ весь переноситъ въ страну какой-то душевной гармоніи свѣщенной и необъятной.

Жаль, княгиня, что вы не знаете Петра Михайловича. Я показатъ бы вамъ этотъ скромный *intellectuel*, гдѣ душѣ такъ хорошо. Я показатъ бы вамъ моего старика среди прекрасныхъ дочерей, которыя внимаютъ съ любовью его словамъ. Подальше сидитъ за работою вѣрный его сотрудникъ, та, которую онъ воспиталъ, которую онъ возвысилъ до себя, и называлъ своею женою. За нею два сына играютъ въ шахматы; другіе рѣзвятся въ углу.

Два, три человѣка искреннихъ пріятелей раздѣляютъ бесѣду, а въ дѣрихъ старая шинка Акулина съ повязаннымъ на головѣ платкомъ суетится около самовара.

Я уже говорилъ вамъ, что двѣ дочери Петра Михайловича были замужемъ. Третья, Елена Петровна, о которой я затѣять свою повѣсть, упростила отца переѣхать на нѣсколько времени въ губернской городъ * * *, гдѣ она вскорѣ встрѣтила толстаго, безмолвнаго полковника, мечтательнаго Курскаго, и пріѣхавшаго по дѣламъ службы молодого чиновника Леонова.

Что сказать вамъ объ Еленѣ Петровнѣ? Елена Петровна въ полномъ смыслѣ слова барышня; а я право, княгиня, не знаю что можно сказать рѣзкаго о барышняхъ. Возьмите любую Русскую повѣсть

и прочтите на третьей страницѣ портретъ геронии. Онъ чрезвычайно похожъ на Елену Петровну. Другими словами: она обладала высшею женскою добродѣтелью, т. е. прекраснымъ лицомъ, обворожительною тальсю и Французскимъ лзыкамъ безъ примѣси Нижегородскаго; остальное подразумевается. Кротость, добронравіе, благотворительность и тому подобное. Въ портретъ дѣвушки есте всегда что-то вялое и отрицательное, можетъ - быть это оттого что въ ея дѣйствіяхъ не можетъ быть ничего рѣшительнаго, ничего самостоятельнаго. Какъ бы то ни было, а Елена Петровна съ ея прекраснымъ лицомъ, съ ея незнаніемъ свѣта и причинъ была такъ обворожительна, такъ хороша, что она свела бы съ ума самага опытнаго сердечнаго анатомиста.—Вотъ письмо, писанное ею къ одной деревенской пріятельницѣ:

«Ты у меня спрашиваешь, Sophie, про здѣшнее жптье-бытье и требуешь отъ меня откровенности. Ахъ, зачѣмъ пѣть тебя со мною! Какъ много высказала бы я тебѣ того, что на бумагѣ какі-то совѣстно написать. Помнишь ли, Sophie, какъ бывало осенью мы ходили по большой липовой аллеѣ. Листья хрустѣли подъ нашими ногами, а мы съ тобою мечтали о будущемъ. Ты помнишь: во всѣхъ нашихъ мечтахъ, во всѣхъ нашихъ разговорахъ появлялось какое-то идеальное существо, которое мы ожидали и угадывали. Мы изображали его въ видѣ молодаго человека съ прекрасною наружностью и пламенными рѣчами, отголосками пламенной души. Вообрази же себѣ, Sophie, что я его видѣла, что я

встрѣтила такъ-какъ я его ожидала, высокаго, блѣднаго, черноволосаго. Онъ здѣсь теперь. Онъ бываетъ у насъ каждый день. Его зовутъ Леоновъ. Не правда ли, какое прекрасное имя?—Когда я его увидѣла въ первый разъ въ кабинетъ пансеньки, я такъ смутилась и покраснѣла, что не знаю, право, отвѣчала ли я на его поклонъ. Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и дрожащимъ голосомъ тихо сталъ со мною говорить. Ахъ, еслибы ты слышала его голосъ! Стыть-поръ онъ бываетъ у насъ каждый день. Онъ разскажетъ мнѣ свои душевные печали, свои ни-къмъ непонятныя страданія. Онъ бѣдный молодой человекъ и служить въ Петербургѣ. Ему тяжело жить одному, безпріютному, въ толпѣ служащихъ чиновниковъ, которые не могутъ его понять. Я и сама не очень поняла, Sophie, его слова; но онъ говорилъ такъ жалостливо, онъ такъ выразительно глядѣлъ на меня, что я чуть-чуть не заплакала. Пансенька его очень любитъ и—сказать ли тебѣ правду, Sophie,—мнѣ кажется, что Леоновъ будетъ принадлежать нашему семейству.—Впрочемъ не скрою отъ тебя, что у меня есть еще два жениха: первый Курскій, о которомъ ты вѣрно слышала много отъ Elise и Вары: онъ былъ бы не дурень собой, еслибы не кривлялся; второй—здѣшній полковникъ: о немъ я тебѣ ничего сказать не могу, потому-что я до-сихъ-поръ отъ него ни одного слова не слышала; онъ очень толстъ.

«Вотъ тебѣ, Sophie, откровенное письмо. Теперь я вправѣ требовать отъ тебя того же. Напомни мнѣ, что

дѣлать вашу молодой сосѣдъ, часто ли онъ ходитъ гулять съ вами по рощѣ и о чемъ толкуеть онъ съ тобой.»

Нѣсколько времени прошло.

Петръ Михайловичъ сидѣлъ на своихъ Вольтеровскихъ креслахъ, улыбался значительно, и о чемъ-то крѣпко помышлялъ.

Помолчавъ немного, онъ взялъ Елену Петровну за руку.

«Дочь моя» началъ онъ говорить: «выслушай меня. Я старъ, слѣшь и, какъ видишь, нигуда не го-жусь. Нашему семейству нужна подпора. Мнѣ нужно сына, тебѣ нуженъ мужъ.»—Елена Петровна стояла какъ на огнѣ.

«Ты знаешь мои правила. Я тебѣ ни совѣтовать, ни отговѣтывать ничего не буду. Бракъ дѣло священное. Я ни во что не стану вмѣшиваться. Выбери кого хочешь. У тебя три жениха: здѣшній полковникъ, хорошій человекъ, заслуженный, богатый, честный, хотя не разговорчивъ въ обществѣ.

«Алексѣй Ивановичъ Курскій, добрый молодой офицеръ съ небольшимъ состояніемъ. Объ немъ говорятъ также съ похвалою.

«Наконецъ молодой Леоновъ, котораго мы всѣ полюбимъ какъ роднаго. У него три-четыре тысячи дохода ежегоднаго. Это, я знаю, не много; въ Петербургъ съ этимъ жить нельзя. Ну такъ чтоже? А

•

я начто? Онъ можетъ выйти въ отставку. Ты будешь со мною, и я умру на вашихъ рукахъ. Согласна ты выйти за Леонова?»—Согласна, тихо отвѣчала Елена Петровна. Леоновъ, стоявшій съ невыразимымъ волненіемъ за дверью, вбѣжалъ въ комнату и бросился на шею будущаго тестя.

«Дѣти, дѣти!» говорилъ старикъ съ слезами на глазахъ: «вотъ вамъ мое благословеніе».

IV.

Куда, подумаешь, мудреное житіе чиновника особыхъ порученій! Сидитъ онъ спокойно въ своей комнатѣ, въ халатѣ, въ туфляхъ, съ трубкой въ рукахъ. Кажется, чего ему болѣе желать?... Вдругъ торжественно вбѣгаетъ слуга и подаетъ чиновнику казенный пакетъ съ завѣтною надписью № 3378. Что это такое? порученіе, откомандировка! Прощай, мой Петербургъ, средоточіе всѣхъ любовныхъ помышленій и невнятнаго честолюбія! Прощайте, лакированные паркеты моей канцеляріи! Прощай, театръ и закулисные тайны! Прощай, гостиница Фешкевъ! Чиновникъ откомандированъ; пакетъ, подъ № 3378, выгоняетъ его изъ столицы. Онъ уѣзжаетъ, бѣдный, какъ-говорится, по дѣламъ службы.

Кстати о чиновникахъ. Случалось ли вамъ когда-нибудь, княгиня, хорошенько разобрать это произведеніе, извѣстное подъ общимъ именемъ чинов-

ника? Онъ составляетъ въ обществѣ особое отдѣльное сословіе, съ своими понятіями, съ своими сужденіями, съ своимъ исключительнымъ образомъ мыслей. Служащихъ вездѣ въ Россіи много; но чиновникъ существуетъ въ-особенности въ Петербургѣ; чиновникъ восхищается островами Брамбеуса, ужасно хлопаетъ въ театрѣ, ходитъ по всѣмъ кандидаторскимъ, обѣдаетъ у Цыкина, знаетъ всѣхъ министровъ по имени, чрезвычайно доволенъ собой, рѣзко обо всемъ разсуждаетъ, и, кромѣ пачальника отдѣленія, никого на свѣтѣ не боится. Онъ лицо среднее, *juste-milieu* между провинціаломъ и жителемъ столицы, онъ чиновникъ министерства. Большею частію занимаетъ онъ такъ-называемое штатное мѣсто, а иногда отъ какого-то полуволеподумнаго пренебреженія къ постоянной службѣ онъ проситъ о своемъ переименованіи въ чиновника особыхъ порученій.

Въ этомъ огромномъ мірѣ вице-мундировъ и черныхъ манишекъ мало можно найти мыслей и чувствъ высокихъ: онъ весь склонилъ голову подъ какой-то особенный уровень. Рѣдко, очень рѣдко встрѣчаются исключенія. Рѣдко случается, что сердце молодое сильно бьется подъ форменнымъ фраккомъ и страдаетъ черною немочью среди исполнителныхъ изъ сослуживцевъ.

Теперь, ваше сіятельство, позвольте мнѣ представить вамъ моего Леонова. Онъ право чудный мальчикъ; но, увы! онъ принадлежитъ къ третьему разряду свѣтскихъ Петербургскихъ молодыхъ людей

Они раздѣляются на три разряда: на тѣхъ, которые получаютъ въ годъ по 12.000, по 6.000 и по 3.000 р. Эти трехтысячные самые жалкіе. Они на ниточкѣ привязаны къ большому свѣту и, если у нихъ нѣтъ ни связей, ни родства, чтобы немножко ихъ поддержать, то ниточка обрывается, и они падаютъ въ чиновническую пучину. К несчастью Леоновъ былъ изъ послѣднихъ. Дряхлая его мать аккуратно ему высылала изъ своей Орловской деревеньки по тысячѣ рублей, въ треть, и добрая старушка, восхищалась такою щедростью, отнюдь не полагала какимъ тяжелымъ испытаніемъ она подвергала своего возлюбленнаго сына. Будь Леоновъ просто бѣденъ, участь его была бы легче. Для него не было бы искушеній, его не ужасало бы каждый день это безобразное сочетаніе нищеты съ роскошью, непремѣнная принадлежность столичной жизни. Леоновъ былъ хорошо образованъ. Онъ былъ хорошъ собою. Онъ былъ хорошаго происхожденія. Онъ имѣлъ все, чтобы нравиться. Онъ нравиться не могъ. Вездѣ гдѣ онъ ни былъ—въ гостиной, на службѣ, на гуляньи, онъ проходилъ незамѣченный никѣмъ. Эти три тысячи его убивали.

Надобно объяснить, что онъ одаренъ былъ отъ природы этимъ аристократическимъ чувствомъ, которое отвергаетъ великую посредственность. Онъ не могъ постигнуть, напримѣръ, что можно полюбить женщину въ черномъ фартукѣ, которая сама смотритъ за кухнею и ѣдитъ въ третій ярусъ Александрискаго-Театра. Для него женщина была существо слишкомъ высокое, слишкомъ идеальное, что-

Бы глядѣть на нее глазами существенности. Невольно окружалъ онъ ее всею поэзією молодости и страшился для нея прикосновенія міра матеріальнаго, какъ ревностный ботаникъ страшится сѣвернаго воздуха для рѣдкаго, въ теплицѣ взлѣляльнаго имъ важнаго растенія. Съ такимъ образомъ мыслей Леоновъ увидѣлъ съ перваго взгляда, что большой свѣтъ для него недоступенъ. Онъ столько былъ гордъ, что не могъ вынести безчисленныхъ униженій, чрезъ которыя могъ бы достигнуть до высшаго круга Петербуржскаго общества. Человѣку съ душой, признайтесь, киягиля, пріѣхать на рѣдуть на извожикѣ, въ снотовой шубѣ, въ галошахъ и съ замершими щечками! Ему нельзя вынести насмѣшливые поклонны нашихъ молодыхъ франтовъ, которые откажутъ ему даже въ правѣ вмѣшаться въ ихъ безсмысленный разговоръ, ему, у котораго душа кипитъ и жаждетъ горличихъ впечатлѣній! Не имѣвъ доступа къ высшему кругу, Леоновъ не хотѣлъ довольствоваться второстепеннымъ. Убийственный расчетъ замѣнилъ поэзію его мечтаний. Онъ убѣдился въ горькой истинѣ, что для бѣднаго губернскаго секретаря нѣтъ поэзіи на свѣтѣ.

Онъ жилъ на Гороховой улицѣ, въ третьемъ этажѣ, на дворѣ, одинъ-одинѣхонекъ, никѣмъ испробованный, никѣмъ незамѣченный. По утру рано надѣвалъ онъ свой вице-мундиръ и отправлялся въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія кланялся ему сужо, директоръ никогда. Изъ всѣхъ очарованій жиз-

и Леонову оставалась одна служба и знакомство его сослуживцевъ.

Такимъ-образомъ имѣлъ онъ полное время изучать нравы и характеры нашихъ Петербургскихъ чиновниковъ. Онъ узналъ чиновниковъ - труженниковъ съ печеными тупеями и обмаранными пальцами. Онъ узналъ чиновниковъ-интераторовъ съ надмѣнною фигурою, съ руками въ панталонныхъ карманахъ. Онъ узналъ чиновниковъ-цесголей съ шлюпою набокъ и бѣлой манишкой, любезниковъ 17-й линіи Васильевскаго-Острова. Онъ узналъ чиновниковъ-лѣтяевъ, въ вѣчной враждѣ съ начальникомъ отдѣленія. Онъ узналъ чиновниковъ - гулякъ, чиновниковъ - охотниковъ до актрисъ и пунша, чиновниковъ-неданговъ, ростовщиковъ, волокитъ, пьяницъ и взяточниковъ.

Онъ всѣхъ ихъ узналъ, и тѣжко вздохнулъ. Вотъ съ кѣмъ суждено было ему провести всю жизнь свою! Вотъ сфера, посреди которой судьба его бросила! Онъ приходилъ въ отчаяніе. Духъ его метался. Имъ овладѣла черная немочь.

Ксчастью его онъ былъ откомандированъ въ ** губернію. Тогда вдругъ для его жизни открылась новая эра, эра чувства и мысли. Онъ познакомился съ Петромъ Михайловичемъ. Добрый старикъ не спросилъ сколько у него дохода, не справлялся, знакомъ ли онъ съ важными Петербургскими барынями, а нашелъ въ немъ пріятную бесѣду, познанія, умъ свѣтлый и молодой. Онъ полюбилъ его какъ сына. Мы уже видѣли, какъ мечты Леонова вдругъ осу-

ощесгвилнсь. Его души не доставало на такое счастье. Такой восторгъ впрочемъ столько великъ, столько святъ, что мнѣ на умъ не приходитъ вамъ его описывать.

 V.

Есть власть величественная, передъ которою ничтожны все суеты большаго свѣта, передъ которой страсти утихаютъ и люди уравниваются. Эта власть великая—смерть. Она равнодушно господствуетъ надъ свѣтомъ, надъ горемъ и радостью людей. Все это такъ мало, такъ ничтожно передъ ея несограничною силой . . . . .

Спустя нѣсколько времени послѣ помолвки дочери, Петръ Михайловичъ вдругъ началъ угасать. Смерть его была, какъ его жизнь—тихая и праведная. Жена его не пережила такого удара. Елена Петровна съдѣлалась спротою. Разумѣется, что свадьба была отложена.

У Елены Петровны была тетка, которая взяла ее къ себѣ и увезла съ собою въ Петербургъ на цѣлый годъ.

Разставаніе ее съ Леоновымъ было самое трогательное. Откомандировка его не была еще окончена. Они разстались.

Не знаю, право, чему въ Петербургѣ научили Елену Петровну, что ей рассказали и объяснили; знаю

только, что она нашла въ нашей столицѣ цѣлую кучу кузинъ и тетокъ; знаю, что она стала разбирать всѣ мундиры по полкамъ, стала разсуждать о театрѣ и очень живо влучилась смотреть въ двойной лорнетъ.

Недавно возвратилась она въ извѣстный намъ губернской городъ, гдѣ до-сихъ-поръ говорятъ еще о ея свадьбѣ.

Свадьбу праздновали у Спаса. Невѣста была въ бѣломъ атласномъ платьѣ и въ большомъ блондовомъ вуалѣ, къ великой зависти всѣхъ губерскихъ красавицъ. Женихъ, въ новыхъ полковничьихъ эполетахъ, стоялъ подлѣ нея какъ истуканъ, и величественно потиралъ ладонью свои щетинистыя бакенбарды.

Неправда ли, княгиня, что у женщинъ бывають такія странности, которыхъ ничѣмъ объяснить нельзя?

Ненужно, кажется, объяснять, что Леопольдъ получилъ отъ Елены Петровны формальный отказъ. Теперь онъ служитъ опять въ Петербургѣ и представленъ къ Станиславу 4-й степени. Курскій разочарованъ болѣе, нежели когда-нибудь, и, говорятъ, сгоря написалъ чувствительные стихи, которые намѣренъ напечатать гдѣ-то.

С. В.

Ноябрь 1856. С. Петербургъ.

НЕДУГЪ.

Я недугомъ томимъ,
Но отрадно мнѣ съ нимъ,
Мнѣ пріятны недуга мученья.
Онъ ужаснѣй всего,
Но и прелесть его
На землѣ не имѣеть сравненья.

Я недугомъ объятъ:
Вижу демоновъ, адъ,
Вижу міръ въ наготѣ, подземельный;
Вижу солнце безъ дня,
Вижу свѣтъ безъ огня,
Вижу мгли океанъ безпредѣльный.

Съ черной тучей грущу,
Съ буйнымъ моремъ ронщу,
Вижу свѣтлыхъ алмазовъ рожденье;
Знаю, въ недрахъ земли
Какъ граниты росли,
Чую травъ и деревъ прозябенье.

На землѣ тяжело,
На землѣ неслѣтно;
Все здѣсь пахнеть и златомъ и кровью!
Люди ближнихъ гнетутъ,
Люди честь продають,
И торгуютъ святою любовью!..

Полечу за эфиръ:
Какъ прекрасенъ тотъ міръ!
Какъ блестящія звѣзды ромби
Въ стройномъ чинѣ плывутъ,
Кольца огненны вьютъ,
И расходятся вольно кругами!..

И въ гармоніи той
Я летаю душой.
Свѣтъ неслѣдомый умъ озаряетъ.
Предъ умомъ тастъ тьма,
И природа сама
Передъ нимъ тайники отворяетъ.

Звѣздъ небесныхъ свѣтлѣй,
Крае солнца лучей,
И зарницы полночной жавѣ;
Ярче жгучихъ очей
Ненаглядной моей
Онъ въ душѣ исполтно свѣтлѣетъ!

Но исдугъ отлетитъ:

Начинаю я жить,

Прозлбать, какъ земное творенье,

Стану въ мiръ страдать,

И, какъ радости, ждать

Мой прекрасный исдугъ-вдоховенье.

Е. ГРЕБЕНКА.

АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.

Вотъ старая, мой милый, была,
А можетъ-быть и небылца;
Сквозь мракъ вѣковъ и хартій пыль
Какъ распознать? Дѣла и лица,
Все такъ темно, нестро, что самъ,
Самъ нашъ исторьографъ почтенный,
Прославленный, превознесенный,
Едвадь не сбился тамъ и сямъ.
Но вѣрно, что съ большимъ стараньемъ,
Стариннымъ убѣжденъ предашемъ,
Одинъ ученый нашъ искалъ
Подарковъ, что пѣвцамъ въ награду
Владиміръ щедрый раздавалъ,
И вобразилъ его досаду,
Вѣдь не нащелъ. Конь вѣрно палъ;
О славныхъ латахъ слухъ пропасть:
Французы-ль какъ пришли къ Царьграду
(Они вѣдь шли въ Ерусалимъ

За гробъ Христовъ святымъ походомъ,
Да сбились, и случилось имъ
Царьградъ разграбить мимоходомъ),
Французы-ли, скажу опять,
Изволнн въ числѣ трофеевъ
Ихъ у наследниковъ отнять,
Да по обычаю людѣвъ
Въ Парижскій свой музеумъ влѣтъ;
Иль время, лѣтъ трудившись двѣсти,
Подъѣю ржавчиной булатъ,—
Но только не дошло къ намъ вѣсти
Объ участи несчастныхъ латъ.
Лишь кубокъ, говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто невспадеъ,
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту;
Но къ настоящему поэту
Пришолъ однако на житье:
Ты съ нимъ, счастливецъ, поживаешь;
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ
Кастальскихъ животворныхъ водъ.

Когда за скуку въ утѣшеніе
Неугомонною судьбой
Дано мнѣ будетъ позволеніе,
Мой другъ, увидѣться съ тобой:
Изъ кубка, сдѣлай одолженіе,
Меня питьемъ своимъ напои.
Но не облей неосторожно:
Огъ, я слыхалъ, замороженъ,
И смѣю пить тому лишь можно
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ.
Певиннымъ опытомъ сначала
Узнай правдивъ ли этотъ слухъ:
Младыхъ романтиковъ, хоть двухъ,
Проси отвѣдать изъ бокала;
И, если капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ конечно лживъ
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочать пазуху они,
Тогда и я желанье кипю,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду,
И въ слѣдъ Ришальду-Паладину
Благоразуміемъ пойду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ,

И въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ;
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу;
Ты вынешь, духомъ закнишь,
И тихую бесѣду нашу
Байронскимъ пѣньемъ огласишь.

ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ,

или

ВРЕМЕНА МЕЖДОЦАРСТВІЯ (*).

(Отрывокъ.)

ГЛАВА IV.

Прибывъ въ Троицкую-Лавру, князь и княгиня Шуйскіе были приняты съ особеннымъ усердіемъ, какъ высокіе почитатели, достойные общаго уваженія. Архимандритъ и иноки старались предупредить этимъ гибельныя слѣдствія быстро распространившейся молвы, что невѣстка царская и братъ ея отравили князя Скопина, что царю было извѣстно ихъ намѣреніе. Но между-тѣмъ, какъ дальновидная заботливость о благѣ общемъ не позволяла архимандриту отвергнуть богатые вклады князя и княгини Шуйскихъ, нищіе, отсюду сзываемые для полученія щедрой милостыни, по-большей-части нехотѣли занею явиться, сѣпо въра нѣкоторымъ расказчикамъ, что этими деньгами сатана наградила княгиню Екатерину Григорьевну за убійство князя Михаила и

(*) Такъ называется новый романъ О. П. Ш . . . . ой, изъ котораго взятъ этотъ отрывокъ и который будетъ служить продолженіемъ прежняго ея романа «Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій».

что, взявъ ихъ, они неминуемо погубятъ и тѣло свое и душу. Не подозрѣвая такихъ сужденій, князь и княгиня не сомнѣвались, что въ лаврѣ и ея окрестностяхъ долго будутъ съ признательностію вспоминать о ихъ посѣщеніи, и что прендобный Сергій будетъ имъ вѣрнымъ помощникомъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Они привыкли вѣрить, какъ вѣрили некогда и самъ царь Іоаннъ Васильевичъ, что всякое преступленіе можно оправдать наружнымъ богомолсіемъ и богатыми приношеніями на potrzeby церковныя. Замужденіе это, совершенно противное православному закону, и нынѣ еще имѣетъ власть надъ умами слишкомъ ограниченными или помраченными страстями. Княгиня Шуйской тѣмъ труднѣе было побѣдить его, что она совѣтовалась о средствахъ спасенія только съ тѣми изъ духовныхъ, которые лѣстливи ея склонностямъ, наблюдая одніи собственные выгоды.

Возвращаясь въ Москву, измепитые богомольцы почесали въ селѣ Братовицкѣ, гдѣ обыкновенно останавливались цари на пути къ Троицѣ. Имъ отворили находящееся для царскаго отдохновенія зданіе, называвшееся «царскою вышкою»; громкое имя это не согласовалось съ его постройкою: оно очень походило на простой, высокій анбаръ, въ которомъ для пріѣзда брата государева устлали полъ свѣжею травою и отворили задвижныя окна. Вечеръ былъ прекрасный. Напившись меду, княгиня Екатерина Григорьевна смотрѣла на возвращавшихся съ поля работниковъ. Нѣкоторые, останавлива-

ась передъ вышкою, почтительно кланялись, другіе предпочитали обойти кругомъ, чтобы, какъ шептали другъ другу, не встрѣтить змѣнаго взгляда убійцы. Стѣдовавшій за стадомъ пастухъ довольно пріятно игралъ на дудкѣ, вызывая этимъ хозяйсъ порученныхъ ему коровъ и овецъ. Различныя голоса животныхъ мѣшались со звуками сельскаго инструмента, стукомъ тыла и крикомъ ребятишекъ, ногопявшихъ усталыхъ лошадей, на которыхъ работали отцы ихъ. Все это представляло живую картину, скоро надѣвную князю Дмитрію Ивановичу; но княгиня не допустила его послать приказаніе, чтобы тотчасъ все умолкло... Чудно сердце человѣческое! справедливо кто-то назвалъ его бездонною пропастью: много о немъ писали древніе и новыя мудрецы; но никто не разгадалъ его тайныхъ побужденій, свосправной его воли. Безчеловѣчная женщина, изъ зависти и властолюбія совершившая немовѣрное злодѣяніе, забывала тревожныя ожданія и необузданныя мечты свои, смотря на поселянъ, которыхъ желанія ограничивались прокормленіемъ ихъ семействъ. Она кидала въ окно ребятишкамъ деньги и пироги, и жадность нѣкоторыхъ, ихъ споры и ссоры забавляли ее, какъ будто совсѣмъ новое, дотолѣ неизвѣстное ей зрѣлище, хотя оно было только слабымъ, но вѣрнымъ изображеніемъ собственныхъ ея чувствъ.

Не выдавшись еще съ княгиней Емцой Петровной послѣ кончины князя Михаила, княгиня Екатерина Григорьевна рѣшилась захватить къ ней пря-

мо изъ завры. Книзю Дмитрію Ивановичу очен
этого не хотѣлось; но онъ не могъ ни въ чемъ
прекостловить женицинѣ, всегда надъ нимъ госпо
ствовавшей, особенно же съ-гдѣль-поръ, какъ онъ
долженъ былъ считать себя обязаннымъ жельно
воли ея и безжалостному сердцу надеждою владе
престолюмъ. Книгиня не признавалась мужу, что онъ
отравила племянника, но онъ не могъ въ этомъ с
мѣваться, и не въ состояніи будучи самъ от
житься на такой поступокъ, почиталъ себя счас
ливымъ, что ему уже нигдѣ и ни въ чемъ не б
деть пренятетвовать знаменитый юноша, слава к
торого онъ не переставалъ завидовать. По необход
мость посылать княгиню Скопшу - Шуйскую бл
ла истиннымъ наказаніемъ для князя Дмитрія Ив
новича, особенно когда онъ у ней встрѣчалъ ц
ревню Ольгу Борисовну. Взоръ ея и каждое ея дви
женіе напоминали ему свиданіе его съ нею у тѣ
князя Михаила, когда она выразительнымъ гол
сомъ, какъ-будто предвѣщая ему уничтоженіе бе
умныхъ надеждъ его, повторила произнесенны
читавшимъ псалтырь священникомъ слова ца
ствениаго пророка: «Богъ отмщениій Господь, Богъ
отмщениій не обинулся сечь». Онъ не помялъ анге
скаго ея состраданія о грѣшникѣ, нерасположен
номъ къ раскаянію, и что, не надѣясь любовью
побѣдить его ожесточеніе, она хотѣла по-крайней
мѣрѣ заставить его страшиться гнѣва Божія. Смо
тря на страдалицу, давно угадавшую, что дядя е
и тетка изъ зависти ненавидятъ юнаго защитника
отечества, князь Шуйскій съ ужасомъ, по без

М
 какъ
 вѣрн
 дова
 хоз
 личи
 сьска
 ребит
 котор
 живую
 Иванов
 приказ
 сердце
 его без
 древн
 его тай
 м. Безч
 нобла со
 вала тр
 свои, см
 гранич
 кидала
 жадно
 яли ея,
 стное с
 быль, по
 ель чув

Елецо
 на, кил
 ать къ

пользы душевной, повторялъ слова, завѣщанныя потомству праотцемъ Спасителевымъ.

Съ угрюмымъ видомъ встрѣтивъ родственниковъ своей госпожи, старикъ Сергѣичъ сказалъ имъ, что княгиня Елена Петровна, отелуживъ обѣдию и паннихиду, легла отдохнуть, и въ первый еще разъ послѣ горестной потери своей крѣпко уснула. Онъ надѣялся, что, услышавъ это, они пойдутъ обратно, какъ всѣ прочіе носѣтители; но княгиня Екатерина Григорьевна не хотѣла отлагать слишкомъ важнаго для нея свиданія и, сказавъ, что она дождется пробужденія сестры своей, чтобы лично передать ей благословеніе отца архимандрита и Троицкихъ старцевъ, пошла изъ кареты. Поднимаясь на крыльцо, она увидѣла въ сѣняхъ двухъ женщинъ въ черныхъ платьяхъ: въ одной узнала она Іуліанію Резанову, другая показалась ей привидѣніемъ. Екатерина Григорьевна затрепетала; гнѣвъ, колкости, даже явные упреки не могли бы смутить ее: она была готова на нихъ отвѣчать; она научилась говорить не робѣя, что князь Михайло Ивановичъ, хранимый Богомъ въ сраженіяхъ, по волѣ же Божіей скончался въ Москвѣ; она сама совершенно въ этомъ увѣрилась, и духъ ея былъ бодръ, и ея не тревожили горестныя предчувствія. Но явившійся ей призракъ, въ которомъ все казалось разрушеннымъ, мертвымъ, кромѣ страшнаго, судорожнаго движенія и чудно свѣтившихся очей, внезапно исполнилъ ее тоскою и ужасомъ. Она схватила руку мужа своего и крѣпко ее стиснула горячею рукою.

«Это Александра Васильевна» шопотомъ сказалъ князь: «она тиха и послушна.»

— Не подходи къ ней; дай мигъ ея увести, вскричала Іуліаннн: она вѣрно тебя узнаеть!...

«Такъ что же?» съ надменностью спросила княжна Шуйская.

— Какъ что? прервала молодая, пыкала дѣвица, старалась заслонить страдалицу: она испугается!

— Дура! съ бѣшенствомъ вскричала княгиня Шуйская: это ты пугаешь се и мучишь вздорными сплетнями.

Едва послѣднія слова сорвались у нея съ языка, княгиня почувствовала свою неосторожность и съ отчаянною рѣшимостью пошла впередъ.

Посмотрѣвъ на нее пристально изъ-за плеча Іуліаннн, Александра Васильевна сказала, что она уже не хочетъ идти гулять, что ей надобно угощать прїѣзжихъ.

— Какъ она страшна! сказала княгиня Шуйская, съѣвъ въ гостиной задомъ къ двери, за которою осталась Александра Васильевна: она хуже и бѣднѣе племянницы царевны; у меня и въ умѣ не было, что она такъ перемѣнилась. Нечего сказать, Дмитрій Ивановичъ, ты радъ съ утра до вечера болтать пустое, а что нужно знать мнѣ, того отъ тебя вѣкъ не услышу. На что похоже теперь, что я не узнала племянницу, словно не посмѣла подойти къ ней? По твоей милости Ольгина нахлѣбница при холопахъ обругала меня...

«Тише, тише, матушка, Бога ради не горлчись; чай здѣсь стѣны слышатъ наши рѣчи» отвѣчать вполголоса князь Шуйскій, и чтобы не продолжать разговора, съ притворнымъ вниманіемъ сгаль смотрѣть въ окно.

Въ столовой тихо отворилась дверь; въ нее заглянула Александра Васильевна и, обрадовавшись, что ея никто не примѣтилъ, приподняла платье и на цыпочкахъ, удерживая дыханіе, подошла къ княгинѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ. Увидя въ зеркалѣ обезображенное лицо ея, княгиня едва не лишилась чувствъ; голосъ ея замеръ, всѣ члены оцѣпенѣли; она не могла отвести глазъ отъ несчастной, у которой въ рукахъ были нанесенный кровью платокъ. Растянувъ его, Александра бросила на голову своєї теткѣ; онъ покрылъ лицо ея, и ей показалось, что изъ него потекли ручьи крови, что всѣ это видятъ, всѣ ее обвиняютъ въ убійствѣ князя Михаила. Всевышній медилъ наказать преступницу, ожидал ея покаянія, но дерзкое ея ожесточеніе утомило милосердіе неумытнаго Судин, и казнь ея сравнилась съ ея злодѣліемъ. Екатерина Григорьевна не смѣла коснуться платка, но вскочила съ мѣста, и пронзительный вопль ея раздался по всему дому. Съ ужасомъ оборотясь, князь Дмитрій Ивановичъ всплеснулъ руками, увидя жену свою подъ кровавою, извѣстною ему фатою, а предъ нею Александрю Васильевну, которая съ усмѣшкою поздравляла княгиню, что ее выдають замужъ за графа Делагарди.

Іуліанія, искаивал по вѣсѣмъ комнатамъ скрившуются отъ нея молодую княгиню, вбѣжавъ въ гостиную, сдернула съ Екатерины Григорьевны пагубный платокъ. Въ выразительныхъ чертахъ питомицы Ксеніи Годуновой гордал невѣстка царская прочла глубокое презрѣніе, но невольню оперлась на ея руку, и по щекамъ ея прокатились пламенныя слезы.

Князь Дмитрій Ивановичъ грубо оттолкнулъ Іуліанію.

«Не суйся, голубушка» сказать онъ: «гдѣ тебя не спрашиваютъ; ты взялась служить моему племеницу и не должна спускаться съ нея глазъ. Богъ вѣсть, куда ты опрокинулась, а она безъ тебя видишь какъ напроказила, чуть не задушила мою княгиню. Жаль племянницу» продолжать онъ, помолчавъ: «но еще больше жаль бѣдную сестру: какво ей подѣ старость водиться съ безумною невѣсткой! Вотъ и славные Нѣмцы не могутъ пособить ей: видно только Богъ или смерть ее вылечить....»

—Смерть! вскричала Александра Васильевна: скажите, кто умеръ? ради Бога скажите скорѣе. — Да что я объ этомъ спрашиваю, на что мнѣ это знать? Князь Михайло Васильевичъ не можетъ умереть, его никто не уморитъ, никто, никогда!

Она стала твердить послѣднія слова, то прижимая платокъ къ губамъ, то махая имъ, какъ-будто оборонялась отъ злого челоуѣка. Рѣзкіе ея воины разбудили княгиню Елену Петровну. Она поспѣвши-

ла встать и освидомитъся, что сдѣлалось съ ея невѣсткой, не огорчить ли ее кто-нибудь, не занемогла ли она. Узнавъ отъ старушки Лукерьи о пріѣздѣ Екатерины Григорьевны, клягннла ушла въ кресла и, закрывъ руками лицо, нѣсколько минутъ была недвижима; только сердце ея сильно билось. Она не постигала, какъ Екатерина Григорьевна де знала явиться въ тотъ домъ, гдѣ и люди, и стѣны, и самый воздухъ должны были напоминать ей ея злодѣяніе, гдѣ черезъ нее все оспротѣли, измѣнилось все; надежды и радости погибли, неутѣшная горестъ смѣнила высшее благополучіе. Елена Петровна трепетала, воображая, что безчеловѣчная родственница ждетъ ее, готовится ее обнять; что, оттолкнувъ ее, она утвердитъ подозрѣнія народа, подвергнетъ онасности государя, умножитъ бѣдствія отечества. «О мой Боже!» подумала она съ неизъяснимою тоскою: «зачѣмъ Ты допустилъ ее сюда пріѣхать? зачѣмъ не удавить пагубное свиданье на мѣсяцъ, на недѣлю, хотя на одинъ сутки?»

Лукерья пристально смотрѣла на клягнню, которую она носила на рукахъ, бывъ уже замужемъ, но у которой, послѣ кончины сына ея, было немоще морщинъ, какъ и у нея самой. Слезы капали изъ красныхъ и опухлыхъ глазъ старухи; она утирала ихъ полою чернаго своего лѣтника и, воображая, что Екатерина Григорьевна пріѣхала подразнить несчастную госпожу ея, что-то сердито шептала. Бормотанье ея, сопровождаемое сильнымъ движеніемъ головы, походило на волшебныя заклинанія. Она

усердно желала, чтобы княгиня Шуйская во всю жизнь ея терзалась страхомъ, печалью и болѣзнями, не возбуждал ни въ комъ состраданія, но остерегалась громко выражать чувства свои въ присутствіи Елены Петровны, которая, страшась произносить имя Екатерины Григорьевны, никому не позволяла проклинать ее. Но тщетно подавала она примѣръ христіанскаго терпѣнія и великодушія: это раздражало только общую печаль, и Лукерья, а съ нею и всѣ домашніе, почитая себя обязанными молить Бога о наказаніи враговъ госпожи ихъ, говорили, что у нихъ лопнули бы сердца, еслибы они не облегчили страданій своихъ громкими жалобами. Люди самые просвѣщенные часто не заботятся tantъ не только важныя, но и мелочныя свои огорченія, и, спѣша ихъ высказать, вмѣсто ожидаемой отъ этого отрады, бесполезно потомъ жалѣють о горячности, которая, обнаруживъ недостатокъ ихъ великодушія и твердости, становится причиною продолжительныхъ ссоръ и неудовольствій, нарушающихъ иногда спокойствіе общества и даже цѣлыхъ областей.

Мало-по-малу утихая, голосъ Александры Васильевны совсѣмъ замолкъ; только слышно было, что въ гостиной часто отворяется дверь. Лукерья пошла провѣдать, что тамъ дѣлается, и, скоро воротясь, сказала, что княгиня Александра Васильевна спокойно смотритъ какъ на дворъ кормить гусей, а княгиня Екатерина Григорьевна, протянувшись на покрытой пуховикомъ скамьѣ, зѣваетъ и смѣется;

мужъ ея, увѣрилъ, что она опасно занемогла, такъ велѣлъ накурить рѣбчиковыми перьями, что, еслибы не были открыты окна, молодая княгиня и Лукіанія вѣрно бы задохнулись отъ дыма.

—Воля твоя, кормилица, продолжала Лукерья: не могу смолчать; чай Катерина Григорьевна нарочно прикинулась больною, чтобы всѣхъ у насъ переполошить: она за это недорого возьметъ. Ну, а коли и впрямь ей стало у насъ тошно, все-таки братцу твоему не шло бы здѣсь, въ такомъ печальномъ мѣстѣ, распорядиться какъ въ своихъ хоромахъ: поскорѣе бы всѣзъ домой свою княгиню. Какъ нашъ батюшка князь Михайло Васильевичъ у нихъ занемогъ . . . .

Княгиня прервала ее. Тицетно надѣялась она, что плачевные вопли Александры Васильевны заставятъ удалиться Екатерину Григорьевну: ей надлежало, подобно святымъ мученикамъ, обруганнымъ и изувѣченными за вѣру свою, до дна выпить горькую чашу. Она нѣсколько разъ поклонилась въ землю передъ иконами, прося помощи Всемогущаго, и наконецъ съ растерзанныю душою, но совершенною преданностію волѣ Божіей, пошла въ гостиную.

Увидя несчастную мать, княгиня Шуйская съ заблуждающимся видомъ посмотрѣла около себя и, накрывъ платкомъ столцію передъ нею чашку съ водою, тихо сказала мужу чтобы онъ сироталъ ее отъ Елены Петровны.

«Зачѣмъ ее уносить?» въ слухъ отвѣчалъ князь — «это вода свѣжал; статья-можетъ, опять тебѣ понадобится...»

— Что ты? что ты? я тебѣ говорю вынеси скорѣе эту чашку, не показывай ее никому и ни съ кѣмъ объ ней не толкуй—сказала Екатерина Григорьевна на ухо князю, слѣдя притомъ всѣмъ взоры, чтобы узнать не выдастъ ли еще кто, что вмѣсто воды, какъ ей показалось, въ чашкѣ налита кровь.

«Христось съ тобою, магушка! Видно тебѣ что-нибудь почудилось» сказала князь и, чтобы успокоить жену, вынесъ воду.

Княгиня Елена Петровна съѣла возлѣ своей невѣстки, до половины высупувшейся въ окно. Александра такимъ образомъ проводила большую часть дня; служители воображали, что она забавляется, смотря какъ кормятъ птицъ и какъ бѣгаютъ ребята; но она, вовсе не примѣчая, что происходило на дворѣ, напрягала слухъ и зрѣніе, надѣясь заранѣе угадать возвращеніе своего супруга, ежеминутно его ожидаемаго. Свекровь ея и Іуліанія стремились исполнять всѣ ея желанія, страшась ея огорчить малѣйшимъ противорѣчіемъ; вообще всѣ ее окружающіе ревностно угождали ей, и любовь ихъ, или лучше сказать, благоговѣніе охраняли ее среди опасностей, которымъ она въ безпамятствѣ своемъ безпрестанно подвергалась.

«Преподобный Сергий послать тебе свою милость, сестрица Елена Петровна. Мы ему отслужили молебенъ за твое здорье» сказалъ князь Дмитрій Ивановичъ.

Княгиня Скопина въ знакъ благодарности поклонилась голову, но не могла произнести ни одного слова.

«Мы прямо отъ преподобнаго къ тебѣ заѣхали и дома еще не бывали. Моей княгинѣ прежде всего захотѣлось съ тобою повидаться и поплакать; она у меня предобная, изволнись видѣть, захворала, посмотрѣвъ на бѣдную племянницу: такъ ей стало жалко и се и тебѣ.»

Елена Петровна опять поклонилась голову.

—Кто-то идетъ, вскричала княгиня Александра: какъ-то и конь-то знакомый; никакъ вѣстникъ отъ князя Михайла Васильевича; авось онъ прислалъ за мною! Я видѣла во снѣ... нѣтъ, нѣтъ, слышала няву, что моему князю соскучилось безъ меня.

Она побѣжала къ двери; но когда вошелъ братъ ея Семенъ Васильевичъ Головинъ, не узнала его и спряталась за князя Дмитрія Ивановича.

Поздоровавшись съ княгиней Еленой Петровной, окольникій, бѣдный и мрачный, поклонился Іузіаннѣ и, не видѣвъ сестры, устремилъ глаза на княгиню Шуйскую. Примѣчалъ, какъ его изумило и раздражило ея присутствіе, Елена Петровна умолила взорами Головина смести великодушно встрѣчу

съ женщиною, справедливо имъ неавидимою, по отъ пощещенія которой ей невозможно было отказаться. Онъ поплалъ ся желаніе и, горько усмѣхнувшись, спросилъ у князя Дмитрія Ивановича, счастливо ли съѣздитъ въ лавру.

—Очень счастливо, отвѣчалъ князь, весьма довольный придворною вѣжливостію окольникчаго. Погода была славная, а архимандритъ и старцы угощали насъ какъ родныхъ.

«О, въ этомъ я не сомнѣвался» сказалъ Головинъ; «но не оттого ли захворала теперь княгиня Катерина Григорьевна, что слишкомъ долго стояла на молитвѣ?»

— Катеринѣ Григорьевнѣ трудиться Бога ради не диво, сурово отвѣчала княгиня Шуйская. Господь не разъ меня сподобилъ по цѣлой недѣлѣ жить у преподобнаго Сергія, и никто не укорялъ меня, что лѣнива молиться.

«Напрасно же, коли вамъ обоимъ такъ полюбилось у Троицы, спѣшили вы сюда воротиться: намъ нечѣмъ васъ здѣсь порадовать» сказалъ окольникчій.

— Какъ быть! сказала княгиня: не всякъ день свѣтлый праздникъ; въ міру вѣкъ не жилали такъ тихо и радостно, какъ въ святыхъ обителяхъ.

«О, теперь врядъ-ли и отецъ архимандритъ весело бесѣдуетъ со своими старцами: чай дошли и до нихъ вѣсти....»

— Какія вѣсти? перервала Александра Васильевна, вдругъ вспомнивъ, что она ждала отъ прїѣзжаго вѣстїа о князѣ Михаилѣ.

Головинъ обилтъ ее. Въ первый еще разъ послѣ кончины своего супруга она не противилась ласкамъ брата, но, быстро смотря въ глаза мнимому вѣстнику, нетерпѣливо ожидала, что онъ пригласитъ ее отправиться съ нимъ въ желанный путь.

«О, моя милая, невинная страдалица!» вскричалъ Головинъ: «Господь прогнѣвался на насъ за тебя. Каждая слеза твоя, каждый твой вздохъ будутъ тяжко отомщены!»

— Ради Царицы Небесной скажи скорѣе, вскричала княгиня Елена Петровна: что еще случилось? У меня стынеть кровь!

«Ненапрасно ты испугалась, матушка Елена Петровна» съ глубокою печалью отвѣчалъ Головинъ: «Тебѣ дорога отчизна, ты бы за нее отдала и имущество и самую жизнь твою, а на нее пала повал, страшная бѣда, и некому отразить ее...»

— Въ умѣ ли ты Семенъ Васильевичъ? перервалъ князь Шуйскій: при мнѣ грозншь вѣтъ гибелью! Ну, какъ я объ этомъ доложу великому государю...

«Хорошо сдѣлаешь, болринъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Государь еще ничего не знаетъ, отъ него, по-обычаю, таятъ горькую истину. Радъ я очень, что ты слышалъ мои рѣчи: перескажи ихъ

и прибавь, что возмутилась Рязань, что тамошній воевода . . .»

— Я говорилъ Василью Ивановичу, съ бѣшенствомъ опять перервать князь Шуйскій: что, пощадивъ, въ угодность покойному племяннику, Прокочья Ляпунова, онъ въ самое сердце запустилъ себѣ змью.

«Пока былъ живъ князь Михайло Васильевичъ» возразилъ Головингъ: «Прокочій былъ вѣрнень царю; но у Прокочья буйная голова, Прокочій не то, что мы, князь Дмитрій Ивановичъ: ему мало, чтобы царь самъ радѣлъ о благѣ общемъ, ему надо еще, чтобы совѣтники его были люди умные, правдивые и безкорыстные.»

— А самъ-то онъ каковъ? сказаъ князь Дмитрій Ивановичъ голосомъ, прерывающимся отъ гнѣва: если не всѣхъ глупѣе, такъ всѣхъ безстыднѣе. Давно ли онъ подчинялъ царствомъ покойнаго племянника? Теперь самому захотѣлось сравниться съ Тушинскимъ-Воромъ. Не диво, что онъ взбунтоваъ, и бѣда это небольшая, — не по-прежнему: уймуть молодца . . . .

«Не берись самъ его унимать, болрингъ» возразилъ съ мрачнымъ видомъ окопичій: «онъ всюду разослалъ гонцовъ и ему всюду вѣрятъ, что царская невѣстка и мужъ ея отравили князя Михаила Васильевича.»

Александра Васильевна замертво упала на полъ. Княгиня Елена Петровна и Юліанія бросились по-

могать ей, не сомнѣвался, что она поняла сказанное ей братомъ, что, можетъ-быть, для влчщаго ея мученія, возвратился ея разсудокъ.

«Прокофій!» сказалъ Головинъ, поцѣловавъ оледенѣлую руку сестры своей: «ты ничѣмъ не воскресилъ князя Михаила Васильевича; но, намѣнивъ своей присягѣ и послѣднему приказанію усопшаго праведника, ты заставишь не однихъ враговъ его, а всю свѣтлую Русь платить слезами и кровью за безвременную его кончину.»

Поспѣшивъ удалиться, князь и княгиня Шуйскіе хотѣли ѣхать прямо во дворець; но князь Василій Васильевичъ Голицынъ, повстрѣчавшись съ ними, сказалъ, что ни царя, ни царицы нѣтъ дома, что, отслушавъ обѣдно въ Вознесенскомъ монастырѣ, они заходили къ царевнѣ Ольгѣ Борисовнѣ и отъ нея отправились по другимъ обителямъ. Князь Голицынъ подтвердилъ извѣстіе о бунтѣ Ляпунова и прибавилъ, что никто не могъ рѣшиться встревожить государя, и безъ того крайне задумчиваго и грустнаго, такою прискорбною вѣстью; и болре съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія князя Дмитрія Ивановича, чтобы онъ объ этомъ доложилъ, будучи всѣхъ способнѣе, какъ по родству, такъ и по уму своему, облегчить печаль и заботы царя.

—Спасибо боярамъ, что берегутъ великаго государя, сказалъ князь Шуйскій: ему конечно отъ роднаго брата легче, чѣмъ отъ кого другаго услышать нерадостную вѣсть; но пока еще не о чемъ

много печалиться: не бѣдовое дѣло, что Прокофью Ляпунову захотѣлось провѣдать остеръ ли у пала-ча тоноръ.

Князь Голицынъ быстро взглянулъ на царскаго брата, едва вѣря ушамъ своимъ, что онъ такъ судитъ о происшествіи, которое, по мнѣнію всѣхъ опытныхъ людей, было для царя опаснѣе успѣховъ Польскаго короля и самозванца.

«Ты видно, бояринъ» сказалъ онъ: «не изволишь держаться пословицы: худой миръ лучше хорошей войны?»

—Я не вѣрю, чтобы Ляпуновъ могъ надѣлать хлопотъ, отвѣчалъ князь Шуйскій: я его видѣлъ нерѣдко въ прежніе года, пока онъ не былъ посланъ въ Рязань: сущій Индѣйскій пѣгухъ; на всѣхъ и за все горачился, но только-что дуется и кричитъ, а съ ногъ не сшибетъ никого.

—Вотъ какъ! а меня увѣрили, будто покойный князь Михайло Васильевичъ говорилъ, что Прокофій лихой удалецъ, что онъ пѣщій обгонитъ коннаго.

— Они были старинные пріятели, сухо сказалъ князь Шуйскій.

Князь Голицынъ лукаво усмѣхнулся. Его не удивила тщеславная самонадѣляемость князя Шуйскаго, и, онъ простившись съ нимъ, поѣхалъ, внутренно веселясь его беззаботностью, обѣщавшею, что вѣрившагося такому совѣтнику государя нетрудно будетъ свергнуть съ престола. Голицынъ тайно желалъ этого едвали не болѣе Ляпунова, давно наску-

чивъ повиноваться прежнему товарищу и почитал себя достойнѣе его носить царскій вѣнецъ. Все этого не подозревая, князь Дмитрій Ивановичъ воображалъ, что оказанное имъ презрѣнiе всего вѣрнѣе можетъ предупредить успѣхъ Рязанскаго бунта, и, совершенно довольный самимъ-собою, сталъ хвалиться княгинѣ мнимою своею дальновидностью. Но она, сильно пораженная всею, что видѣла и слышала, не расположена была вѣрить счастливымъ предвѣщанiямъ. Отчаянiе и злоба наполнили ея сердце: она изумлялась и не постигала, почему убійцы царя Теодора Борисовича остались ненаказаны, а за смерть князя Михаила тотчасъ явился грозный мститель; кляла Ляпунова, какъ личнаго, яростнаго врага своего, укоряла преподобнаго Сергiя, что онъ не наградилъ ея усердiя, роптала на Провидѣнiе.

«Да что ты такъ тревожишься прежде времени, Катерина Григорьевна?» сказалъ князь Дмитрій Ивановичъ: «Богъ дастъ, все будетъ къ лучшему . . .»

Онъ не договорилъ послѣдняго слова, увидя, въѣхавъ на свой дворъ, что въ заднiя ворота спѣшили отправить тѣлесу съ двумя гробами.

«Это еще что такое?» вскричалъ онъ: «никакъ Юдичъ совсѣмъ спился у насъ! Право, пора смѣнить его . . .»

— А кого ты посадишь на его мѣсто? персбила княгиня: ужъ не хочешь ли своего Ларьку сдѣлать дворецкимъ?

«Вѣрно бы и у Ларьки было больше толку: не стать бы онъ среди дня и когда послано сказать, что мы ѣдемъ домой, вывозить мергвыхъ.»

Запряженная въ тѣсгу лошадь, долго бившись на одномъ мѣстѣ, вдругъ поворотила въ сторону, и, помчавшись мимо кареты, чуть не опрокинула на нее двухъ деревянныхъ колодъ, стучавшихъ одна объ другую. Княгиня обомлѣла; такая встрѣча въ собственномъ ея домѣ умножила волненіе ея и ужась; она съ трудомъ поднялась на крыльцо и, принуждена будучи остановиться, тяжело оперлась объ руку своей кормилицы. Добрая Паросновна ѣдила съ княгиней въ лавру, и, воротясь домой ранѣе, выпла встрѣтить господъ своихъ съ небольшимъ числомъ людей, такихъ же блѣдныхъ и печальныхъ, какъ и она. Только одинъ Кезявкинъ суетился и кланялся съ веселымъ видомъ, надѣясь, что обыкновенная его дерзость поможетъ ему, какъ часто бывало, представить съ выгодной для него стороны все случившееся во время отсутствія князя и княгини.

«Послушай, Юдичъ» сказалъ князь Шуйскій: «ты часть-отъ-часу становишься глупѣе. Кого ты это вздумать хорошить на показъ всему міру, и куда ты распустилъ весь домъ? На что все это похоже? Сювно ты и не ждагъ насъ сегодня. Да что же ты молчишь, рыжая борода?» продолжалъ князь разгораясь: «мнѣ тошно смотрѣть, что у меня, въ княжескомъ дому моемъ, пусто, какъ у какого-нибудь бѣднаго дворничика или у Литовскаго шляхтича.»

Сказывай скорѣе: гдѣ Ларька, гдѣ Дешиска, гдѣ Осдыка, гдѣ всѣ мои слуги?»

— Сейчасъ, сейчасъ доложу обо всемъ, занкаюсь отвѣчать Кезявкинъ, не предвидѣвшій такого гнѣва.

«Пора тебѣ отдохнуть, моя матушка» сказала княгиня ея кормилица: «нобереги силы свои; много было трудовъ тебѣ.»

Задумчиво поглядѣвъ около себя, княгиня пошла въ свою комнату и хотѣла сѣсть у окна, откуда видно было все происходившее на дворѣ.

Горячо любя выкормленную ея грудью, но не заимствовавшую отъ нея кротости ея и смиренія дочь Милоты-Скуратова, старуха Паросновна, желая, хотя на-время, скрыть отъ нея прискорбныя новости, совѣтовала ей раздѣться и лечь въ постелью, откровенно сказавъ, что она въ ней примѣчаетъ сильное изнеможеніе. Дѣйствительно, княгиня не походила на себя, несмотря что она по-обыкновенію была густо набѣлена и наумлена. По выраженію глазъ ея и по блѣднымъ ея губамъ нельзя было сомнѣваться, что она или очень нездорова, или сердечно огорчена. Тщетно силилась она преодолѣть свое уныніе: сердце ея невольно замирало, какъ-будто кто шепталъ ей на ухо, что она сгинула спокойные дни свои. Она согласилась раздѣться, но только-что сняла верхнее платье, князь вбѣжалъ къ ней съ пылающимъ лицомъ.

«Ну, Катерина Григорьевна» вскричалъ онъ, бросившись на столціа подь окномъ огромныя кресла: «прибирай хорошенько добро твое; у насъ полонъ домъ воровъ, или нѣтъ, нѣтъ, у насъ завелся одинъ, но онъ стонетъ цѣлой шайки. Разбойникъ Юдичъ вѣрно самъ обокралъ насъ, и, чтобы скрыть концы въ воду, замучилъ лучшихъ моихъ рабовъ.»

Княгиня дико смотрѣла, какъ-будто не понимая словъ его.

«Вотъ тебѣ, Катерина Григорьевна» продолжалъ князь: «все неслуго было, что я хвалить Ларьку: будь покойна, онъ уже не попадетъ тебѣ на глаза: не увидишь ни его, ни его матери: по милости Юдича оба отправились на тотъ свѣтъ. Теперь мнѣ не съ кѣмъ на охоту выѣхать; теперь некому у меня и ружья вычистить; такого слуги, каковъ былъ Ларька, не сыщешь и днемъ съ огнемъ во всѣхъ моихъ волостяхъ. Проклятый Юдичъ съ зависти погубилъ его . . . . Но я самъ въ этомъ виноватъ: не зналъ, гдѣ былъ у меня умъ, когда я вздумалъ поручить мой домъ Юдину сыну; чего тутъ было ждать добраго! И еще божится, окаланный, что онъ изъ усердія къ намъ не щадилъ рабовъ нашихъ; но хотъ онъ тресни, я не повѣрю, чтобы Ларька украсть царицынъ кубокъ.»

— Царицынъ кубокъ? съ заблуждающимся видомъ персрвала княгиня: какой царицы, когда, пачто?

«Такъ ты и не слыхала» отвѣчалъ князь: «что безъ насъ пропасть золотой кубокъ съ алмазами,

подаренный тебѣ невѣстушкой Марьей Петровной, въ которомъ ты на послѣднемъ обѣдѣ подносила медъ покойному племяннику. Я думаю, что Паросеновна успѣла тебѣ сказать объ этомъ.»

—Нѣтъ, батюшка князь Дмитрій Ивановичъ, я не смѣла безъ твоей милости ничего разсказывать. Извольшь видѣть, какъ государыня Катерина Григорьевна и безъ того истомилась: вся не своя, мол сердечная! Ужъ подлинно, грѣхъ случился, продолжала кормилица: какъ я, воротясь, услышала объ этомъ, ажъ волосы дыбомъ поднялись; сама видѣла, что онамедни, лишь вышли гости изъ столовой, Князь Юдичъ тотчасъ ее заперъ. Чего вѣкъ у насъ не бывало: изъ-подъ ключа унесли лучший кубокъ! Пытали всѣ искать, куда онъ дѣвался, и Богу свѣчи ставили, и къ ворожеямъ ходили—ничто не помогло, И Князь Юдичъ—прости ему Господи!—много, много хлопоталъ: слишкомъ двадцать человекъ по его приказу безъ лѣзья снесли въ избу, а двое и совѣтъ Богу души отдали, но и онъ ничего не дознался; словно самъ бѣсъ закопалъ кубокъ въ землю.

Княгиня сидѣла какъ истуканъ; только глаза ея сверкали и вертѣлись, и ихъ быстрое движеніе, — между-тѣмъ какъ всѣ черты были неподвижны и самое дыханіе непримѣтно,—казалось сверхъестественнымъ: чуденъ, страшенъ, невообразимъ быть видѣ ея! Взбѣшенный пропажею кубка и смертью любимаго охотника, князь Дмитрій Ивановичъ не-

умолкло ругать Кезлевкина, грозя жестоко отплатить ему за худое радніе о порученныхъ ему вещахъ и за безсмысленную свирѣность. Кормилица, вымакавшая всѣ слезы и истощившая всѣ догадки, столзя поджавъ руки и опустя голову.

«Паросновна!» вскричалъ вдругъ князь сильнымъ голосомъ и указалъ пальцемъ на жену свою.

У старухи заняло духъ, такъ же какъ и у князя. Еслибы она увидѣла въ могилѣ огонь, еслибы заговорила съ нею мертвецъ, она не была бы такъ поражена. Но сила любви преодолѣла ужасъ: кормилица бросилась на помощь къ госпожѣ своей. Книгиня ее оттолкнула.

«Кровь! кровь!» вскричала она, и стала рвать съ себя платье.

Призывая въ помощь Московскихъ угодниковъ, Паросновна схватила съ полки, на которой стояли иконы, стклянку съ богоявленскою водою и усердно стала прыскать ею княгиню, между-тѣмъ какъ князь заботливо поддерживалъ жену свою. Съ трудомъ утѣрившись, что на ней и около нея ничто незамарано кровью, княгиня долго рыдала. Она не чувствовала истиннаго раскаянія, но невольно трепетала, воображая, что, рѣшившись на одно убійство, она сдѣлалась убійцею нѣсколькихъ человѣкъ; и когда князь, заговоривъ о кубкѣ, сказалъ, что онъ до-тѣхъ-поръ не будетъ покоенъ, пока его не отыщутъ, княгиня не въ силахъ была долѣе таить постонокъ, слѣдствій котораго она не предвидѣла, или

по-крайнѣй-мѣрѣ не воображала, чтобы они были такъ для нея мучительны. Удержавъ за руку мужа своего, хотѣвшаго выдти изъ комнаты, она сказала ему, что она отвезла кубокъ въ лавру, гдѣ и отдала его на поминовеніе душъ сестры своей царицы, съ сына юнаго царя Осодора и... князя Михаила.

КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ,

по случаю стиховъ, напечатанныхъ въ 16 книжкѣ
«Московского Наблюателя» 1857 года.

Вотъ слава чистая какъ солнце въ ясный день;
Вотъ истинный талантъ, примагниваемый какъ радость,
Какъ взоръ красавицы, какъ счастливая младость;
Вотъ геній-исполнень!... Пѣвецъ сокрылся въ стѣнѣ
Спокойства, отдыха на розахъ негнущихъ —
И юноша-пѣвецъ, въ движеняхъ сердца чистыхъ,
Пѣвцу маститому благоговѣнно дань
Приноситъ творческихъ, небесныхъ вдохновеній,
Которыхъ яркій свѣтъ, какъ діаманта грань,
Какъ искры сѣверныхъ ночныхъ воссиянствей,
Взыгралъ на радужномъ небескиицелѣ опилъ!

И современники въ тебѣ, въ *сосемъ* нѣтъ,
Утѣисны, чело подьсмля гордо къ Фебу,
И съ *Ерлакомъ* тебя *благодаря* душой,
Вручаютъ снова дни твои *благодаря* Небу:
Да днѣ ихъ токѣ съ твоей *прекрасною* судьбой!

Князь Шаликовъ.

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ.

(Посв. Пинскѣ Озерской.)

Съ младенчества къ тебѣ съ мольбами,
Хранитель мой, я прибѣгала:
Молила и сердцемъ и устами,
Чтобъ безмятежными крылами
Мнѣ плоть и духъ ты осѣняла,
Не покидая и мгновенья
Меня безъ помощи святой...
И вотъ, съ слезами умиленья,
Шила, жаркія моленья
Тебѣ несть ни томець твой.
Внемши мнѣ: пусть судьбѣ на волю
Огнѣшъ буду иреданъ я;
Идѣ по жизненному полю,
Пусть встрѣчу горестную долю,
Испью всю горечь бытія,
Но ты покинь меня, хранитель!
Покинь, и сіюю святой
Будь, будь отнынѣ утѣшитель

Души мнѣ милой и родной!
Люби ея; будь ей покровомъ;
Отъ бурь житейскихъ ограждай,
И надъ ея витая кровомъ,
И день и ночь не отставай!
Пусть съ утромъ—новая ей радость,
А съ ночью—мирный, сладкій сонъ;
Пусть вся жизнь ей будетъ въ сладость,
Утѣхой каждый мигъ сочтѣнь.
Пусть чистотою херувима
Ея все помыслы блестятъ,
А жель порока идетъ мимо,
Далече уносил свой лѣдъ...
Пусть мглою вѣчнаго несавья,
Простертаго на жизнь мою,
Дни свѣтозарныя, дни счастья,
Душѣ-подругѣ я куплю:
И въ сладость будутъ мнѣ мученья,
И, счастьемъ роднымъ дыша,
Возвеселится въ дни гоненья
Моя упылялая душа!

М. де-Ларю.

1 Марта 1835.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ

Москва, спаленная пожаромъ,

Французу отдана.

Вѣдь были жь схватки боевыя,

Да, говорятъ, еще какія!

Не даромъ помнитъ вся Россія

Про день Бородинна!»

— Да, были люди въ наше время,

Не то, что нынѣшнее племя:

Богатыри — не вы!

Плюхая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля.....

Не будь на то Господня воля

Не отдали бь Москвы.

Мы долго молча отступали.

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старпки:

«Чтожь мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О Русскіе штыки?»

И вотъ пашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редуь.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтлю пушки
И гдѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью:
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужь мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужь постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакій бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:

«Пора добратся до картечи!»

И вотъ на полѣ грозной сѣчи

Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета,

И слышно было до разсвѣта

Какъ ликовалъ Французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:

Кто киверъ чистилъ весь избитый,

Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,

Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,

Все шумно вдругъ зашевелилось,

Сверкнулъ за строемъ строй.

Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:

Слуга царю, отецъ солдатамъ....

Да, жаль его: сраженъ булатомъ

Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:

«Ребята! не Москва ль за нами?»

«Умремте жъ подъ Москвой,

«Какъ наши братья умирали!»

— И умереть мы обещали,
 И клятву верности сдержали
 Мы в Бородинский бой.

—

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій,
 Французы двинулись какъ тучи,
 И все на наши редуты.
 Уланы съ пестрыми значками,
 Драгуны съ конскими хвостами,
 Всѣ промелькнули передъ нами,
 Всѣ побывали тутъ.

—

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
 Неслись знамена какъ тѣни,
 Въ дыму огонь блеснулъ,
 Звучала булатъ, картечь визжала,
 Рука бойцовъ колотъ устала,
 И ядрамъ пролетать мѣшала
 Гора кровавыхъ тѣлъ.

—

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
 Что значить Русскій бой удалый,
 Нашъ рукопашный бой!...
 Земля тряслась—какъ наши груди,

Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклося. Были все готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищѣй считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя :

Богатыри—не вы.

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы.

М. Лермонтовъ.

А. Б.....ву и Г. Т.....му.

I.

Страстями знойными томимый,
Я звалъ на грудь свою людей;
Но въ хладныхъ скопищахъ толпы неумолимой
Не встрѣтить я своихъ друзей.
И думы живыя стрѣлюю пролетѣть,
И грустно стало мнѣ, и долго плакать я,
И съ горькою тоской влечь безъ чувствъ, безъ
цѣли

Оковы тяжкія земаго бытія.
Я не тая скорбей передъ бездушнымъ свѣтомъ,
И чувствомъ чувство я и сердцемъ сердце звалъ;
Но, ахъ, въ холодномъ мірѣ этомъ
Никто душѣ не отвѣчалъ!
Одной: слезы въ часы моей печали
Одной слезы я у людей просилъ;
Но и въ слезѣ мнѣ люди отказали,
И я печаль свою одинъ въ душѣ носилъ.
И съ горькой жалобой въ часъ тяжкаго недуга

Я так ропталъ на грустный жребій свой:
«Любви ты не дашь мнѣ, такъ дай въ замѣну друга;
Пусть облегчить онъ часть моей тоски нѣмой!
Ужели въ жизни сей никто не отзовется,
Никто съ улыбкою мнѣ не подастъ руки,
Никто съ душой моей душою не сошется,
Не разделить моей тоски?
Быть-можетъ, недругъ мой глаза мои закроетъ
И въ тѣсный гробъ меня втолкнетъ,
Съ хулой безчувственной заростъ
И съ дикимъ смѣхомъ отойдетъ!...»

II.

Судьба въ отвѣтъ на ропотъ мнѣ вѣщала:
Безумецъ, два пути лежали предъ тобой,
И я на выборъ твой тебѣ ихъ отдавала.
Ты избрала путь: зачѣмъ же ропотъ твой?
Мой первый путь лежитъ между цвѣтами—
Толпа людей по нему идетъ
И убрана оная роскошными мечтами;
Но къ свѣту истины тотъ путь не приведетъ.
Второй мой путь—есть путь страданій;
Кто изберетъ его—не жди веселья дней:
Его покинетъ рой мечтаній
И встрѣтитъ ненависть людей.
По терніямъ проходитъ путь печальный,

Надежда странника на немъ не оживить,
 И только факель погребальный
 Его порою озарить.
 Но кто, начавъ отъ колыбели,
 До трудной пристани по терніямъ дойдетъ,
 Тому вѣнецъ у дальней цѣли,
 На персяхъ истины страдалецъ отдохнетъ.
 Ты властенъ быть располагать судьбою;
 Мечтатель пламенный, ты избралъ трудный путь,
 Иди по немъ—я разочаясь съ тобою;
 До цѣли негдѣ отдохнуть!

III.

И, неутѣшенный, я снова въ путь стремился—
 И снова дикій смѣхъ людей,
 Какъ громъ, во слѣдъ за мной носился,
 Смущая миръ души моей:
 «Гдѣ истина твоя? гдѣ цѣль твоихъ желаній?
 Намъсто вѣрныхъ благъ, безумецъ, принялъ ты
 Голодный міръ несбыточныхъ мечтаній
 И посохъ тяжелой нищеты.
 Бѣги отъ насъ, суровый проповѣдникъ,
 Не жди сочувствія къ мученіямъ твоимъ;
 Нѣтъ, грозной истины восторженный наследникъ,
 Мы слезъ твоихъ не раздѣлимъ.
 Ты жаждалъ истины—она тебя мечтами

Обворожить и увлечь;
 Ты жертвовалъ, бѣднякъ, ей вѣрными дарами—
 А истина тебя же осмѣетъ.
 Не открывай намъ будущаго клада;
 Мы нехотимъ его—онъ твой;
 Сходи на дно могилы; тамъ вся твоя награда—
 Остатокъ тлѣнія съ трапезы гробовой!»

IV.

Судьбѣ таинственной послушный,
 Я принялъ на душу презрѣніе людей,
 И, прахъ отъ ногъ страхнувъ, я бросилъ свѣтъ без-
 душный

И грязныхъ чадъ разврата и страстей;
 Я скрылъ отъ нихъ завѣтъ моей печали,
 Святую заповѣдь таинственной судьбы;
 И люди хладные не знали
 Моихъ скорбей, моей борьбы.
 Я сердце жадное любви невыразимой
 Мертвящимъ холодомъ облекъ,
 И огненный языкъ тоски неукротимой
 Я безусловному молчанію обрекъ.
 Я пламенемъ страстей съ толпой не торговался,
 Подъ непломъ сердца онъ, похравъ его, погасъ;
 Я міра жалкаго чуждался
 И не далъ страсти на показъ.

Они тоски моей не знали
Своей тоски я имъ не открывалъ,
И ропотъ тяжкія печали
На лзавахъ сердца измиралъ.

V.

Но въ этотъ мигъ, когда надежды милой
Последній лучъ въ глазахъ моихъ погасъ,
Но въ этотъ мигъ передъ могилой,
Друзья мои, я встрѣтить васъ!
И вы меня не оттолкнули,
Какъ брата приняли въ свой кругъ,
И о судьбѣ моей вздохнули,
И облегчили мой недугъ.
Не подкупавъ друзей себѣ постыднымъ торгомъ,
Съ какою радостью отъ васъ
Услышалъ съ трепетнымъ восторгомъ
Я имя друга въ первый разъ!
О, свято, свято имя друга
Тому, кто видитъ въ немъ, какъ я,
И исцѣленіе недуга
И всѣ надежды бытія!
Тому, кто съ тщетною мольбою
Одной души себѣ просилъ,
Но между кладною толпою
Ея нигдѣ не находилъ.

Ко мнѣ, друзья! въ мой объятъя!
О дайте слезы, дайте мнѣ
Судьбы карающей проклятыя
Сокрѣть въ сердечной глубинѣ!
Одно блаженное мгновенье
Изъ горькой чаши бытія,
Прошедшихъ мукъ минутное забвенье
Изъ рукъ судьбы украду я.
На вашу грудь я перелью страданья;
Одно пожатіе руки,
Одну слезу, одно лобзанье—
И снова въ путь по терпіямъ тоски!
И снова въ путь — пока передо мною
Спадетъ завѣса бытія
И тайны міра предъ собою
Въ лучахъ зари увижу я!

Э. Губертъ.

ЗАПИСКИ БРИГАДЫРА МОРО- ДЕ-БРАЗЕ.

О ПОХОДѢ 1711 ГОДА.

*Съ предисловіемъ и приписаніями
А. С. Пушкина.*

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Мороде-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Валтеръ-Скоттъ такъ гениально изобразилъ въ лицѣ своего капитана: Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Въслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію и принять былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастному

походу въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австрiи, то Саксонiи, то Венеціанской-Республикѣ, получалъ отказы и вспоможенiя; сидѣлъ въ тюрьмѣ, и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что Французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ государыни великой княгини, супруги несчастнаго царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: *Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. N. D. B. C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, a Veritopolis chez Jean Disaut-vrai. 3 volumes.* Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онъ не имѣютъ ни прелести Гамельтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ Моро писалъ свои сочиненiя съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей чловѣка, знающаго цѣну славы и денегамъ. «*Qui que vous soyez, ami lecteur*» говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «*quelque élevé que soit votre genie, quelques superieures que soient*

vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes depens et aux vôtres, car il vous en coutera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un gallant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se desennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mêlent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana.

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно волевыми, большею частью собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems p'buvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné;
Qui fut par le Turban dans le combat pillé
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie;
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes vœux.

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état present, que je ne me sai rien,
Un peu d'honneur pour ma naissance
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставнаго бригадира находились не въ цвѣтущемъ состоянiи. Впрочемъ Августъ велѣлъ выдать ему триста

гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1714 года, лучшее мѣсто изъ всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыхъ можно подмѣтить только въ присрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельство, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, *qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, vouloient monter à cheval pour secourir ces braves Hongrois (*)*, на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки бригадира Моро»,

---

(*) Тринадцать Венгерцевъ, кинувшихся въ средину Турецкой конницы.

какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, коимъ былъ я свидѣтель въ этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, Императору Великой и Малой-Россіи. Но дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ (*) обратиться къ тому времени, какъ Шведскій король Карлъ XII, восторжествовавъ надъ Фридерикомъ-Августомъ (королемъ Польскимъ и курфиртомъ Саксонскимъ) и надъ Его Царскимъ Величествомъ (**), бросился въ Саксонію, возвелъ на Польскій престолъ Станислава, и принудилъ Августа отказаться отъ короны съ сохраненіемъ единого королевскаго титула. Въ это время Шведскій король могъ заключить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему Царемъ. Положеніе его было самое счастливое: у него было до 40.000 прекраснаго войска, обыкшаго къ болѣе и цѣлымъ десять лѣтъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣ-

---

(*) Моро-де-Бразе относится въ своихъ запискахъ къ неискренности дѣлъ. *Прим. А. С. Пушкина.*

(**) Должно было прибавить: и надъ Датскимъ королемъ Фридрихомъ IV, которымъ началъ свѣрную войну и первый почувствовалъ вѣсти Шведскаго лова. *Прим. А. С. II.*

сней обывателямъ. Главная цѣль Шведскаго короля была имъ достигнута. Фридерикъ - Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они сами домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Ризвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воюющую за Испанское наследство, еслибы только объявилъ себя противникомъ сторонъ несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де Бонакомъ, Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его дворѣ; но герцогъ Марибургъ отворотилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера Англійскимъ и Голландскимъ золотомъ (*). Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятыя для утверженія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе ПЕТРА въ предѣлы областей Его Царскаго Величества, — роковое предпріятіе, дорого ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всеми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ, для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, 20.000 войска (въ томъ числѣ 9.000 новоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау; а самъ пошелъ къ Дитпру, перепра-

---

(*) Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ несогласенъ: Il est certain que Charles étoit inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierr Alexiowitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtems. *Histoire de Charles XII. Прим. А. С. П.*

вился через него, несмотря на все препятствія, и приближился къ самой Полтавѣ, гдѣ Его Царское Величество остановился и укрѣплялся, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отнять у непріятеля способы къ пролитію.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля дотогѣ непобѣдимаго. Войско его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе, имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, пробился, съ тремястами конныхъ, въ Турецкую землю, за Днѣстръ, въ сосѣдство Буджакскихъ Татаръ и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило все его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, постыжно удался въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, страшась попасться въ руки приверженцамъ Августовымъ.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имѣ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ быть на оный согласиться, дабы избавить свои наследственныя области отъ насилія Шведскихъ войскъ, разорившихъ Саксонію, и что министры, имѣ употребленные для переговоровъ, нестатки обязали его и преступили его предписанія. Потомъ явился

онъ въ Польшѣ, и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Снилвскимъ, имѣлъ въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны король Датскій, видя что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагал, что ему легко будетъ завоевать Скандію (*) и далѣе вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію соседственную область, предметъ всегдашней его зависти. Но Шведы, болышю-частію кое-какъ и кой-гдѣ набранные люди, разбили ихъ на-голову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онъ служить непріятелю, и бросивъ казну, обозъ и артиллерию.

Его Царское Величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ поспѣшно полки свои въ Англію. Между-тѣмъ короли Датскій и Польскій должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить Царю завоеваніе провинціи, которой онъ давно добивался и отъ которой онъ уже успѣлъ *отлупить* (**) Нарву, дабы защищать Петербургъ-новый, укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ *Нервѣ* (Nerva) въ началъ войны.

(*) Шонь.

(**) Dont il avoit déjà écorné Narva. *Прим. А. С. П.*

Сего недовольно; новое бѣдствіе поразило Швецію, гдѣ въ отсутствіи короля учрежденъ былъ совѣтъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ головъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Сканин, въ Помераніи и во всей Инфляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе-то время Его Царское Величество вознамѣрился овладѣть Инфляндіей и началъ свои завоеванія осадою Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, которыя, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы Царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ Его Царскому Величеству, твердо рѣшившись скорѣе умереть съ голоду, нежели восставъ противу отечества моего и вредить его пользѣ.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю Меньшикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани на Балтійскомъ-Морѣ.

Князь Меньшиковъ завоевалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума предала ихъ въ его руки и увѣчала его лаврами, межъ-тѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Инфляндію, Курляндію, Литву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меньшиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генералъ-лейтенанта

Брекольса (Brecols) (*) съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдать во всемъ отчетъ Его Царскому Величеству (**). Онъ принять былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи (Онъ уже былъ герцогомъ Нингерманландскимъ).

Порта испугалась быстроты сихъ завоеваній. Султаны и его сановники предвидѣли, что сосѣдь ихъ, если усилится, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова (***) лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что Царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улучшенія, и содержалъ въ немъ морское войско, притѣсняя тѣмъ Турецкую торговлю на Черномъ-Морѣ, если ужъ не во все ее уничтожая. Сверхъ-того, для защиты Азова и окрестностей онаго, ПЕТРЪ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи прусскаго Шведскаго короля, понудило Порту объявить войну Его Царскому Величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меньшикова и по распределеніи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной компаніи. Онъ сталъ не-на-шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, да-

(*) Беркольтъ, генералъ - майоръ. *Прим. А. С. II.*

(**) Все это писано изобумъ. Выборгъ взятъ былъ не Беркольтцемъ, но сдался генералъ - адмиралу графу Анракшиу, въ присутствіи самаго Царя, 11 июля 1710 года. Перлу взятъ 14 августа того же года не княземъ Меньшиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отраженнымъ изъ-подъ осажденной Риги. Ревель взятъ имъ же Боуромъ 29 сентября, а проч. *Прим. А. С. II.*

(***) Азов, sur la Mer-Noir, вѣстеть Моро. *Прим. А. С. II.*

бы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навязывался.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ взялъ Выборгъ, но не безъ потери и не безъ труда. Царь однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ (кроме конницы) распределить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кроме нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Россію (*dans la Haute Pologne et dans la Russie Polonoise*), гдѣ легче было ее продовольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою (*).

Около ноября мѣсяца курьеръ отъ князя Меншикова привезъ уполномоченному генералъ-коммиссару Лифляндскому барону Левенвольду приказаніе собрать Рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяць прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями князь прислалъ Левенвольду и условіи, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніи войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на досугѣ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроеныя по берегамъ Чернаго-Моря, разорить.

(*). Отсюда разсказъ Моро становится достовернѣе. *Прим. А. С. П.*

II. Расторгнуть совершенно союз заключенный съ Фридрихомъ - Августомъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и принять Станислава королемъ Польскимъ.

III. Возвратить всю Ливонію и вообще все завоеванное Русскими Шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основанія.

IV. Заключить наступательный и оборонительный союзъ съ королемъ Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридриха-Августа, курфюрста Саксонскаго, если курфирстъ возобновитъ притязанія свои на Польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратитъ прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить *натурой или иначе* все что король Шведскій потерялъ черезъ Полтавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному-Морю не приближаться.

Еслибъ Его Царское Величество находился въ положеніи Шведскаго короля, то и тутъ Порты не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. Зато ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Портѣ, что Его Величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между-тѣмъ какъ Царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду приготавливали

войско къ выступленію въ походъ по первому приказанію. Посреди сихъ приуготовленій, и въ самое время какъ государь болѣе всего казался озабоченнымъ, Курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ государя. Бракъ сей праздновалъ князь Меншиковъ и праздновалъ по-царски. Но молодой герцогъ такъ былъ неводержанъ на ширяхъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много пилъ Венгерскаго (къ чему Русскіе привыкли), что шесть дней послѣ свадьбы онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ чрезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы. — Герцогъ былъ любезный молодой человекъ и много обѣщать.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу Курляндскаго-Герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меншиковъ изъ Ревеля и Пернова, гдѣ принимать онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу препорученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его Царское Величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Дибьстру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распредѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними приготовленіями, отправилъ казну, и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ князю Меншикову надзоръ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи.

24 февраля 1711 года дивизія князя Рѣпина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила въ походъ къ Подоліи, назначенной сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Амартъ, одинъ изъ искуссѣйшихъ генераловъ Его Царскаго Величества, выступилъ изъ Литвы со своею дивизіей; то же сдѣлали генералы Вейде и баронъ д'Энгобергъ.

Имѣвъ честь быть приняту полковникомъ Казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска Его Царскаго Величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской-Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгуновъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для доставленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во все время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считается 266 Нѣмецкихъ миль, или 532 Французскхъ миль. Я повиновался данному мнѣ приказанію и от-

правился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ на Митаву, Вильну, Новгородскъ, Слуцкъ, Давидоградскъ (отъ косяго въ шести Французскихъ лѣ переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, несмѣющую береговъ, и разливающуюся направо и налѣво, на разстояніе нѣсколькихъ лѣ), потомъ на Полось, Острогъ, Мазибушь, Леополь, Замосць, Тарнаполь, Сатанопъ и Шарградъ (Разградъ?), гдѣ настигъ я армию. Сей послѣдній городъ былъ некогда весьма обширенъ и имѣлъ знатную торговлю. Но во время войны Польши съ Портою, Турки его опустошили; теперь одинъ развалины свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генералъ - фельдмаршалъ графъ Шереметьевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашелъ въ Бродахъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и съ пѣхотными полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ, сопровождавшими его отъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ чрезъ Днѣстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ, и занялъ Молдавію. Государь отложилъ отъ Порты, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шести тысячъ плохой Молдавской конницы; ихъ всадники большею - частию вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; все они ужасные воры.

Дивизія генерала Аларта достигла Днѣстра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинтеръ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Алартъ пе-

реправился черезъ Днѣстръ на понтонахъ и поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Сорокъ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ - пять лѣтъ передъ - тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 Турокъ и 40,000 Татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были, послѣ шестимѣсячныхъ тщательныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинуть лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генераль Аллартъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько боченковъ пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генераль Аллартъ, сверхъ многихъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстные обстоятельства, расположиться лагеремъ, воспользоваться выгодами и начертать вѣрную карту театру войны.

Покаместъ, по его приказанію, войско занималось работами, генераль-лейтенантъ Брюсъ - переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ

расположилъ свой паркъ вѣтвь отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30 мая дивизія генерала Адама-Вейде заняла Днѣстровскія высоты въ получастъ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ тотъ же день генералъ баронъ Денсбергъ. На другой день, 31 мая, генералъ князь Рыннинъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его Царское Величество изъ Москвы отправился въ Польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королемъ Польскіе сенаторы, съ тѣмъ чтобы принудить, если возможно, республику, соединиться съ Россією противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ, держась условій Карловицкаго мира, никакимъ образомъ не мѣшаться въ эту новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, государь отправился въ армію сопровожденіи генерала Рене, остававшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы Его Величества.

12 іюня (*) (ст. ст.) государь прибылъ на берегъ Днѣстра съ Императрицею, съ своими министрами,

---

(*) У Моро поставлено здѣсь 2 іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «во 12 день (іюня) прибыли (Ихъ Величества) съ гвардіей къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случились съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Аларта»; отсель и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ, *Прии. А. С. II.*

съ казною, съ Пресображенцами и Семсповцами (*les Brcobrasenski et Simonovski*), своею гвардією; полки сін, хотя пѣхотные, но въ походѣ садятся на конь и идутъ съ литаврами, штандартами и трубами; (тожь и Ингерманландскій и Астраханскій). Въ лагерь или въ городъ имъ возвращаютъ барабаны.

13 іюня, поутру, Его Величество дѣлалъ смотръ пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мостъ, уже оконченный поспеченіями генерала Алларта, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Потомъ осмотрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ свой лагерь.

14-го былъ у Его Величества большой военный советъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семь-то советѣ предприняты были государемъ, по винушенію его министровъ и Русскихъ генераловъ, зѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было избѣжать, еслибъ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстныя обетоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы Его Величество согласился съ мнѣніемъ своихъ *Нѣмецкихъ* генераловъ (*), которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

(*) Иностранныхъ. См. далѣе объясненіе самого Морю. *Прим. А. С. П.* Какъ замѣтно, что здѣсь говоритъ иностранецъ, присерженный къ своей парти. *Прим. А. С. П.*

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней, и могло, если оныхъ не находилось въ Молдавіи, быть уничтожено не неприятелемъ, а голодомъ. Это затруднительное положеніе известно было всѣмъ; генералы, министры, самъ государь это знали: комиссары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украину для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный Его Величествомъ на берегу Днѣпра, и который рѣшилъ судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава (Рагузинскій)—все трое тайные совѣтники (то же что во Франціи министры); генералъ Рене, князь Рѣпнинъ, Адамъ-Вейде, князь Долгорукій и Брюсъ (все генералы, или лейтенантъ-генералы). Они составляли партію Русскихъ. Партію Нѣмцевъ составляли генералы: баронъ Аллартъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остенъ и Беркгольцъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣмъ.

Стали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать? Войско было собрано, а о Туркахъ было не слыхать, какъ-будто-бы въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ Буджацкихъ Татаръ нѣсколько времени предъ-симъ учинили набѣгъ на Русскую Украину и на Землю Казаковъ (en Cozaquie), гдѣ они

пожгли и ограбили селенія, отогнали скотъ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ, они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ покоѣствіи. Генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Ясъ, въ самой Молдавіи, былъ точно въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. Пьемцкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они полагали нужнымъ оставаться на берегахъ Днѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія неприятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дабы дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Днѣстру; что, можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берега Днѣстра, не должно однако оставаться въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость и военный магазинъ en y etablissant un pont (?) de communication; что Сорока, находясь уже во власти Его Величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ; что то же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ (на Днѣстрѣ), и что такимъ-образомъ Его Величество будетъ имѣть три входа въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Днѣстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что Турки, будучи принуждены проходить степью,

потеряют лошадей, прежде нежели до насъ достигнутъ; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшатся они ихъ осадить, и того менѣе переправляться черезъ Дибьстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ Его Величества; что если Его Величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армию свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показанію Сорокинскихъ жителей, должно по-крайней-мѣрѣ пять дней проходить необитаемую стѣну, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за стѣною, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ, и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ Шведскаго короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно отважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благопріятнаго не предвѣщаютъ.

Взключеніе, Нѣмцы просили Его Величество быть увѣрену, что, представляя ему дѣло каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственной славы; что когда займемъ мы берега Дибьстра и устроимъ магазины, Турки, покусясь на что бы то ни было, утратятъ свои силы всѣ или

отчасти, между-тѣмъ какъ Его Величество, имѣя тѣхъ свой свободнымъ, усилить свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оставленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безо всякаго препятствія проводить непріятеля въ его собственную землю, и тамъ расположится по своей волѣ и приготовится къ завоеваніямъ, прежде нежели Турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ квартиръ.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но Русскіе ему воспрогивились. Генераль Рене, хотя родомъ и Курляндецъ, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возразилъ, что неприлично было бы Его Величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что въ случаѣ истощенія запасовъ должно будетъ ихъ достать въ самой непріятельской землѣ; что области Греческія, по примѣру Молдавскаго господаря, готовы были возмутиться при первомъ вступленіи нашихъ полковъ въ Турецкія границы; что по донесеніямъ генераль-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построеніе магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что надобно войти и углубиться въ Турецкія земли; что Турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидитъ сильное войско Его Величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ Шведскаго короля здѣсь во все нейдетъ; что полки наши тѣ же самые, кото-

рые разбили его и готовы разбить Турковъ; что таково его мнѣніе, и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа Его Царскому Величеству избѣгать невозможно.

Съ симъ мнѣніемъ согласились Русскіе министры и генералы, охотно ему послѣдовали, и, вопреки благоразумному мнѣнію Пѣтцевъ, положено было перенравиться черезъ Днѣстръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвинили тѣхъ, которые его присовѣтовали Его Величеству. Ясно было, что государь принужденъ будетъ отступить отъ своихъ намѣреній. Но зналъ, что Русскій народъ склоненъ къ спокойствію, лѣнивъ и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекали государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою (*). Таково было, по-крайнѣй-мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

16 іюня, рано утромъ, дивизіи генераловъ Аларта и Денеберга выступили въ походъ. 17-го, Его Величество съ Преображенцами, Семеновцами, свои-

---

(*) Напоминаемъ читателямъ сказанное въ предисловіи: переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и вольныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни Русскому народу: Моро не любилъ Русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ.

Редакція.

ми министрами и всею свитою пошелъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генералъ-поручикъ Брюсъ съ артиллеріей. Аррьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярославля генераломъ Рене и которую Его Величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рипина осталась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для припятія запасовъ, которые, по приказанію Его Величества, должны были быть туда доставлены (*).

Генералы Алартъ и Денебергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генералъ-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссы на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его Величество недолго томился въ пустыняхъ: маршируя днемъ и ночью, достигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прутомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь тыломъ къ рѣкѣ. Онъ тотчасъ отправилъ бочки съ водою на собственныхъ подводкахъ и на лошадяхъ свиты своей полкамъ, идущимъ по степямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы. Солдаты бросались пить съ такою жадностію, что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводницы. Жары нестерпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо

(*) Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ (при городѣ Сорокѣ) Алартова дивизія до 20-го (июля), а Вейдева и князя Рипина до 22.» *Прим. А. С. П.*

да горы раскаленного песку, безъ деревьевъ, безъ жителей и безъ воды (*).

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шести-дневнаго перехода чрезъ ужасныя сѣи пустыни, соединилась съ лагеремъ Его Величества. 23 іюня государь ѣздилъ осматривать лагерь генерала-фельдмаршала, и принялъ въ подданство Молдавскаго господаря. Съ нимъ было только триста рейтаровъ. Онъ пожаловалъ господарю свой портретъ, осыпанный алмазами (что впоследствии времени пригодилось сему Турецкому даннику). Въ тотъ же вечеръ Его Величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутъ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22 до 29 іюня, какъ-будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Рѣшинъ долженъ былъ доставать и привезти. 26 фельдмаршалъ и господарь посетили Его Императорское Величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдали честь по всему фрунту, и самъ государь салютовалъ саблею, стоя передъ Преображенскимъ полкомъ, какъ генералъ-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно Его Величествомъ въ память Полтав-

---

(*) Стѣни Бужацкія испещрены: онѣ стелются глянцой, зеленой равниною, усыяною курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ разскащика. Правда, что въ 1711 году эти стѣни были голы: трава съядена была сарачено. *Прим. А. С. П.*

скаго сраженія, случившагося 27 июня, по старому стилю.

Все генералы съ утра явились къ Его Величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушать онъ обѣдно, и гдѣ придворный священникъ (*) цѣлыхъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дѣла.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фронта одного карреля; артиллерія занимала четвертый. Послѣ обѣди стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всемъ фронтамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огнемъ. Послѣ того все генералы слѣдовали за Его Величествомъ къ его палаткамъ, гдѣ въ землѣ были утверждены столы необыкновенной длины, и за которыми насчитали я до ста-десяти кувертовъ съ каждой стороны.

Его Величество находился въ центрѣ стола. По правую руку сидѣлъ Молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, министры, баронъ Шафировъ и Сава (Сава Владиславъ Рагузинскій); на углахъ стола генералы, генералъ - поручики, генералъ-майоры, бригадиры и полковники, и прочіе, каждый по своему чину, помѣстились за этимъ же столомъ. Кромѣ Венгерскаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было отличное, то есть, то которае доходило

(*) Осоевъ Прокоповичъ. *Прим. А. С. П.*

до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особенное, капитанамъ еще хуже, и такъ далье. Капитаны Преображенскіе и Семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шести персонамъ, имѣл въ своемъ распоряженіи трехъ слугъ для перемѣны стакановъ и бутылокъ. Тутъ-то, милостивая государыня, вино льется какъ вода; тутъ-то заставляютъ бѣднаго человека, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности (*).

Императрица съ своей стороны угощала армейскихъ дамъ. Почти все иностранныя генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ, и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстій. Еслиже и придутъ письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними въ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: втеченіи четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля Польскаго при дворѣ Его Царскаго Величества.

(*) Встарину пили не по-нашему. Предки наши говаривали: пьютъ да ужьитъ—два угодыя въ немъ. Впрочемъ пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ оощеревъ, отставленныхъ за болванами, именно исключаетъ большихъ отъ пьянства и распутства. *Прим. А. С. II.*

Мало дамъ явилось къ Императрицѣ. Генеральша Аммартъ и генераль-майорша Гинтеръ одніе представились къ Ея Величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ государя продолжался цѣлый день, и никому не позволено было выдти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часу вечера. Пили, такъ ужь пили (*on y but ce qui s'appelle boire*). Всякое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ настоящее Токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣпина привезъ письма къ Его Величеству. Генераль давалъ знать, что 4000 быковъ, 8000 барановъ и 300 маленькихъ Польскихъ тѣлѣжекъ съ рожью, мукою (*et de grit*) отправлены были къ намъ. Государь тутъ же распредѣлилъ, что куда доставить, и приказалъ тотъ же часъ отправить часть въ лагерь генераль-фельдмаршалу.

28 іюня мосты были готовы. Артиллерія потянулась черезъ Прутъ по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Ясской долинѣ, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29 іюня (по нашему приходится 10 іюля, ибо Русскіе держатся еще стараго стила) въ день святаго Петра, въ именины Его Царскаго Величества, я, следуя обычаю, со всѣми генералами, пришегъ

поздравить государя. Онъ принялъ милостиво наши привѣтствія и всѣхъ насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и этотъ день и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобъ я послалъ моего адъютанта, стоявшаго за мною, посадить кавалерію мою на-конь, и велѣлъ ейидти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ, и что онъ беретъ быть моимъ вожакомъ. Я отдалъ приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложенъ. У Русскихъ обыкновенно употребляются тѣлги, ибо выючныя лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ (5 à 600 lieux).

Наканунѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 Татаръ показали на утренней зарѣ и ударили (въ рассыпную, по своему обычаю) на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человекъ конницы, подъ начальствомъ подполковника Рона (de Roop) конногренадерскаго полка моей бригады. Непріятель пробился сквозь отрядъ, несмотря на всѣ старанія командира. Число превозмогло, отрядъ былъ окруженъ отовсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лотарингіи, надѣялся тутъ чудеса и былъ убитъ къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ знавшихъ его. Подпол-

ковникъ взять былъ въ плѣтъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенсова (*) (Chensof), родомъ Русскаго, который былъ отряженъ съ 2500 человекъ конницы на подкрѣпленіе Рона и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генералъ Ляусъ, начальствующій въ отсутствіе фельдмаршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все что только было возможно, чтобъ исправить сію неудачу и предупредить болѣе несчастіе. Онъ велѣлъ выгнать четыремъ конно-гренадерскимъ полкамъ и вслѣски старался уговорить бригадира Шенсова, чтобъ онъ по-крайней-мѣрѣ хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣли эту сволочь и освободили лагерь (*le front du camp*.)

Никогда генералъ Ляусъ не говоритъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шенсова. А еще должно глотать такія пилюли не морщась и не жалуясь, потому-что Его Величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у кого нибудь - изъ Русскихъ не доставало ума или храбрости (**).

(*) Таковой фамиліи нѣтъ ни въ кингахъ нашего дворянства (стариннаго), ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шеншицкѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, избранныхъ въ 1699 году. *Прим. А. С. П.*

(**) Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметьевъ принадлежали партіи Русской. *Прим. А. С. П.*

Какъ войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующій — генералъ - фельдмаршалъ графъ Шереметевъ. (Его Величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генералъ-лейтенанта.)

Дивизія Вейдова состояла изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1.100 человекъ состоящей. Всего 11.200 человекъ; начальниками оной были: генералъ Вейде, генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ (Bersolz), генералъ-майоры Голосинъ (Golossin) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боз.

Дивизія Рѣпина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генералъ князь Рѣпинъ, генералъ-лейтенантъ князь Долгорукий, генералъ-майоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бушъ и Голлицынь.

Дивизія барона Алларта, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларта, генералъ-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Стафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремжимга (Remquimgue), его зятя.

Не худо замѣтить, что Русскіе дивизіонные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; Пѣшцы же онаго не имѣли; особенно

баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генералъ-лейтенанта, ни генералъ-майоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генералъ-фельдмаршала, не любившаго иностранцевъ, какой бы нации ни были, и не подавшаго имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки (*). Однакожъ баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушнѣмъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и Астраханскій составляли 15 баталіоновъ, всего 15.000 человекъ, и были подъ начальствомъ самого Его Царскаго Величества, генералъ-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1500 человекъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ 8 полковъ, каждый изъ 1000 человекъ, была подъ начальствомъ помнутаго генерала, генералъ-майоровъ Волконскаго и Вейсбака и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Лионскаго, и Шенсова.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генералъ Рене, генералъ-майоры Вит-

---

(*). См. наше вѣщ. редакціи.

манъ и Шариковъ (Sherikof), самый образованный, вѣжливый и любезный изъ всѣхъ мнѣ знакомыхъ Русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меншикова, не соединился съ арміею и остался въ Яссахъ съ 2,000 избранныхъ фузиляровъ, между-тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ Его Царскаго Величества, состоящій изъ 300 рейтаровъ (*maitres, geitres?*), сопровождалъ государя въ его поѣздкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сии отряды составляли на Днѣстрѣ 79,800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ признанными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ 60 пушекъ разнаго калибра, отъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ 16-ти понтоновъ на тѣлегахъ и изъ 200 подводъ съ ящиками пороховыми, не считая тѣлеговъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ, находились четыре малыя орудія двухъ и трехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ, съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми (*ce qu'ils appellent les enfants des corps* (кадеты?).

При каждомъ полкѣ находится также малыя тѣлги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды,

всегда под рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы Его Царскаго Величества. Здѣсь не считаю 10,000 казаковъ и 6,000 Молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли какъ и Татары. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ Турками, еслибъ вовремя ввели ее въ непріятельскія земли и еслибъ ея не раздѣлили, какъ вы впоследствии увидите.

29 іюня, Его Царское Величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изъ стола, держалъ онъ совѣтъ. Генералъ Рене предложилъ отрядить 15,000 человекъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много и которая могла продовольствовать армію. Онъ утверждалъ, что Валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ Молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединитъ войско свое съ войсками Его Величества и доставитъ намъ жизненные запасы.

Генералъ-поручикъ Беркгольцъ былъ единственныи Нѣмецъ на семъ совѣтѣ. Онъ сильно воспротивился предложенію генерала Рене, но причинъ той, что Турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V (Лотарингскаго), который во второй походъ, послѣ снятія Венской осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оное продовольствовать, и видѣлъ какъ Турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за

другимъ, не могли подать имъ никакой помощи. Но все его разсужденія пропали втунѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ 15,000 отряженныхъ въ Валахію (*), 4,000 должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберечь намъ отступленія и для сопровожденія провіанта въ случаѣ, еслибъ мы остались въ Молдавіи; 2,000 въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да 3,000 въ Яссахъ для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ 9-ти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я, вслѣдъ за нимъ, прибылъ въ его лагерь. Господарь остался съ Его Царскимъ Величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложень удивительно стройно, прекрасенъ собою, важень, и съ самой счастливой фізіономіей. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на латинскомъ языкѣ, что было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою конницу въ веретѣ отъ фельдмаршальскаго лагеря, куда и прибыли въ 4 часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ летучихъ кузнечиковъ (саранчу). Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое

(*) У Рене было восемь драгунскихъ полковъ (5,056 ч.), батальонъ Нидерландцевъ, да 5,000 Молдаванъ. *Прим. А. С. П.*

высокимъ тростникомъ, который съеденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь Его Величества перенесли черезъ Прутъ 30 июня. Мостъ, черезъ который переправился государь съ своею свитою, былъ тотчасъ разобранъ; другой оставленъ подъ охраненіемъ 500 гренадеровъ для дивизіи князя Репнина, которую ожидали.

Фельдмаршалъ, возвратясь въ свой лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шенсова и высказалъ ему все что заслуживало его гнусное поведеніе, о которомъ донесено ему было при его прїѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ майорамъ отрядить по 20 человекъ съ каждой бригады для устроенія двухъ мостовъ, находившихся въ тылу нашего лагеря, дабы ему безпрепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти соединиться съ Его Величествомъ. Это стоило труда, потому-что мосты наведены были на малыхъ челавахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кое-какъ собранныхъ по берегамъ Прута. Мѣдные понтоны оставались при Его Велиествѣ для надобностей его собственныхъ. Того же самаго числа (30 июня) генералъ Рене прибылъ къ фельдмаршальскому лагерю и собрать полки, долженствовавшіе идти въ Валахію подъ его начальствомъ. Онъ выступилъ на другой день по утру и уже въ армію не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской-Россіи, послѣ кампаніи, когда армія тамъ отдыхала

Въ лагерь Его Царскаго Величества и въ фельдмаршальскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго

7 іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ государя приказаніе оставить постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находящуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагерь, и возрагясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказъ, что полки стануть переправляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе смятенія, могущаго произойти на мостахъ въ случаѣ, если войска выступятъ всѣ въ одно время.

Генералъ Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы въ случаѣ нападенія отъ непріятеля во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя майорами и 20-ю драгунами для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8 іюля, на утренней зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между-тѣмъ, экипажи генерала Януса потянулись-было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои; а остальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволилъ переправиться прежде полковъ Астраханскаго и Ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9 июля съ утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе 30,000 Татаръ явились передъ лагеремъ, Войско остановили и тотчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ подъ прикрытіемъ рогатокъ. Пикетъ отошелъ; по приказанію генерала Януса, два баталіона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семь расположеніи стали ожидать приближенія Татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генераль баронъ Денсбергъ, генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкингъ пріѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ мѣрами, принятыми генераломъ Янусомъ для защищенія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ отослалъ генерала Денсберга съ его бригадиромъ къ новому лагерю для охраненія оного, а въ старомъ оставилъ только генераль-лейтенанта Остена подъ начальствомъ генерала Януса, съ полками, не успѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно противъ и вдвое-большаго числа Татаръ.

Но какъ они часъ-отъ-часу умножались, то фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и Молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою неизвѣрною, но которая часъ-отъ-часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ все кончилось скаканіемъ да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ Венгерскій, вступившій въ службу Его Царскаго Величества, такъ же какъ и

многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣтлости принца Рогоци, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими Венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ отрядъ казачій поддержать его, обѣщавъ доказать, что не такъ-то мудро управиться съ Татарами. Казаки обѣщались отъ него не отставать. Онъ бросился съ своими двѣнадцатью Венгерцами въ толпу Татаръ и множество ихъ перерубилъ, пробивался сквозь ихъ кучи и разѣвалъ кругомъ ужасъ и смерть. Но казаки ихъ не поддержали, и они уступили множеству. Татары ихъ окружили, и все тринадцать налитутъ же, дорого продать свою жизнь; около нихъ легло 65 Татаръ, изъ коихъ 14 были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ Венгерцевъ имѣлъ 14 ранъ. Все бывшiе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣстной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и Русскіе, т. е. хоть и неочень жалостливыя сердца, однакожь просились на коней, дабы ихъ выручить; но генераль Янусъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность и завязать дѣло съ непріятелемъ.

Пока Татары привлекали на себя наше вниманіе, генераль Янусъ, предвидя, что наше отступленіе могло быть обезопасно еще бѣльшимъ числомъ Татаръ и даже самими Турками, приказалъ переправить все корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и остальные экипажи офицеровъ, дабы тѣмъ удобнѣе отступить до новаго лагеря тѣснѣнами, вѣдушими къ мостамъ, что и производилось во весь тотъ день и въ ночь.

Между тѣмъ Татары, не видя никакого движенія въ лагерь, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидал смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа по полудни отступили, наскочившись влопали, и такимъ образомъ дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10 июля.)

Онъ приказалъ разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону рѣки они могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумястами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по 200 человекъ съ бригады для дѣланія фашишныхъ мостовъ черезъ большой и глубокой ручей, называемый Малымъ-Прутомъ, и протекавшимъ во стѣ шагахъ отъ нашего новаго лагеря, дабы въ случаѣ нужды можно было тотчасъ выступить.

Мосты построены къ полудню 11 июля. Въ 5 часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адыютантовъ Его Царскаго Величества привезъ фельдмаршалу приказъ, въ слѣдствіе коего мы, 12 июля, оставили лагерь, и въ одной миле отъ онаго нашли Его Царское Величество. Вся армія тамъ соединилась, и такимъ образомъ расположилась вся на одной линіи. Царь съ полками Преображенскимъ, Семеновскимъ, Астраханскимъ и Ингерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи Аларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалеріей

леріей, Брюсь съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го, армія пошла въ походъ, принимая вѣтво. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи, и расположились лагеремъ, принявъ вправо (*en faisant à droite*). Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расширяться и составить двѣ линіи. Мы стали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали (т. е. въ одну линію).

14-го, мы подвинулись еще на три мили, не видавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ близъ лѣсовъ разсѣлиныя лачужки, которыя показались намъ жалкими обителами. Это насъ удивило, тѣмъ-болѣе-что на нашихъ картахъ по берегамъ Прута назначено было множество городовъ и деревень. Мы стали лагеремъ такъ же какъ и въ предыдущіе два дни.

15-го, армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крутую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа по полуночи. Мы въ тотъ день видѣли за сей горою старинную мстигу одного Молдавскаго государя. Она имѣла видъ четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавши за армією, изъ концы многіе хорошо говорили по-Латинь, рассказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, поколиційся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Учинивъ надежіе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственныя владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долині. Кровавопролитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско было имъ истреблено или захвачено въ плѣнъ, а противникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, пронзенный одиннадцатью стрѣлами. Но побѣдитель, въ то самое время, какъ приносилъ Богу благодаренія, умеръ отъ раны полученной имъ въ томъ сраженіи, и которой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государя одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому Молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пирамиду, въ среднѣй коей находится комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. — Потомъ входъ въ комнату былъ задѣланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донинѣ; на ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже не существующій. Повѣ-

ствователь присовокушилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждающаго входа. Курганъ показался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего Молдавана: кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жители, поселенные кругомъ въ трехъ миляхъ отсюда, ежегодно въ мартѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, приходятъ стричь могилу ножницами, подобными тѣмъ, кои употребляются нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожай. Взаключеніе онъ насъ увѣрялъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствій мы повѣрили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился бытъ дворничомъ и военнымъ человекомъ.

16-го, Его Царское Величество приказалъ выслать 1000 человекъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Рона, съ двумя вожатыми, даншими Царю самимъ господаремъ, следовавшимъ за Его Величествомъ со всѣмъ своимъ Молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Ронъ имѣлъ повелѣніе изѣздить всю сторону, находившуюся вѣво отъ арміи вдоль Прута, дабы удостовѣриться, возможно ли неприятелю напасть на насъ съ тыла? Онъ возвра-

тился вскорѣ и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумястами гренадерами для охраненія лодокъ, составлявшихъ мосты фельдмаршальскаго лагеря, и который подвигался вмѣстѣ съ арміей, былъ убитъ, а съ нимъ и все его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили отъ лагеря и показали ему побойце. Они сказывали, что Татары, въ числѣ 20,000, переправились чрезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной тѣснинѣ, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ отрядомъ.

Это заставило Его Царское Величество расположить вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣвшіе между собою коммуникацію и начальствуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ тотъ же день генералъ князь Рѣпинъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, сталъ на той же линіи и занялъ правую руку или аррьергардъ.

Армія наша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79,800 человекъ, не считая казаковъ и Молдаванъ, и, по отряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сорочки, Могилева и Яссы, все еще составлявшая 55,000, уже не составляла и 47,000, какъ то оказалось на смотру, сдѣланномъ 17 іюля по приказанію государя: слѣдствіе безпрестанныхъ трудовъ перенесенныхъ полками, изъ коихъ пѣхотные шли безъ от-

дыха отъ самаго 24 февраля (нов. ст.). По счастью смертность наша по большой части на однихъ рекрутъ, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которыя я сохранилъ. Изъ всехъ четырехъ полковъ моей бригады, составлявшихъ 4000 человекъ, на семь смотру, 724 оказались убитыми, изъ коихъ только 56 убиты въ упомянутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го, генералу Янусу повелѣно быть готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами, сію начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки Его Царскаго Величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ я имѣлъ честь приносить ему приказы и всякій день приходилъ узнавать отъ него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился къ нему. Онъ просилъ меня пріѣхать за нимъ на другой день за полтора часа до свѣту и сопроводить его къ Царю, къ чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣтомъ явились мы къ Его Царскому Величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-Русски не разумѣли, то Его Величество повелѣлъ ихъ объяснить на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, и вручить намъ тотъ же приказъ, писанный по-Русски съ Латинскимъ переводомъ на оборотъ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль (или 16 льё) до того

мѣста, гдѣ Турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпіоновъ (*coureurs ou espions*), должны были наводнить свои мосты. Еслибы генераль ихъ напелть, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ государя черезъ четырехъ драгунъ, посланныхъ поочаса одинъ послѣ другаго. Въ случаѣ же если Турковъ не встрѣтимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также довести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію оного: выступили изъ лагеря въ 5 часовъ и пошли по одной линіи, эскадронъ за эскадромъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію вдоль берега Прута, во избѣжаніе печальнаго нападѣнія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными палашами; за ними шестеро другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумястами рейтаровъ (*hâitres?*), дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодною атаковать непріятеля. Въ такомъ порядкѣ, какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11 часовъ утра, прошедъ не болѣе какъ 2 мили (или 4 Французскихъ льё), вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно, въ тѣснинѣ весьма узкой, ибо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще тонулись. Генераль Янусъ, г. Видманъ (генераль-

майоръ) и я поѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ далѣе они ѣхали, тѣмъ уже становилась дорога.

Генераль Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоположеніе. Земля, непримѣтно возвышалась, закрывала отъ насъ сторону, находившуюся передъ нами. Когда достигли мы последней точки сего возвышенія, увидѣли передъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую; а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостію и быстротою. Мы тотчасъ съѣхали влѣво въ густоту деревь; растущихъ на берегу Прута. Мы подѣхали какъ-можно-ближе къ непріятелю и наконецъ усмотрѣли два укрѣпленія (*deux têtes-de-ponts fraîsées et palissadées en forme de demi-lune*), защищаемыя множествомъ пѣхоты, которую признали мы впоследствии, по ея калпакамъ, за Янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, черезъ которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась съ тою, которая находилась уже въ долинѣ.

Высмотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, все вмѣстѣ и каждый особо: генераль Янусъ, Видманъ и я, возвратились рысью тою же дорогою, и соединились съ нашими полками. Тутъ мы держали совѣтъ все трое между собою, ибо генераль не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ

Вейсбаху (генераль-майорамъ), а того менѣе къ бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы рѣшились спѣшить нашу конницу и выстроить ее въ карре, поставив экипажи въ срединѣ. Генераль написалъ письмо къ государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерию въ аррьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядамъ (войско выстроено было въ 4 шеренги). Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ аррьергардъ (или фронтъ каррея со стороны Турокъ), не стрѣлять безъ приказанія, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 52 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, болѣею частию рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ каррея. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по волю генерала, остались при его особѣ.

Отроду мы не видывали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ аррьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семь порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда отколѣ мы пришли (?). Генераль Янусъ,

Видманъ и я дивились исправности свидѣній, доставляемыхъ Его Царскому Величеству его шпіонами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, навешенные и укрѣпленные, когда предполагали найти ихъ еще только начатыми въ 8-ми миляхъ, и то ненавѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлить вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомандовали полу-оборотъ направо аррьергарду, полу-оборотъ вправо и влево флангамъ, и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только-что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія треугольникомъ и ревущія во все горло, какъ бѣшенныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ наземь, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12 орудій миниатюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однакожь это не помѣшало имъ насъ окружить. Но встрѣтя со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ и своими стрѣлами.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чистосердечно признаться, что, будучи пріученъ къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатю осадами, при конхъ присутствовалъ я съ тѣхъ-поръ какъ служу, между прочими при осадѣ Монмеліна въ 1691 и Намура въ 1692, я столько

опасаюсь огня, сколько то надежить человеку добру и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Однакожь, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ какъ на чучела, стыдась моего напическаго страха.

Было два часа пополудни на нашихъ часахъ, какъ Турки къ намъ приблизились и съ нами поздравились. Съ той поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячъ ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстрѣять насъ. Единственный ихъ усеихъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что отъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ четверть мили. Ночью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которой мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случай соединиться съ нашимъ центромъ, т. е. со всею арміей: они все безъ изыатія, при наступленіи ночи, ретировались въ ту сторону, откуда явились. Замѣтивъ сіе, генераль отпривилъ адыюганга на лучшей своей лошади съ донесеніемъ государю обо всемъ, что произошло съ-гѣхъ-поръ какъ имѣлъ онъ честь писать Его Величеству. Онъ рѣшился идти ночью какъ можно потѣшнѣе, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безо всякаго препятствія. Теперь признайтесь, что селобы господа бѣлые кампакки отрѣзали намъ дорогу, выставя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же

у насъ въ тылу, то мы принуждены были бѣ ночью стоять и, можетъ-быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашей арміей и были бы принуждены уступить усталости, если ужъ не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ бѣльшей силѣ, нежели наканунѣ; но все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они безноконли насъ стрѣльбою безирерывною. Около 5 часовъ утра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь, и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселла робость въ скакунахъ и наѣздикахъ: генераль баронъ Денсбергъ со всею дивизіей шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ; онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безиререстанно въ аррьергардѣ двумя своимъ гренадерскими баталіонами и далъ почувствовать непріятелю безирерывнымъ и сильнымъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смѣть и помѣшать намъ соединиться съ арміею (*).

Армія Его Царскаго Величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось къ величайшему на-

---

(*). Петръ негодовалъ на генерала Янусъ; въ журналъ его сказано «и конечно могъ оный Янусъ ихъ задержать (Турковъ), ежелибъ сдѣлать такъ какъ доброму человеку надлежитъ». Но, какъ замѣчаетъ генераль Бутурлинъ въ исторіи Русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ повыше того мѣста и стать вѣтъ Русской арміи. *Прим. А. С. П.*

шему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору покрытую непріятельскими полками.

Генераль - фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что и было тотчасъ исполнено. Какъ Турки подступали съ лѣвой стороны, то Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландскій и Астраханскій вытерпѣли по большей части огонь непріятельскій, и во весь тотъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ-быть, полагаете вы, что мы ничего не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиленными пятидесяти тысячъ человекъ, сражавшихся противу 8 и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и триста съ чѣмъ-то драгуновъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частію были легкія. Генераль баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными — все это менѣе чѣмъ въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, еслибы непріятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способ-

ствоваю намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19 июля, Его Царское Величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣтоваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы: Янусъ, Аллартъ, Денсбергъ, генераль-поручики Остенъ и Беркгольцъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ Русскихъ, ни изъ министровъ Его Величества не показались. Даже и генераль-фельдмаршала тутъ не было. Генераль Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ-образомъ быть я свидѣтелемъ всему, что ни происходило. На семь-то совѣтъ генераль Янусъ представилъ Его Величеству о небреженіи, оказываемомъ иностраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибѣгали только тогда, какъ дѣла были уже въ отчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе увѣдомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и Русскихъ генераловъ, и заключеніе сказалъ Его Царскому Величеству, что тѣ же самые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царь всячески обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправленіи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приближившійся къ нашему лѣвому флангу во время нашего отступленія, схва-

ченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Лансу, который приставилъ къ нему строгій караулъ и тотчасъ по вступленіи въ лагерь отослалъ его къ государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что Турецкая армія состояла изъ ста - пятидесяти тысячъ, т. е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій, не могла прибыть иржеде какъ къ застрашному дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достоверными, приняты были въ совѣтъ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроиться въ карре и оградиться рогатками; экипажи, конница и артиллерія должны были оставаться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало было стараться по-возможности совершить небезславное отступленіе. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а Турецкія свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ вслѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всемъ генераламъ и офицерамъ уменьшить по-возможности свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступлении ночи, государь, государыня-Императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между-тѣмъ готовились устроить батальонъ-кавре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разсыпана была Турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріателемъ.

Ненужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смутеніи и безпорядкѣ. Мы видѣли, что Турки на горѣ то подвигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи иначе, какъ наугадъ. Генераль баронъ А. Лартъ, генераль баронъ Остенъ и я занимали тотъ же постъ и находились близко другъ отъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріателемъ, то мы только и старались понять, что происходило тамъ, и къ чему клонились эти марши и контръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріателя было окружить нашу армію и напасть на нее со всехъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имѣли предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріателю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и тѣлегъ, сожигаемыхъ вслѣдствіе повелѣнія.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтъ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправиться, каждый на своемъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Рыншинымъ, не могли исправить прежде цѣлыхъ шести часовъ.

Генералъ сей пачальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непременно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думалъ, что все дѣло состояло въ томъ, чтобъ уйти какъ - можно - далѣе. Такимъ - образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянулись на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отдѣлилась отъ батальона-карре и шла въ степи безо всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ оплошность и видя, что экипажи составляли уголь, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали все экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно: болѣе двухъ тысячъ пяти-сотъ каретъ, колясокъ, телегъ малыхъ и большихъ попались въ руки непріятелю. Здѣсь-то, милостивая государыня, потерялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только une petite

raloube съ моимъ бѣльемъ и платьемъ довольно порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена подполковника Роба, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при никетѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти все слуги, управлявшіе экипажами, или тутъ же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Рѣнина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ Его Величества съ повелѣніемъ остановиться. Между-тѣмъ выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы отогнать непріятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки непростительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самага не оставляли насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что Турецкая пѣхота и артиллерія втеченіи дня успѣла насъ догнать.

Генераль баронъ Амартъ былъ легко раненъ въ руку; зять его подполковникъ Лиенро (Lienrot) раненъ былъ смертельно близъ него; генераль-майоръ Волконскій также. Все трое были на лѣвомъ флангѣ, на углу фронта аррьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, что не позволяло ему надзирать за безопасностію своего по-

ста, гдѣ чрезвычайно стало жарко, когда догнала насъ Турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его Величество приказалъ остановиться и выстроиться. Аррьергардъ, сдѣлавъ полу-оборотъ направо, сталъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвести сіе нужное движеніе, какъ Турки уперлись своими обоими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линіей, расположенной полукружіемъ. Неколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были Шведами, Поляками Кіевского Палатина и Буджацкими Татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всѣхъ сторонъ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы завалили землю наши рогатки; и пока часть полковъ погребала насъ, остальная производила безпрестанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное мнѣ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ остаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріятельская артиллерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его Величество, носѣтивъ

ний мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двѣнадцати-футовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его вояхъ. Онъ переносился повсюду, говорилъ съ генералами, офицерами и рядовыми нѣжно и дружелюбно (*avec tendresse et amitié*), часто ихъ разспрашивалъ о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 500 на каждый полкъ, новозобрѣтенныхъ ножей, съ трехъ сторонъ острые какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повѣляли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вдумаетъ насъ атаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генералъ-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генералъ-майора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приближились снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ безпрерывнымъ огнемъ изъ ста-шестидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной стрельбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы: генералы Янусъ, Алартъ и Денсбергъ, генералъ-поручики Остенъ и Берголицъ, генералъ-майоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкингъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между-тѣмъ какъ Русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ

своими экипажами, генералы иностранные были въ безпреставномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давалъ отдыхать солдатамъ наиболее усталымъ и смѣняя ихъ другими, находившимися при постахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Когда ночь показалась намъ коротка, потому-что не были мы обезпокоены, то утро зато показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быстрого и безпреставнаго непріятельскаго огня, отъ котораго много мы терпѣли, по-крайней-мѣрѣ на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско, приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра Его Величество, коему не безызвѣстно было, что иностранные генералы одни могли спасти его арміи, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, котораго Царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остенемъ, взялъ меня съ собою къ Его Величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня безпокоила, потому-что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генералъ-майоромъ Бушомъ. У меня не было ни капли. Тягачи мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли Турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ - поручикъ Остенъ и фельдмаршалъ держали долгое тайное совѣщаніе. Потомъ они всѣ подошли къ генералу ба-

рону Амаргу, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельд-маршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ государей.

Трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣга, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генераль-майора Видмана.

Это было невозвратная потеря для Царя. Видманъ былъ человекъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Все объ немъ сожалѣли, тѣмъ-болѣе-что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, еслибы Его Царское Величество не оставилъ его въ своей арміи изъ уваженія къ нему.

Не прошло двухъ часовъ по отъѣздѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою Янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генераль-поручикъ Беркгольцъ, и сказалъ ему на Арабскомъ языкѣ, на которомъ Беркгольцъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе, и давалъ намъ знать, чтобы мы прекратили нашъ огонь (что и съ ихъ сторо-

ны будутъ учинено), и чтобы мы прислали комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генераль-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло и двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визиря въ качествѣ комиссара съ пренорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю Турецкую армію около нашихъ рогатокъ: Турки пріѣхали насъ навѣстить и полюбоваться нами въ нашей кѣткѣ. Наконецъ они такъ приближились, что генералы наши возмѣли подозрѣніе, особенно генераль Янусъ, который послалъ г. Беркгольца къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія Турокъ въ повиновеніи, что, съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генераль-лейтенантъ Беркголецъ возвратился съ тѣмъ же Янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю Турецкую армію въ ея окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы (*vedettes*) со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изъ всѣхъ армій, которыхъ удалось мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни одной прекраснѣе, величче-

ственныя и великолѣпныя арміи Турецкой. Эти разноцвѣтныя одежды, ярко освѣщенныя солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго наподобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головнаго убора, эти легкіе, но завидные кони, все это на гладкой стени, окружая насъ полумѣсяцъ мѣ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье и платье. Вся наша армія походила на трубочистовъ; потъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга ужь не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа все явилось въ золотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ Турецкаго лагеря для объясненій съ Его Величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо и что конечно миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благоразумномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать Турецкій народъ. Какой-то спаги, или, что все равно, ведики, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, под-

полковникомъ въ Блозерскомъ полку, и съ генералъ-майоромъ Вейсбахомъ.

Этотъ спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивалъ своею саблею, и полагая, видно, что мы понимали его нарѣчіе. Офицеръ, разъяженный около ихъ лагеря, замѣтилъ, что спаги перешелъ за положенную черту, и, давая знакъ возвратиться въ лагерь, съ твердостью выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приблизился къ нему молча, и махомъ своею саблею чисто отрубилъ руку, которая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, протиснулся съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не сталъ трагить времени и ускакалъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодого Денеберга. Сей поступокъ невѣрнаго служитъ урокомъ для христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и непріятелямъ.

22-е и 25-е числа прошли въ истеричномъ ожиданіи столь нужнаго и столь желаннаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство— не было средины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, еслибъ великій визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надлежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія

наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба; тѣмъ-паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами. Лошади были изнурены (*étoient depuis le même tems au filet*); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса, и кое-какъ поддерживали своихъ лошадей; остальные же кони лизали землю и были такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали сѣдять ли, запрягать ли ихъ, или нѣтъ.

Вечеромъ 25 июля (по старому стилю) бригадиръ получилъ приказъ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полкъ, и побросать ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ артиллерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороху, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломаннаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (*paloube*) въ которой везли на 200,000 червонцевъ золота и вещей, обѣщанныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень, Его Царское Величество чрезъ своего генералъ-адыютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою твердый, неколебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Еслибы сказали намъ 22 июля утромъ, что миръ

заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почесть бы конечно мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто бы осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастье. Я помню, что когда трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ фельд-маршала, въ которомъ просили оны перемірія, генераль сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что тотъ, кто завелъ Его Царское Величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій vizирь приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генераль невѣрныхъ ослѣпленъ былъ блескомъ двухъ-сотъ-тысячь червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, поистинѣ, находились въ рукахъ Турковъ.

Въ часъ пополудни Отоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ шесть часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, ксого планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флажками передъ каждымъ полкомъ.

Неужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерь, ибо лошади едва таскали изнуренныя и чуть живыя.

Прежде нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милостивая государыня, нечислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре днѣ. Достоверно, что Его Царское Величество лишился не болѣе какъ 8,800 человекъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подполковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8,900 человекъ, между прочимъ одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ 6 часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре батальона, въ немъ находившіеся, составили фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генераль-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Mogreau de Brasey, Comte de Lion en Beance). Прочіе генералы слѣдовали по старшинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ составляли аррьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляла батальонъ - карре, гордо прошла мимо Турковъ, выстросенныхъ въ одну линію въ долину по лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ Французскій пижонеръ, по имени Терсонъ, человекъ самый честный, уважаемый Царемъ и Русскими, пріятель всего свѣта, удостоверялъ меня, что есть люди, имѣющіе вѣрныя предчувствія о

своей смерти. Сей Французъ подружился со мною въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда шесть мѣсяцевъ послѣ встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моею хлѣбъ-солью. Въ тотъ день какъ возвратились мы въ лагерь, въ сопровожденіи неприятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ тѣмъ, что генераль Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семъ случаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генераль Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностію, что офицеру, какъ бы тупо ни было его повеліе, невозможно было ихъ не выполнить. Умиралъ съ голоду, я тѣлъ съ большимъ анеститомъ то, что могъ еще найти годнаго въ моихъ запасахъ, и Терсонъ послѣдовалъ моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выдти и что онъ оставить въ ней свои кости. Я вслѣдствіи старался разсѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ, армія выступила. Терсонъ прибылъ къ моему посту и довольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ его предчувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генераль Янусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ дастъ тотъ же отвѣтъ какъ и генералу, именно, что онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Дунай. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и

поѣхалъ къ генералу Лисуу, который, страдал подагрой, ѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во стѣ шаговъ отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ Татаръ, следовавшихъ за нашей арміей въ намѣреніи что-нибудь подцѣпить, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Лисуу послалъ за мною своего адъютанта, и показалъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились между-тѣмъ предчувствіямъ, которыми оспаривалъ я съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ Татаръ, которые попадутся намъ въ руки, гонимыхъ за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, Его Царское Величество велѣлъ остановиться батальону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Почлегъ былъ кратокъ, и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительнымъ въ-отношеніи къ вашему полу, ибо досихъ-поръ не говорилъ я вамъ о всемъ, что потерѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ чтыре-дневнаго сраженія, подверженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ про-

стрѣлены были пулями, разбиты пушечными ядрами; и эти милыя дамы должны были понастѣя въ пѣщь, если не погибнуть въ печальномъ надевѣнн, когото мы только и опасались. Не знаю болѣе ли онѣ страдали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генераль-майорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ страха, сего претерѣннаго въ тѣ четыре дня какъ мы имѣли дѣло съ Турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы (иностранны) никого и не распространяли, а разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобъ они не были весьма тягостны для Его Царскаго Величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ (25 іюля) и советъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ по-крайней-мѣрѣ двумя третями. Въ полдень пришли мы въ тѣснину, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего батальонъ-карре, который для большей удобности экипажей раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣсниною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное съѣва высокими, лѣсистыми горами, а справа рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ постигли меня сначала генераль-майоръ Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генераль

баронъ Остенъ. Въ трое мы проголодались. Карета госпожи Бунъ ѣхала издалекъ. Мужъ ея послалъ спросить, нѣтъ ли у ней чѣмъ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку Венгерскаго вина, четыре холодныхъ цыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все жь хлѣба, и мы при приближеніи такого сильнаго сиккура, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка вышла недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкѣрленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностію. Только-что мы кончили нашъ обѣдъ, фельд-маршалъ на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостити трехъ пашей, присланныхъ отъ великаго визиря къ Его Царскому Величеству, покаместъ государь не дастъ имъ отвѣта. Мы къ нимъ отправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-Нѣмецки и еще лучше по-Латинѣ. Онъ достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба однимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-Нѣмецки. Въ минуты первыхъ привѣтствій слуги фельдмаршальскіе разбили шатеръ, постлали наземъ коверъ Турецкій, на который усадили мы нашихъ трехъ пашей. Они съли сложивъ ноги крестомъ и велѣли принести себѣ трубки, конхъ чубуки столь были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визирь послалъ ихъ предложить Его Царскому Величеству 2.000 человекъ спаговъ для отогнанія Татаръ, насъ преслѣдующихъ и изъ конхъ шестеро ночью были пойманы, не

считая тридцати убитыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ паша, говорившій по-Латинѣ, коль-скоро узналъ, что я Французъ, подождать меня къ себѣ и громко объявить, что Французы были пріятели Туркамъ. Тогда, вступивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ? Онъ отвѣчалъ, что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ противниковъ, что, судя по положенію, въ которомъ мы находились и по отступленію нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дни артиллерія наша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоземцевъ, что у нихъ было 8,000 убитыхъ и 8,000 раненыхъ, и что они поступили благоразумно, заключивъ миръ на условіяхъ почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отроду не хвасталъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія онаго; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между-тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сіи условія, которыя тѣмъ болѣе

изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагаю короля Шведскаго истинною причиною войны.

1) Его Царское Величество возвратитъ Туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія онаго, также и крепости, выстроеныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведетъ онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному-Морю, кромѣ какъ Воронежской.

3) Казакамъ возвратитъ ихъ старинную вольность, а Польшу Украину-Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведетъ безъ-изытія всѣ полки, находящіеся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ, не введетъ ихъ обратно, самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ Его Царское Величество дастъ королю Шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который данъ будетъ отъ султана; также не станетъ никакимъ - образомъ тревожить короля во время проѣзда его черезъ Польскія владѣнія, обязуясь въ то же время удержать и Фридерика - Августа, курфюрста Саксонскаго, отъ всякаго испрізненаго покушенія какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условия мира, столь полезного и столь нужного для славы Его Царского Величества. Прибавьте къ тому и 200,000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что спусти часть, по отсутствіи арміи нашей, Шведскій король перѣхалъ черезъ Прутъ на челнокахъ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадь свою вилавъ, и самъ шѣсть прискакалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостію и между прочимъ сказалъ что «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно то же самое ожидать отъ султана». На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ничего не сдѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hauteesse), находящагося въ его лагерь, и своего военнаго совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельд-маршалъ пришелъ имъ объявить, что Его Величество принимаетъ учтивое предложеніе великаго визиря. Паша откланялся, взявъ съ собою шестерыхъ Татаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослалъ ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себя Турковъ людьми необыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе уси-

лилось съ-тѣхъ-поръ какъ я на нихъ посмотрѣлся. Они большію частію красивы, носятъ бороду не столь длинную какъ у капуциновъ, но снизу четырехугольную, и холить се, какъ мы холимъ лошадей. Эти наши, хотя всѣ трое разнаго цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ кѣмъ я разговаривалъ признался мнѣ, что ему было 63 года, а на-взглядъ нельзя было ему дать и сорока-пяти.

Армія наша, разстроившая батальонъ - карре при входѣ въ тѣснину, раздѣлилась въ долину, находящейся при выходѣ изъ оной. Его Царское Величество съ Преображенцами, Семеновцами, Асгранжецами и Ингерманландцами сталъ въ авангардѣ въ двухъ миляхъ отъ тѣсины. Генералъ-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Рѣпинна слѣдовали за Его Величествомъ и расположились лагеремъ въ полторѣ мили, генералъ баронъ Денсбергъ въ одной мили, генералъ баронъ Аллартъ въ полу-мили, съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію Его Величества, ибо г. Янусъ страдалъ въ это время подагрой. Дивизія же Адама-Вейде осталась при выходѣ изъ тѣсины. Двухтысячный Турецкій отрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая все тѣ же дистанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣялись найти всѣ запасы нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оста-

вались мы четыре дня и запаслись всемъ, что могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, еслибы генераль баронъ Аллартъ, зналъ, что я потерялъ весь мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ новозочкѣ моей (paloube) съ одеждой и бѣльемъ находилась и постель, то я въ своемъ несчастіи почтилъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехдневный отдыхъ своей арміи и собравъ запасы для перехода черезъ степи, Его Царское Величество повелъ насъ вдоль Прута до (Stapore) Станона, по дорогѣ не столь трудной и дальней, какъ Сороцкал. Въ Станонѣ мы стояли опять четыре дня по той причинѣ, что Его Величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы всей арміи.

Здѣсь разстались мы съ тремя пашами и съ ихъ отрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генераль-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису варенаго на молоко и наѣлись имъ, насыпавъ кучу сахара. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить Венгерскаго вина, какъ ни просили: они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они цѣлый день.

Отъ Станона армія въ четыре дни пришла къ Могилеву на Днѣстръ, куда прибыли ужъ Сороцкій

гарнизонъ, истребивъ мостъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Дибетръ, задержалъ насъ тутъ еще восемь дней. Буджацкіе Татары вѣдунали-было насъ безпиконтъ. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устранить тѣхъ, которые вѣдунали бы опять насъ безпиконтъ въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, что не переставали они чинить съ нами отъ самаго Станопа.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ трое сутокъ. Шесть батальоновъ гренадеръ остались въ аррьергардѣ лагеря, изъ опасенія чтобъ Татары, кроющіеся въ горахъ, не потревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и отступленіе наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Дибетромъ въ Подолин, Его Царское Величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей краткій, но трудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бригадѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ

день отдашиаго приказа. Воля его Царскаго Величества была исполнена: изъ 79,800 людей, состоявшихъ на лицѣ при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15,000, находившихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставаться надлежало 64,800; но оказалось только 37,515. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобреніе сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы стекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ Подольскихъ, государь, Императрица, свита ихъ и министры (за исключеніемъ барона Шафирова и графа Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ Турецкомъ заложниками мира) отправились *incognito* въ 10 часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного только гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію государя, приготовлены были суда, на которыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ Императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, какъ она признана была Императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (*une femme de rien*), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ

императорскій со всею честію, величіемъ и умомъ, которые можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда Его Величества, фельд-маршалъ со всею арміею выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградѣ, куда, по его приказанію, съѣхались все генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились, ибо армія была распредѣлена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельд-маршала, онъ объявилъ имъ, что Его Царское Величество, заключивъ миръ съ Турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе отъ государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые по ихъ большому жалованію наиболѣе были ему тягостны, что онъ именемъ Его Царскаго Величества благодаритъ ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ роздалъ абшицы генераламъ, коимъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу Его Величества съ 1 января 1711 года.

Списокъ генераловъ, отпущенныхъ Его Царскими Величествами или оставившихъ его службу безъ отпуску.

Фельдмаршалъ генералъ-лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуску, не получивъ 60,000 экю и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуску по той же причинѣ.

Генералъ баронъ Денсбергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ - лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ - лейтенантъ Беркгольцъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Ностицъ, Эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удовлетворивъ себя 50,000 экю, которые считалъ за государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ отошелъ безъ отпуску.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beauvais) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Боо отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантеріи Миронсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 годъ отпущены съ абшидомъ генералъ баронъ Аллартъ и генералъ - лейтенантъ Флюгель.

14 иностранных полковниковъ отпущено съ абшидомъ; нѣкоторые же отошли сами.

22 подполковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ неслишкомъ много истратилъ денегъ, отпуская всѣхъ сихъ офицеровъ; ибо никому ничего не заплатилъ; и до-сихъ-поръ за нимъ пропадетъ жалованія моего за 15 мѣсяцевъ (*), по 150 рублей на мѣсяць (рубль стоить 5 Фр. ливровъ): я получалъ 70 рубл. какъ бригадиръ, 40, какъ полковникъ, и 20, какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ касательно денегъ; по это ни къ чему не послужило. Дѣлать было нечего; мы рѣшились терпѣть; генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ - лейтенантъ баронъ Остенъ и я, отправились вмѣстѣ черезъ Satanore (Тарнаполь) (гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахін, и которые тамъ обогатились въ той-же мѣрѣ, какъ мы обнищали) и потомъ черезъ Замосць въ Лезюль, гдѣ цѣлый мѣсяць отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семъ-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною старостинной и ея сестрою госпожею великой хоружихою. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Снялевскому. Сн дамы оказали мнѣ множе-

---

(*) Кажется, слышишь храбраго капитана Dalgetty, жалующагося на бедность и несправность въ платежъ жалованья. *Прим. А. С. II.*

ство вѣжливостей; между прочимъ получить я отъ старостины прекраснаго Испанскаго табаку, который оживилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогавшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы прѣехали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяць. Оттуда Вислою отправился я съ барономъ Остеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наследницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ «ФАУСТА».

НОЧЬ.

Фаустъ съ выраженіемъ безпокойства сидитъ передъ столикомъ подъ высокими сводами узкой готической комнаты.

Съ какою пламенной любовью
Философическимъ мечтамъ
И медицинѣ и правамъ,
Увы, и даже богословью
Учился я! Что пользы въ томъ?
Остался тѣмъ же я глупцомъ,
Хотя въ ученое сословье
И пришелъ докторомъ. Убивъ
Ужъ десять лѣтъ на пустословье,
Туда, сюда, и вкось и вкривь
Я за носъ школьникова вожу —
А все, какъ прежде, нахожу,
Что сколько умъ свой ни тревожимъ,
Но кромѣ немощи своей

Постигнуть ничего не можем...
Судьба проклятая людей!
Конечно, я не дуралей
И разсудительный шаго
Писца, магистра, богослова:
Меня сомненья не страшать,
Ни черный бѣсъ, ни мрачный адъ;
Зато не занятъ я собою,
Своей ученостью, мечтою
Людей дивить, образовать
И имъ Богъ-вѣсть что возвѣщать.
Нѣтъ у меня казны, палаты,
Замѣны нѣтъ за всѣ утраты —
И псу не жить какъ я живу!...
Къ чему же медлить? призову
На помощь рой духовъ желанный,
Предамся магін туманной
И, можетъ-быть, узнаю я
Тогда пружины бытія.
Быть-можетъ, гордо я воспряну
И пересказывать не стану
Въ поту безсмысленнымъ глупцамъ
Того, чего не знаю самъ.
Въ обширныхъ недрахъ мірозданья,
Душа, веселія полна,
Тогда откроетъ всѣ познанья

Законовъ вѣчныхъ сѣмена,
Вещей всегдашнее начало,
И ужь не будетъ, какъ бывало,
Словами бѣдными играть.

О, еслибъ, ты въ послѣднѣй разь,
Луна, рассыпала сѣнь
На бѣдщаго въ полночный часъ
Въ душевномъ горѣ и страданьи!
Печальный другъ, какъ часто ты
Сѣлъ съ эфирной высоты
На этотъ столъ, загроможденный
Страницъ ученостью презрѣнной!
Ахъ, еслибъ можно было мнѣ
Теперь въ лазурной вышинѣ,
Объятой тихими лучами,
Парить съ безсмертными духами
Надъ безднами въ ущельяхъ горъ,
И освѣжить усталый взоръ,
Простясь съ наукою пустою,
Твоей цѣлебною росю!

Увы, ужель все тамъ же я —
Въ глухой, заброшенной темницѣ,
Гдѣ тускло брежжетъ лучъ денницы,
По стекламъ крашеннымъ скользля,
Подъ этимъ сводомъ, гдѣ летаетъ

Одна удушливая пыль,
Гдѣ червь, и ржавчина, и гниль
На полкахъ книги пожираетъ,
Гдѣ перемѣшанны лежатъ:
Домашній, дѣдовскій снарядъ,
Сосуды, банки, и студентовъ
Казна пустая инструментовъ? ...
Вотъ міръ, въ которомъ ты живешь,
И вотъ что жизнию зовешь!

Ужель еще въ недоумѣньи
У сердца спрашиваешь ты,
Зачѣмъ уснуло въ немъ движенье
И въ жилахъ кровь безъ теплоты?
Дары зиждительной природы,
Для коихъ созданъ родъ людей,
Ты промѣнялъ на мрачны своды,
На прахъ и остовы звѣрей!

Бѣги, лети въ тотъ міръ созвучный,
И тамъ учись читать скрижали,
Гдѣ Пострадаму съ свосручно
Загадку жизни начерталь.
Твой духъ, природой вдохновенный,
Тогда узнаетъ ходъ свѣтилъ—
И самъ съ духами дерзновенно
Заговорить въ избыткѣ силъ.

Закрѣты здѣсь дунѣ стѣпенной

Волшебной книги шельмена.

Я чувствую: вокругъ меня

Духовъ толпится легіоны...

Отвѣтуйте, когда для васъ

Уже достучень Фауста гласъ!

Во прахъ, ничтожныя преноны!...

*Онъ открываетъ книгу, и глазами его попадет-
ся изображеніе макрокосма.*

Какъ счастливъ я, на книгу бросивъ взглядъ,

Какъ весь дрожу нагнемъ свлценнымъ!

О, сколько онъ живительныхъ отрадъ

Мнѣ въ сердце влилъ по жиламъ раскаленнымъ!

Не Богъ ли начерталъ святыхъ шельмена,

При конхъ груди, забывъ мученья

И тихой радости полна

Какъ-бы во снѣ, безъ принужденья

Открыла таинства всемірнаго творенья?

Не Богъ ли я?... Печезла тьма;

Природа дивная сама

Является душѣ, отбросивъ покрывало.

Лена теперь загадка этихъ словъ,

И я постигнуть вдругъ премудрости начало:

«Достучень свѣтлый міръ духовъ,

«Разсѣй лишь мракъ своей темницы!

«Твой духъ стѣпенъ, не унывай!

«Крѣпнися, школьникъ! и купай
 «Земную грудь въ лучахъ денницы!»

Фаустъ разсматриваетъ изображеніе.

Какъ всё созданія одно въ другомъ живутъ,
 Какъ все въ единый міръ сливается прекрасно,
 Какъ силы горнія между собой согласно
 Златыя ведра подаютъ,
 И, тиховейшими крылами
 Спускался съ небесъ надъ сушей и водами,
 Въ водахъ и подъ землей
 Поютъ всемірный хоръ созвучными устами!
 Какое зрѣнище! . . . Но, ахъ, однимъ очей
 Насытить имъ для Фауста недовольно.
 О, безграничный міръ, изъ коего привольно
 Текуть всѣ рѣки бытія!
 Тебѣ обнять не въ силахъ я;
 Къ твоимъ сосцамъ, которыми всечасно
 Питается земля и неба сводъ прекрасный,
 Склонилась и моя алкающая грудь.
 Они журчатъ, они текутъ,
 Увы, мнѣ ль одному томиться такъ напрасно! . . .

*Онъ перевертываетъ съ негодованіемъ страницу, и
 ему попадается изображеніе земли.*

Спокойнѣе гляжу на эти писемца.
 О, духъ земли! ты мнѣ сроднѣе.
 Какъ чарка свѣжаго вина

Ты сердце укрѣпилъ, и взоръ мой веселѣе

Глядитъ въ лясньющую даль.

Во мнѣ и сила и желанье

Отвѣдать счастье и страданье,

Земныя радости, подлунную печаль.

И, если гнѣвный Богъ дастъ волю урагану,

Корабль мой затрещитъ, но я робѣть не стану!...

Чу! заронился лунный лучъ

Подъ ризу тучъ.

Лампада тмится,

Отсюду парь клубится.

Вокругъ чепа

Трикраты обвилась огнистая стрѣла...

Какой-то холодъ изступленья

Схватилъ меня;

Я чувствую твое прикосновенье,

Желанный духъ!

Разоблачись,

И взору смертнаго явись!

Дрожу священнымъ содроганьемъ...

Ты въ сердцѣ распалилъ волшебныя мечты.

И я горю снѣдающимъ желаньемъ...

Явись! явись! и, если хочешь ты,

Готовъ я жертвовать тебѣ существованьемъ...

*Схвативъ книгу, онъ произноситъ таинственно
изображеніе духа. Внезапно показывается красно
ватое пламя и въ немъ духъ земли.*

Д У Х Ъ.

Кто звать меня?

Ф А У С Т Ъ (*отсорицался.*)

Ужасный вид!

Д У Х Ъ.

Не ты ль привлечь из сферы сокровенной
Меня на светъ, зывал вступленно?

И что жь?

Ф А У С Т Ъ.

Отстань! Твой взоръ мертвить!

Д У Х Ъ.

Ты звать меня, безъ отдыха стремился
Узреть мой взоръ, услышать голосъ мой:
На мощный зовъ я наконецъ склонился,
Явился я. — Что значить ужасъ твой,
О полубогъ? Гдѣ гордое призванье,
Гдѣ радостный восторгъ и груди трепетанье,
Въ которой цѣлый міръ ты создалъ и носилъ,
Легляль пламенно и безразсудно мнилъ
Дышать, подобно намъ, всемірною душою? . . .
Ты ль это, Фаустъ? Зачѣмъ же вредо мною,
Внезапно ослабѣвъ, нѣмѣешь и молчишь?
Моньгъ дыханьемъ пораженный,
Какъ-будто червь безкровный и презрѣнный,
Отворотился ты и жалостно дрожишь!

ФАУСТЪ.

Вражде пламени! Твоей насмѣшки злобой
Я нестерпимо: то Фаустъ, то духъ тебѣ подобный!

ДУХЪ.

Въ стихіяхъ враждебныхъ, въ волнахъ бытія

Присутствую я,

Незримая сила,

Рожденъе, могла,

И радость и горе,

Предвѣчное море;

Въ станокъ ударилъ,

Надъ тканью волнистой трудилъ безъ конца,

Ирду я одежду живую Творца.

ФАУСТЪ.

О духъ недремлющій, облившій цѣпь міровъ,
Какъ близокъ я къ тебѣ, какъ я тебѣ подобенъ!

ДУХЪ.

Ты равенъ лишь тому изъ вымысленныхъ духовъ,
Котораго постичь способенъ:

Равняться можешь ли со мной?

(Исчезаетъ).

ФАУСТЪ.

Съ тобой?...

Зачѣмъ же нѣтъ? Отъ тварей естества

Одинъ я отличенъ подобьемъ Божества,
А ты свой ликъ отъ Фауста отвращаешь?

(Стучатся въ дверь).

Проклятый стукъ! Какъ ты некстати возвыщаешь
Помощника моихъ студенческихъ заботъ!
Сухой педантъ какъ мышь опять ко мнѣ ползетъ—
И разлетѣлися волшебныя видѣнья,
Какъ легкій дымъ, какъ сновидѣнья!...

*Вагнеръ, въ пономѣ халатъ и колпакъ, съ лам-
пою въ рукахъ. Фаустъ отворачивается отъ не-
го съ негодованіемъ.*

ВАГНЕРЪ.

По-Гречески читали вы сейчасъ,
И, декламируя, вникали въ духъ поэта.
Позвольте мнѣ обезножить васъ,
Спроситься вашего совѣта
Въ искусствѣ чтенія: необходимъ для свѣта
И этотъ уместенный запасъ.
Не даромъ говорятъ: отличный комедьянтъ
Пастору иногда служить бы могъ примѣромъ.

ФАУСТЪ.

Конечно такъ, когда подъ изувѣромъ
Сокрывать презрѣнный плутъ, обманщикъ, сифофантъ.

ВАГНЕРЪ.

Увы, что дѣлать намъ! Трудясь въ музеяхъ пыльныхъ,
Сбирая скудный даръ познаній щепетильныхъ,

На мѣръ взираемъ мы въ день праздничвйй слегка,
 И зрительной трубой слѣдимъ издаиска
 Людей, на конхъ умъ и вѣчныя сомнѣнья
 Мы дѣйствовать должны посредствомъ убѣжденья.

Ф а у с т ь.

Когда для васъ сокрытъ источникъ вдохновенья,
 Не вамъ людей поработать
 Краснорѣчивыми словами,
 Не вамъ въ избытокъ силъ играть
 Ихъ побѣжденными сердцами.
 Питайтесь крошками пировъ,
 Чужимъ живите достолньемъ,
 Но отъ похищенныхъ даровъ
 Не воскурится дымъ святымъ благоуханьемъ.
 Съ однихъ дѣтей и обезьянъ
 Собирайте удивленья дань,
 Когда вамъ лестны ихъ отзывы.
 Но лишь душевные порывы
 На душу дѣйствуютъ; кто чувствами кипитъ,
 Тотъ чувствомъ движеть и владѣеть...

В а г н е р ь.

Завидую тому, кто риторъ или пѣтъ,
 Словами звучными витійствовать умѣть.

Ф а у с т ь.

Повѣрь мнѣ, жертвовать мечтамъ
 Своею выгодой смѣшно и безразсудно.

Въ наукѣ счастья не подражай глупцамъ:
 Разсудку здравому постичь се не трудно.
 За славой не гонись, не трать напрасныхъ словъ,
 Но къ дѣлу будь всегда готовъ.
 Противны вычурны бездушныхъ разсуждений,
 Засмѣны листки чужихъ произведений:
 Витѣваты вы какъ бури хладный свѣтъ,
 Срывающій съ деревь сухой, осенній листъ.

В А Г Н Е Р Ъ.

Какъ быть! Обширень кругъ познаній,
 А наша жизнь летитъ стрѣлой!
 Сиди хоть до поры ночной
 Среди ученыхъ разысканій,
 А тѣхъ высотъ не достигнуть,
 Гдѣ первобытный ключъ сокрытъ подъ облаками.
 Едва, едва пустился въ путь —
 А смерть, глядишь, стоитъ ужъ за плечами.

Ф Л У С Т Ъ.

Ужель мечтаешь ты разсѣять сонмы тучъ,
 Въ листахъ пергаментныхъ ученость почерпая?
 Но знай, когда въ тебѣ не бьетъ священнѣйшій ключъ,
 Ты жаждать осужденъ, въ наукахъ утонал.

В А Г Н Е Р Ъ.

Вы правы! Но ужель не согласитесь въ томъ,
 Что сладко въ духъ время мечтой переноситься
 И, въ древнихъ мудрецахъ порывшись, гордиться

Живымъ столѣтіемъ и собственнымъ умомъ,
Науки движущимъ такъ быстро и далеко?

Ф а у с т ь.

Не правда ли, до звѣздъ ужасно какъ высоко? . .
Мой другъ! вѣковъ минувшихъ быть
Отъ насъ какъ танецъво зкрыть.
За духъ времяя мы часто принимаемъ
Свой духъ, въ которомъ отражаемъ
Время стусивннйся туманъ.
Вездѣ вдемся мы въ обманъ.
Ученый растетъ какъ мышь въ подвалахъ грязныхъ,
Сбирая кое-гдѣ вѣковъ зарытый соръ—
Тамъ прагматическій, вельеръчивый вздоръ,
А здѣсь событіе среди повѣстей несвязныхъ,
И все потомъ, скланивъ на собственный свой ладъ,
Наъ жизни дѣласть ветошный маскарадъ.

В а г н е р ь.

Но мнръ и человекъ, души его движенья
Ужель принадлежнаго не стоятъ изученья?

Ф а у с т ь.

Сперва мнѣ растолкуй, что значитъ изучать?
Кто будетъ истину вездѣ провозглашать?
Немногіе толнѣ безумно расгочали
Избытокъ разума, души свлценный кладъ.
Но ихъ повсюду жгли, повсюду распинали. . .

Любезный другъ! пора бесѣду кончить намъ:
Ужъ ночь глубокая спустилася на землю.

ВАГНЕРЪ.

Забывъ полночный сонъ, какъ я охотно внемлю
Глубокомысленнымъ, не суетнымъ рѣчамъ!
Завтра первый день Христова воскресенья:
Съ вопросами опять надилхъ льнося къ вамъ,
Въ надеждѣ мудрое услышать разрѣшенье:
Въ наукахъ многое успѣть я разобрать,
Но ненасытный умъ хотѣть бы все обнять.

(Уходитъ).

ФАУСТЪ *(одинъ)*.

Въ безмозглой головѣ, какъ пчелы золотыл,
Мечты копышата и сладостно жужжать:
Онъ жадною рукойъ зарыгый ницъ кладъ
И тѣшитя, отрывъ лишь черви дождевыя.
Давно ли надо мной толпилися рой духовъ,
Но ихъ разсѣло глупца прикосновенье!
На этотъ разъ прими мое благодаренье,
О ты, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ земныхъ сыновъ!
Книжалъ отчаянья безумствомъ изощреннѣй
Внезапно отвратилъ ты отъ груди моея.
Увы, я чуть дышалъ, раздавленный пигмей,
Гигантскимъ призракомъ какъ громомъ пораженный!

Не я ли, созданный во славу Божества,
Ужъ невозбранно зрѣть въ зеркаль правды вѣчной
Все то, что подлежить законамъ естества?
Не я ли выше звѣздъ и выше херувима
Жиздительною крыломъ природу обнимаю,
Уже съ бессмертными амврозію вкушалъ,
Незримой силою на небо возносимый?
Но громозвучный гласъ изрекъ мой приговоръ —
И я паденіемъ означилъ свой позоръ.

Меня безумнаго надежды обманули —
Я могъ привлечь тебя, но удержать могу ли?
Стремясь къ тебѣ, я былъ въ одинъ и тотъ же
мигъ

Такъ слабъ ничтожностью, такъ дерзостью великъ!
Ты оттолкнулъ меня всесильною пятою
Въ тотъ міръ, гдѣ человекъ сражается съ судьбою.
Тобой отверженный, къ кому прибѣгну я?
Вездѣ, вездѣ одни страданья!
Какъ и бездѣйствіе, мѣшаютъ намъ дѣланья
Въ пути земнаго бытія.

Вотще высокое мы духомъ постигаемъ,
Старался воспарить изъ нищеты мірской;
Когда стремясь къ добру, мы цѣли достигаемъ,
Тогда все лучшее намъ кажется мечтой.
Толпа прекрасная душевныхъ сновидѣній

Пугливо прячется отъ жизненныхъ волнений.

Высокъ, могущественъ фантазию полетъ,
 Когда къ звездамъ она свободно возлетаетъ,
 Но въ скромный уголокъ она же путь склоняетъ
 Утративъ счастье въ потокъ бурныхъ летъ.
 Тогда печаль гнѣздо свиваетъ
 На глубинѣ измученной души
 И насъ преслѣдуетъ средь шума и въ тиши.
 Вездѣ, подъ всякою личиною—
 Подъ видомъ женщины, въ младенческихъ чертахъ,
 Въ дому или при дворѣ, въ огнѣ или въ пучинѣ,
 Въ отравѣ или въ мечѣ, она наводитъ страхъ.
 Безъ горя плачемъ мы, безъ раны изнываемъ,
 Владѣя жизнью, о жизни воздыхаемъ!

Нѣтъ, чувство сильное не даромъ мнѣ вѣщаетъ,
 Что я не Богъ, а червь, презрѣнный сынъ земли,
 Питомецъ брешя, котораго въ пыли
 Подошва странника на-вѣки погребаетъ!

Не пыль, не прахъ ли и не тѣнь
 Все то, что взоромъ обнимаю
 На грязныхъ полкахъ этихъ стѣнь?
 Чего такъ пламенно желаю,
 Найду ли въ книгахъ здѣсь?.. Что пользы въ пыль
 прочесть.

Въ десятый, въ сотый разъ одну и ту же вѣсть,
Что всюду человекъ томился и терзался,
Что гдѣ-то невзначай счастливцевъ обрѣтался!..
Что такъ насмѣшливо ты смотришь на меня,
О черепъ, смертно давно опустошенный?
И твой однажды мозгъ, мечтою обольщенный,
Стремился къ истинѣ, некакъ сильнѣе дилъ,
Но въ лоно сумрака все глубже погружался!..
Снарядъ искусственныхъ вальковъ,
Колесъ зубчатыхъ и винтовъ,
И ты ученому въ поемънице достался.
Хитро придуманъ ты, но ключъ твой не помогъ
Раскрыть таинственный замокъ:
Подъ свѣтлымъ солнцемъ утаила
Отъ насъ природа свой тайникъ;
Никто изъ смертныхъ не проникъ
Въ ту дверь, которую не потрлестъ и сила
Железныхъ рычаговъ!.. О дѣдовскій снарядъ!
Куда дѣваться мнѣ съ тобою?..
Столѣтній блокъ, вселящій надо мною,
Какъ задымилъ тебя полночный лампы чадъ!
Не лучше ли прожить скудельное имѣнье,
Чѣмъ смерти ждать въ трудахъ, въ пыли, въ само-
забвеньи?...
Какъ цѣнь колодника, владыка бременить
Пенужное добро. Одно употребленье

Одушевляеть то, что случай намъ дарить...
Но отчего мой взоръ въ тотъ уголь устремился?
Магнитомъ на меня тамъ дѣйствуетъ сосудъ.
Мой духъ веселіемъ внезапно озарился,
Какъ мѣсячнымъ лучомъ, лѣсной, угрюмый путь.

Склонившись предъ тобой, тебя беру я въ руки
Съ подобострастіемъ, магическій бокаль,
Вънецъ премудрости, вънецъ земной науки!
Ты долго подъ стекломъ безъ пользы сохранялъ
Чудесныхъ элій сокъ, исполненный дремоты
И смертоносныхъ силъ. Въ тебѣ теперь заботы
Хочу я потопить. Едва лишь на стѣнѣ
Тебя завидѣлъ я—и легче стало мнѣ:
Взволнованный потокъ въ груди моей стихаетъ;
Въ открытый океанъ мечта меня стремить,
Тамъ море зеркаломъ у ногъ монахъ лежитъ
И къ новымъ берегамъ десь новый призываетъ.
Уже спустился, какъ-будто съ облаковъ,
Ко мнѣ крылатая возница пламени:
Къ эфирнымъ высотамъ подняться я готовъ,
И снова дѣйствовать свободно, не робѣя.
Божественный восторгъ! о слабый червь, и ты
Упьешься имъ, какъ духъ нетлѣнный,
Лишь только отъ земли презрѣнной
Отъ солнца краснаго свой взоръ отвори!

Влюмися приступомъ, не трепещи войти
Въ тѣ страшныя врата, которыхъ осторожно
Обходить челоуѣкъ. Ему ли невозможно
Съ богами наравнѣ достоинствомъ блистать?
Дѣлами мужества пора намъ доказать,
Что не страшимся мы разсѣять мракъ пещеры,
Гдѣ грезятся глумцу ужасныя химеры;
Что мы безтрепетно идемъ въ отверстие вратъ,
Гдѣ предпріятіе достойно исполненія,
Хотябъ намъ и грозилъ удѣлъ уничтоженія!

Отбрось, отбрось теперь футляръ старинный свой
И выходи на свѣтъ, давно забытый мной
Торжественный бокаль! Ты щеголялъ, бывало,
На дѣдовскихъ пирахъ и чистотой кристалля
И сладостнымъ виномъ, когда въ кругу гостей
Заздравной чашею ты обходилъ друзей.
Крал, покрытые рѣзбою драгоценной, —
Обычай ихъ красу стихами прославлять
И разомъ весь бокаль геройски осушать
Напоминають мнѣ тѣ ночи незабвенны,
Когда я молодъ былъ. Какъ прежде, вдохновенный,
Теперь не стану я ни пѣть, ни подносить
Товарищамъ тебя. Готовъ я осушить
Чреватое стекло, въ которомъ зеленѣеть
Хмѣльное вещество, составленное мной.

Кто выпьетъ этотъ сокъ, тотъ мгномъ оцѣлѣетъ...

Привѣтствуя восходъ денницы золотой,

Я нынѣ въ послѣдній разъ изъ чашы роковой!

*Фаустъ подноситъ къ устамъ чашу, наполненную
ядомъ.*

Звонъ колокола и пѣнье хорскъ.

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христось воскресъ!

Пойте, о смертные,

Пѣсни побѣдныя!

Узы наследныя,

Тяжко-завѣтныя

Рушились днесь!

Христось воскресъ!

ФАУСТЪ.

Какой внезапный звонъ, торжественный, густой,
Отъ устъ монаховъ отторгиваетъ чашу?...

Гудятъ колокола, и не во-славу ль нашу

Вездѣ разносятъ вѣсть о Пасхѣ пресвятой?..

Какъ утѣшительно то ангельское пѣнье,

Которое съ небесъ, надъ стѣною гробовой,

Однажды предрекю, разсѣявъ мракъ ночной,

Союзу новому благое исполненье!...

Зачѣмъ призывный гласъ, небесъ отрадный звукъ,

Ты въ прахъ носѣтилъ питомца дольшихъ мукъ,

Я слышу вѣсть твою, но ахъ, безъ упованья!
Пусть мягкосердыя тебѣ поймутъ созданья,
Молитвой пламенной къ Сивисгелю летя.
Кто чуда не признаетъ, тотъ не имѣетъ вѣры:
Оно ея любви милѣйшее дитя.
Съ мнѣ ли воспарить къ предѣламъ чистой сферы,
Откуда ты звучишь какъ вѣстникъ неземной?
Но съ отроческихъ лѣтъ я быть знакомъ съ тобою
И снова къ жизни ты обратною стезею
Влечешь мой слабый духъ, встревоженный мечтой.
Бывало на меня, въ субботній часъ моленья,
Какъ-будто нисходили небесный поцѣлуй,
И гулъ колоколовъ, какъ шоноть райскихъ струй,
Вбивать въ земную грудь святая наслажденья!
О, непонятное, но сладкое стремленье,
Какъ сильно ты влекло безнечнаго тогда
Въ поляны, въ темный лѣсъ, въ ущелья горъ — туда,
Гдѣ сердце юноши мѣръ цѣлый создавало
И слезы теньныя въ восторгъ проливало!
Такъ, нѣкогда и мнѣ сей голосъ возвѣщать
И игры дѣтскія и праздники весenni
Воспоминаніемъ теперь онъ оковалъ
Надъ бездною мой шагъ отчаянный, послѣдній.
О пѣсни сладкія, звучите надо мной!
Я снова слезы лью... Земля! я снова твой!

ЗА ГОРОДСКИМИ ВОРОТАМИ.

Тамъ гуляющаго народа разныхъ сословій.

НѢСКОЛЬКО ПОДМАСТЕРЬЕВЪ.

Зачѣмъ въ ту сторону, друзья?

ДРУГІЕ.

Идемъ въ трактиръ сосѣдняго ручья.

ПЕРВЫЕ.

Пойдемте къ мельницѣ тропинками лѣсными.

Одинъ изъ ПОДМАСТЕРЬЕВЪ.

Нехудо бы въ зернище заглянуть.

ДРУГОЙ.

Туда ведетъ прескучный путь.

ОБЪ.

А ты куда?

ТРЕТІЙ.

Да вотъ за ними.

ЧЕТВЕРТЫЙ. •

Что призадумался? Въ Бурддорфъ сходить бы намъ:

Краснѣ дѣвушки, хмельнѣ пиво тамъ,

Шумнѣ схватки съ молодежамъ.

П я т ы й.

Ахъ, ты гуляка записной,
Ужь видно ченется опять затылокъ твой!
Боюсь туда тащиться съ вами.

С л у ж а н к а.

Ни шагу далѣе. Прости, иду назадъ.

Д р у г а я.

У этихъ тополей онъ ждетъ насъ непремѣнно.

П е р в а я.

Какая прибыль мнѣ, что ты сыскала кладъ?
Онъ твой танцоръ, твой проводникъ безсмысленный;
Онъ за тобой шатается какъ тѣнь —
Глядѣть на то мнѣ, право, лѣнь.

Д р у г а я.

Нѣтъ, подожди; довольна будешь имъ:
Сюда придетъ курчавый съ нимъ.

Ш к о л ь н и к и.

Скорѣй за ними въ слѣдъ! Вонъ идутъ двѣ бѣлянки.
Мой вкусъ неприхотливъ, и я на все готовъ:
Люблю хмельной табакъ, да пива цѣлый штофъ,
Да свѣжій поцѣлуй разряженной служанки.

Г о р о ж а н к а.

Взгляни-ка на повѣсь: вѣдь это право срамъ!
За челядью простой не стыдно ль имъ гоняться?

Могли бы въ обществѣ хорошему показаться,
А вродѣ ли дикарей хоть разъ увидишь тамъ!

Второй школьникъ (*къ первому*.)

Куда торопишься? Вотъ парочка за нами:
Одна изъ нихъ сосѣдка мнѣ;
Въ парадѣ, скромными шагами
Бредутъ тихохонько одиѣ,
А, можетъ-быть, пойдутъ и съ нами.

Первый школьникъ.

Съ мѣщанками плохой разсчетъ;
Меня ихъ взоръ не соблазняетъ;
Простая жь дѣвушка въ субботу ноль мететъ,
А въ день свободный отъ работъ
Иѣжите всѣхъ тебя голубить и ласкаеть.

Горожанинъ.

Нѣтъ, черезъ чуръ храбриться стагъ
Нашъ бургомистръ съ-тѣхъ-поръ какъ въ почести
попагъ.

Поразмотри-ка ты дѣла его поближе:
Какую городу онъ пользу принесеть?
Начальству кланяться велить какъ можно ниже,
И вдвое податей беретъ.

Нищій (*постъ.*)

О госпожи и господа!
Богатствомъ вашимъ ослѣпленный,
Взываетъ къ вамъ старикъ презрѣнный:

Его преслѣдуетъ нужда.
 Лишь тогь прямое счастье знать,
 Чья благодѣтельна рука,
 Кто въ общій праздникъ надѣляется
 Богатой жатвой бѣдника.

Другой горожанинъ.

Признаться, страхъ побно окончить день воскресный
 Бесѣдой о войнѣ, объ ужасахъ ея,
 Тогда-какъ въ Турціи, далеко въ поднебесной,
 Течеть среди полей кровавая струя.
 Межъ-тѣмъ, побулся красивыми судами
 Надъ синюю рѣкой, за рюмочкой вина,
 Стоишь-себѣ спокойно у окна,
 Слѣдя за струйками глазами.
 Потомъ подъ вечерокъ пускаешься домой,
 Благословляя міръ и вѣкъ свой золотой.

Третій горожанинъ.

Сосѣдъ, и я готовъ на этомъ помириться.
 Пускай ихъ рѣжутъ въ далекой сторонѣ,
 Пускай у нихъ все дномъ вертится,
 Лишь только бы у насъ все шло по старинѣ.

Старуха (къ горожанкамъ).

Подъ этой дымкою какалъ кровь играть!
 Кто не сойдетъ съ ума отъ прелестей такихъ!
 Но что за строгой видъ? старушка ли не знаетъ
 Желанья скрытныя красавиць молодыхъ?

ГОРОЖАНКА.

Агафья! при людяхъ подальше отъ колдуньи.
 Я первая бѣгу отъ вѣдьмы записной,
 Хотя, по милости услужливой вѣщуньи,
 На святкахъ мой женихъ мнѣ снился какъ живой.

ДРУГАЯ.

А мнѣ такъ въ зеркалѣ она же показала
 Его воинскій станъ въ кругу богатырей;
 Но сколько милаго теперь я ни искала,
 Не вижу ни его, ни смѣлыхъ усачей.

СОЛДАТЫ (поютъ.)

Башни строптивыя
 Стѣны крѣпостныхъ,
 Очи спѣсивые
 Дѣвъ молодыхъ!
 Сладостно храброму
 Васъ покорять,
 Сладостно воину
 Васъ цѣловать.

Музыка бранная
 Чуть загремить,
 Къ смерти, къ веселію
 Храбрый летить.
 Сколько превратностей

Въ жизни солдатъ !
 Много опасностей,
 Много наградъ.

Крѣпость зубчатую
 Въ прахъ обративъ,
 Дѣвъ-обольстителыницъ
 Тамъ полюшивъ,
 Мы же веселыя
 Пѣсни поемъ,
 Снова на родину
 Дружно идемъ.

ФАУСТЪ И ВАГНЕРЪ.

ФАУСТЪ.

Разбила рѣка ледяные затворы,
 Весны милостивое солнце урѣвъ;
 На нивахъ надежда летѣть поспѣвъ;
 Сѣдал зима удалилася въ горы:
 Ослабшая, тамъ истощаетъ свой гнѣвъ.
 Оттуда она иногда посылаетъ
 На юныхъ луговъ зеленѣющей скать
 Свежокъ перелетный, крупчатый градъ.
 Но солнце весь мѣръ оживлять начинаетъ,
 Безцвѣтныхъ предметовъ не терпитъ оно;
 Когда же въ землѣ еще дремлетъ зерно
 И садъ безъ цвѣтовъ, оно вызываетъ

Изъ хладныхъ покоевъ на встречу лучей
Въ блестящія ткани одѣтыхъ людей.
Теперь оглянись! Вонъ тамъ подъ горою
Увидишь какъ дружно въ мрачныхъ воротахъ,
Въ поляхъ разсыпалась шуманей толпою,
Нестрѣя выходитъ разгульный народъ.
Всѣ празднуютъ вкунь Христа воскресенье,
Для всѣхъ настаютъ беззаботные дни;
Покинувъ на время свое заточенье,
Не къ новой ли жизни воскресли они?
Изъ-подъ мрака навѣсовъ и кровлей тяжелыхъ,
Изъ улицъ тѣсныхъ и невеселыхъ,
Изъ ночи таинственной древнихъ церквей—
Всѣ появились на свѣтъ лучей.
Смотри же, смотри, какъ волнистой толпою
Народъ разбивается между садовъ,
Какъ по рѣкѣ одна за другою
Слѣдуютъ лодки веселыхъ плывцовъ.
А вотъ и послѣдній челнокъ, утонулъ,
Чуть подъ тяжелымъ грузомъ плыветь.
Даже, въ горахъ отдаленныхъ мелькая,
Платья нестрѣютъ, народъ бредеть.
Какъ шумно въ селѣ молодежь веселится,
Смотря на нее, и старикъ молодится.
Здѣсь каждый въ довольствѣ проводить свой вѣкъ,
Я здѣсь на свободѣ, я здѣсь человекъ!

ВАГНЕРЪ.

Пойти съ ученымъ прогуляться
И наставительно и лестно для меня;
Но не охотникъ я по деревьямъ шататься;
Огь сельскихъ праздниковъ бѣгу, какъ отъ огня.
Забавы грубыя, и кеглей стукотилъ,
И скрипи гудковъ, и пѣсни удачныя
Противны мнѣ: какъ духи злые
Бѣснуются и пляшутъ и кричатъ;
Имъ весело, а мнѣ такъ сущій адъ!

СТАРИКЪ.

Ученый мужъ! спасибо вамъ
За честь, оказанную намъ.
Душѣ высокой, благородной
Знать непротивенъ шумъ народный.
Примите жъ кубокъ круговой
Съ единодушною мольбой,
Чтобъ онъ не только жажду вашу
Струей прохладной утолилъ,
Но чтобы Царь небесныхъ силъ
По мѣрѣ капель въ этой чашѣ
Дней вашихъ до но продолжилъ.

ФАУСТЪ.

Охотно кружку осушаю,
Друзья, и счастья вамъ желаю!

СТАРИКЪ.

Какъ любо намъ смотрѣть на васъ
 Среди народа въ добрый часъ
 Тѣмъ болѣе, что въ дни печали
 Вы насъ унылыхъ утѣшали!
 Отъ смерти лотой вашъ отецъ
 Избавилъ многихъ въ ту годину,
 Когда народную кручину
 Преодолѣть онъ наконецъ.
 Въ больницы чумныя входили
 И вы тогда во цвѣтъ лѣтъ;
 За трупомъ трупы выносили—
 Но изъ жилища страшныхъ бѣдъ
 Безвредно вышли нашъ хранитель:
 Спасавшаго сберегъ Спаситель!

В С ъ.

Да здравствуетъ тотъ мужъ на добрыхъ дѣла,
 Чья добрая рука намъ помощь подала!

Ф А У С Т Ъ.

Творцу хваленъе подобаетъ:
 Лишь Онъ хранить и наставлять!

В А Г Н Е Р Ъ.

Гордись, великій мужъ, собой,
 Толпы внималъ восклицаньямъ!
 Счастливъ, кто славою такой

Облазанъ рѣдкимъ дарованьемъ!
Явился ты—и старъ и младъ
Вокругъ тебя тѣсниться радъ.
Съдой старикъ, подливши руку,
Тебя показываешь внуку.
Затихли пляски и гудокъ;
Народъ сбѣгается въ кружокъ,
На воздухъ шапками бросая
И какъ царя тебя встрѣчал.

Фаустъ.

Къ пригорку ближнему вѣдетъ отсюда путь:
Тамъ скоро можемъ мы отъ шума отдохнуть....
Молитвой и постомъ въ то время изнуренный,
Надеждами богатъ и вѣрой подкрѣпленный,
Задумчивъ, одинокъ, тамъ часто начиналъ
У себя я молить конецъ чумѣ ужасной
Слезамъ, вздохамъ... Но было все напрасно!
Теперь же похваляю сей черни я внимаю
Какъ-будто ѣдкой укоризнѣ...
О, еслибы ты могъ событъя прежней жизни,
Въ моей груди сокрытыя прочесть,
Онъ бъ тебѣ всю истину открыли!
Тогда бъ увидѣлъ ты, какъ мало эту честь
И я и мой отецъ въ народѣ заслужили.
Отецъ мой былъ простой, но добрый гражданинъ,
И добросовѣстно, умомъ обыкновеннымъ,

Мирскимъ, невдохновеннымъ
Старался изучать природы стройный чинъ.
Къ нему собиралися аденты
Въ лабораторію, на тайны естества,
Писали динныя рецепты
И разнородныя сливали вещества.
Со Львомъ случая красноватымъ
Лялен чистый цвѣтъ въ растворѣ тепловатомъ
И жаркимъ пламенемъ пахнувъ изъ горна въ нихъ,
Они изъ куба въ кубъ прилежно гнали ихъ.
Когда жь царица молодая,
Цвѣтами пестрыми блистая,
На днѣ являлась наконецъ,
Въ ней силъ цѣлебныхъ образецъ
Они вотще найти мечтали.
Больные между-тѣмъ какъ мухи умирали,
И хоть бы кто развѣдать могъ,
Кому лекарство было впрокъ.
По здѣшнимъ доламъ и селеньямъ
Такъ пуще бѣдственной чумы
Въ угодность адскимъ наводеньямъ
Тогда свирѣпствовали мы.
Я самъ на смерть понлъ отравой
Число несмѣтное людей:
Никто не всталъ съ одра, а намъ—убійцамъ слава
Грешить въ устахъ обманутыхъ судей!

ВАГНЕРЪ.

Не предавайтесь ложной мукѣ,
 Повѣрьте мнѣ, тотъ честно поступаѣтъ,
 Кто добросовѣстно условия исполняѣтъ
 Ему звѣнцацной науки.
 Отцовскимъ опытнымъ словамъ
 Охотно юноша почтительный внимаѣтъ;
 Потомъ, познаній кругъ распространивши самъ,
 Онъ къ цѣли высшей потомковъ направляетъ.

ФАУСТЪ.

Блаженъ, кто сохранилъ надежды даръ златой,
 Надъ кѣмъ не тяготитъ туманный мѣръ сомнѣній,
 Кто всплывъ надѣется надъ моремъ заблужденій!
 Какъ жалкіе слѣпцы, мы вѣкъ проводимъ свой,
 Все намъ доступное съ презрѣньемъ отвергалъ
 И къ недоступному желанья устремля....
 Но вечерѣтъ день. Безумно отравляѣтъ
 Печальной душою свѣтлую благодать...
 Смотри какъ на зарѣ багровое свѣтло
 Лѣса и хижины сіяніемъ покрыло,
 Какъ медленно течетъ — и въ дальніе края
 Готовится нести зародышъ бытія.
 О, еслибы теперь полетѣлъ безконечнымъ
 Я могъ парить за нимъ и зрѣть въ мерцающъ вѣч-
 номъ
 Успокоенный мѣръ, лежащій подо мной,

Въ объятыхъ вечера уснувшія долины,
Въ серебряныхъ водахъ послѣдній лучъ златой
И жаркимъ пурпуромъ покрытыя стремнины!
Шагнувъ черезъ хребты и бездны дикихъ горъ,
Уже я опустилъ свой удивленный взоръ
На синія моря, на теплыя заливы.
Но лучезарный богъ исчезнулъ торопливо,
И я, восторженный, усиливъ свой полетъ,
За вѣчною зарей спѣшу ему востѣдъ.
Передо мною день, ночь темная за мною,
Сводъ неба надъ челомъ и волны подъ стопою.
Видѣнье чудное! о мимолетный сонъ!
Увы, нашъ духъ одинъ быть можетъ окрыленъ,
И крыльевъ нѣтъ у насъ тѣлесныхъ!
Но кто же въ пажитяхъ небесныхъ
Врожденнымъ чувствомъ не паритъ,
Тогда-какъ жавронокъ, въ лазури утопая,
Весенней пѣснью гремитъ,
Когда орелъ, крылами помавая,
Кружится долго надъ скалою,
И плавно журавли протяжною грядой,
Черезъ озера и поляны,
Летятъ на родину, въ полуденныя страны!..

В а г н е р ъ.

Случается, и я какъ-будто самъ не свой;
Но страшностей такихъ не знаю за собой.

Въ лѣсу и на лугахъ частѣхонько скучаю,
А птицею парить я вовсе не желаю.
Другой, духовный міръ меня къ себѣ манитъ;
Онъ въ ночи зимній приютъ мой украшаетъ
И по составамъ кровъ ровнѣе разливаетъ,
Когда надъ книгою мой быстрый взоръ бѣжитъ
Съ одной страницы на другую.
Какъ вы на небеса, съ восторгомъ онъ глядитъ
На рукопись старинную, святую.

Ф А У С Т Ъ.

Одною страстию твоя пылаетъ грудь.
Страшишь знакомиться съ другою!
Но двѣ души въ груди моей живутъ:
Онѣ, увы, въ раздорѣ межъ собою!
Къ мірскимъ потребностямъ привязана одна
Любовью грубой и тѣлесной,
Другая въ горный міръ мечтой увлечена,
Стремится къ прадѣдамъ, къ обителю небесной.
О, если въ воздухѣ, межъ небомъ и землей,
Въ зонрѣ золотомъ духовъ витаетъ рой,
Да слышитъ онъ мое призванье!
Да увлечетъ къ себѣ изъ родины земной
На новый пиръ существованья!
Когда бъ волшебный плащъ теперь меня умчалъ
Въ предѣлы чуждые, къ заоблачному міру,

Я плащъ таинственный тогда бѣ не промѣнять
За все, что цѣнить свѣтъ, за царскую порфиру!

ВАГНЕРЪ.

Нѣтъ, не зови испытанныхъ духовъ;
Ихъ сонмы злобные нашъ воздухъ отягчаютъ
И жителямъ земли отъ всѣхъ ея концовъ
Всегдашней гибелью лукаво угрожаютъ.
Отъ сѣвера они кидаютъ жало въ насъ
Изъ лютыхъ челюстей, осыпанныхъ зубами;
Съ востока, засухой незримо ополчась,
Спираютъ нашу грудь тѣтворными парами;
Отъ юга, изъ пустынь, надъ нашей головой
Лишь только соберутъ лучей каленыхъ зной —
И вдругъ отъ запада ихъ влажныя станицы,
Намигъ намъ освѣживъ усталыя зѣнцы,
Ужъ козни новыя готовятъ здѣсь и тамъ
И потопляютъ насъ, поля и жатвы наши.
Стараясь вредить, они послушны намъ;
Ничто не можетъ быть коварнѣе и краше
Ихъ словъ предательскихъ, какъ-будто отъ небесъ
Внушенныхъ гениамъ, блюстителямъ созданья...
Но ужъ пора домой. Темнѣетъ доль и лѣсъ
И вѣетъ сыростью туманный часъ мерцанья.
Отрадно вечеромъ подъ кровлей отдохнуть.
Но что же медлишь ты? пора пуститься въ путь
Чему такъ въ сумракахъ твой долгій взоръ дивится?

Ф а у с т ь.

Смотри, какъ черный пещъ по нажитымъ кружится.

В а г н е р ь.

Давно его замѣтить я.

Что поразило въ немъ тебя?

Ф а у с т ь.

Взгляни-ка что за звѣрь и что за образина?

В а г н е р ь.

Не звѣрь, а пудель, какъ другой;

Онъ крадется чутелью по слѣду господина.

И въ нетерпѣннн пускается стрѣлой.

Ф а у с т ь.

Все уже, все тѣснѣй, спиральными кругами

Мелькая мимо насъ, сближается онъ съ нами.

Мнѣ даже чудится, что огненной чертой

Означенъ бѣгъ его проворный.

В а г н е р ь.

Въ моихъ глазахъ одинъ лишь пудель черный;

Ты ослѣпленъ несбыточной мечтой.

Ф а у с т ь.

Ужель не видишь ты, какъ онъ нетерпѣливо

Въ магическихъ сѣтяхъ запутать хочетъ насъ?

В а г н е р ь.

На незнакомцевъ онъ косится боязливо

И дѣлаетъ прыжки, поднять не смѣя глазъ.

ФАУСТЪ.

Уже стѣпяеть оль свой бѣгъ крутообразный,
И вотъ у нашихъ ногъ.

ВАГНЕРЪ.

Не призракъ безобразный,
А песь передъ тобой. Видна собака въ немъ:
Ворчить, ласкается и нисвелитъ хвостомъ.

ФАУСТЪ.

Поди сюда! ступай за нами!

ВАГНЕРЪ.

Искусный пудель какъ смѣшонъ
Своею хитростью, прыжками:
Остановился ты — и неподвиженъ оль;
Ты приласкалъ его словами —
Онъ лѣзетъ на тебѣ, въ глаза тебѣ глдитъ,
За тростью въ воду побѣжить.

ФАУСТЪ.

Ты совершенно правъ: собачьи все уловки.
Не самобытный духъ, въ немъ сила дрессировки.

ВАГНЕРЪ.

На пса ученаго, на шалости его
Съ усмѣлкою глдитъ и самъ мудрецъ суровый.
Достонъ онъ вниманья твоего,
Студентовъ школьникъ образцовый.

Э. ГЛВЕРЪ.

О К І Е В Ъ.

I. О К І Е В Ъ.

Весною 1855 года. Киев.

Оставляя мрачный, но милый для меня стъверъ, я не зналъ, что желать: снова ли увидѣть благословенные берега Днѣпра или встрѣтиться съ какой-нибудь волшебной силой, которая возвратила бы меня къ оставленным мною берегамъ Невы, — какъ услужливый курьерскій примчалъ меня въ полуденную Россію. Это была ночь; мрачные сосны, бѣгѣющія по полю песку, напоминали и снѣгъ, и безконечные лѣса стъвера, переносили меня въ далекія мѣста... Въ забытыи, далеко собственно отъ себя, я былъ весь на стъверѣ. Казалось мнѣ, что и оледенѣлая природа и расчетливое равнодушіе, и..... Но пламенный говоръ волнъ пробудилъ меня; я раскрылъ глаза: величественный Днѣпръ шумѣлъ передо мной. Луна спокойно катилась по лазурной, чистой синевѣ небесъ, играл и скрывался за блуждающими облаками; то снова появлялся, обрисовывала рѣзкими тѣнями крутизнаы противоположащаго берега, упирающагося высоко въ сводъ небесъ множествомъ церквей и колоколенъ. Тамъ

вправо, какъ рама огромнаго зеркала, наравнѣ съ горизонтомъ воды, въ туманѣ, тлнлася стройный Подоль; надъ нимъ висѣла, подобно мрачной тучѣ, гора Щеквица. Все дышало таинственностію на берегахъ древняго Борисосна!... Одинъ предметъ отражалъ лучъ свѣта луны: то была крестъ собора, какъ вѣчная лампада, теплящаяся въ сердцахъ православныхъ Россіянъ. Онъ горѣлъ звездой неуга-симой предъ милосердымъ Творцомъ..... Кіевъ, Кіевъ! какъ имя твоѣ любезно сердцу Русскому! Подъ твоимъ счастливымъ небомъ вѣра, впервые пришла въ материнскія объятія свои добрыхъ и великихъ Россіянъ. Отъ береговъ Балтики и до Камчатки нѣтъ мѣста, гдѣ бы имя твоѣ не наполняло благоговѣніемъ сердца христіанъ, истинныхъ дѣтей твоихъ! Незабвенныя для Россіянъ мѣста на берегахъ Невы, Дона, на Куликовомъ-Поля—имѣютъ себѣ подобныхъ, также прославленныхъ подвигами нашими на поляхъ Полтавы, на берегахъ Дуная, Сены, Эвфрата; но не было и быть не можетъ равнаго тебѣ воспоминаніямъ, святой Кіевъ!

Какъ взоръ, искавшій разгадать предметы среди ночнаго мрака, такъ мысль моя стремилась въ давнопрошедшее. Съ могилы Асколди я спѣшилъ поклониться праху великаго Олега; съ Крещатика переносилъ взоръ свой на Выдубецкій монастырь—мѣста, гдѣ низвергнутый Перунъ въ послѣдній разъ еще стяжалъ поклоненія отъ немногихъ упорныхъ обожателей своихъ. У Боричева-Возова, на крутизнѣ горы, у подошвы которой шумѣли воды Почайны,

красовался великокняжескій теремъ; тамъ возлѣ храмъ Василія, первый храмъ, сооруженный православною рукою святаго Владиміра на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предъ-тѣмъ стоялъ храмъ Перуна.—Кіевъ явился мнѣ, какъ въ дни славы своей, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ, облесенный крѣпкою каменною стѣною съ множествомъ башенъ; то въ страннѣйшій часъ, когда несмѣтная полчища Батыя, обложивъ святой градъ, стояли куренями на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ предметіе, сохранившее названіе Куренъка: тогда взорамъ моимъ представлялся грозный приступъ, проломъ въ стѣнѣ у самого Десятиннаго-Храма. Пенсовыя, похирающіе святилища! Мнѣ чудился гулъ разрушаемыхъ храмовъ; я видѣлъ дымящееся пенелище; сердце мое замирало при воплѣ и стоиѣ жертвъ пѣвна и блуждающихъ какъ тѣни старцевъ и невинныхъ младенцевъ среди ужасовъ смерти и разрушенія, среди труповъ падшихъ братьевъ и сродниковъ . . . . .

Я вопрошала и грозные берега и утрюмый боръ: все безмолвствовало, все казалось мнѣ погруженнымъ въ мрачную думу о протекшихъ столѣтіяхъ и исчезнувшихъ поколѣніяхъ! . . . Тогда я переносилась вдалѣ, когда и насъ не будетъ, когда десятки поколѣній послѣдуютъ за нами, когда еще столѣтія, какъ день, какъ мигъ единый, пролетятъ—и наша будущиость новой будущиостию замѣнится!

Такъ мысли смѣняли одна другую. Погруженный въ размышленія, я сидѣлъ, завернувшись въ шинель

на прекрасной шести-весьельной шлюбкѣ. Волны лѣниво плескали о бортъ; шлюбка отваливала; *разомъ!* раздалось повелительное слово лоцмана; гребцы взмахнули веслами, разскли влажную стихию, и чрезъ нѣсколько минутъ примчали къ подножію святаго града. — Я ступилъ на берегъ и медленно пошелъ къ городской заставѣ.

Въѣздъ въ городъ проложенъ по живописному ущелью между высотами Выдубецкими и Печерскими. Пальво обрывистый оврагъ, тѣнстые сады съ вѣковыми деревьями; направо—грозно безмолвствуетъ Кіево - Печерская цитадель.

II. ВОСПОМНАНІЕ О КІЕВѢ.

Осенью 1855 года. Цирское - Село.

Кому чужды мѣста святыхъ? Кому чужды священныя мѣста, свидѣли и славы и несчастій первыхъ образователей законной власти въ отечествѣ нашемъ, сего единственнаго источника счастья и величія народовъ!

Я пишу не для тѣхъ равнодушныхъ, которые, можетъ-быть, полусонные проезжаютъ нашу Кіевъ, и какъ-оы дорожатъ своими взорами, чтобъ раскрыть ихъ лишь за Радзивилловской - Заставой. . . . . Я не вижу ихъ; они справедливо жадничаютъ иноземнымъ; оно одно для нихъ священно; иноземныя воспомнанія одни нечужды имъ; это чув-

ство дѣтства ихъ; оно передано имъ иноземными воспитателями, которые такъ искусно умѣютъ, вмѣстѣ съ произношеніемъ своего языка, передать намъ и чувство равнодушія къ родному небу и ко всему отечественному.

Могу ли не говорить о Кіевѣ, простившись съ нимъ надолго, можетъ - быть навсегда? Прими, святой градъ, слишкомъ слабую дань моихъ чувствованій! Они мною были твоими, когда съ величественныхъ высотъ твоихъ я восхищался живописными видами окрестностей твоихъ, или, когда въ часъ ночи, я внималъ призывному гулу колоколовъ твоихъ; или, когда величественное свѣтло Полуденной-Россіи бросало первые лучи свои на позлащенные верхи храмовъ твоихъ,—тогда, о! какъ любилъ я восхищаться красотой твоей съ тѣнистыхъ береговъ Черторы! . . Мѣстоположеніе Кіева и скрестностей очаровательно; каждый шагъ внутри самого города открываетъ вамъ всегда новыя, всегда разнообразныя и равновѣсительныя виды.

Кіевъ начинаетъ быть видѣнъ передъ послѣдней станціей по Петербуржскому тракту. Но чтобы видѣть самую обворожительную картину Кіева, должно стать на третьемъ мосту вновь дѣлаемаго шоссе; тутъ взоръ обнимаетъ всю прелесть картины: Выдубецкій монастырь, Кіево - Печерская Лавра съ своею колокольнею, двѣ Никольскія церкви, Дворцовый-Садъ, нижняя часть города, собственно Подоль называемая, Братская-Обитель, и наконецъ Кирилловскій монастырь—все это какъ-бы выдвинуто

напоказъ на самую крутизну берега. — Отъ высотъ, лежащихъ вѣтво за Китаевской-Пустынею, Кіевскій берегъ на протяженіи 35-ти верстъ оканчивается вправо мысомъ, какъ - бы претраденнымъ теченіе Днѣпра. На сей оконечности крутизну праваго берега стоитъ Вышгородъ, некогда увеселительное мѣстопребываніе царицы Ольги; за нимъ — даль сливается съ горизонтомъ, и лишь вдали кое - гдѣ мелькающія мачты означаютъ теченіе Днѣпра и впадающей въ него Десны. — Вѣтво отъ высотъ Выдубецкихъ теченіе Днѣпра также живописно, и крутизны праваго берега, покрытыя лѣсомъ и садами, видны слишкомъ на 100 верстъ.

Нынѣшній Кіевъ — не тотъ Кіевъ время Владимиръ; самая мѣстность приняла иной видъ: гдѣ былъ лугъ и боръ, тамъ городъ; устья Почайны сѣдловъ итъ; гдѣ былъ городъ, тамъ поле. На мѣстѣ загороднаго увеселительнаго Берестова — цитадель; въ ней драгоцѣнная память Владимиръ, церковь Спасъ-Преображеніа, воздвигнутая въ 17 столѣтіи на развалинахъ церкви Спасъ-на-Берестовѣ, второй церкви, сооруженной Владимиромъ въ 989 году близъ терема, въ которомъ онъ и преставился. Тутъ почіють: прахъ Долгорукаго и Евфиміи, супруги Владиміра-Мономаха. Угорскій-Взъѣздъ, Боричевъ-Взвозъ, Аскольдова могила, Олегова могила — все это можно только разгадывать, но вѣка, вѣка изгладили ихъ. Гдѣ былъ городокъ Владиміровъ съ крѣпкими каменными стѣнами и башнями, тамъ бѣдныя жилища, разрытые до половины валы и нѣсколько

церквей; по это уже вновь воздвигнутые въ 17 столѣтїи позже, на развалинахъ прежнихъ.

Но съ какимъ чувствомъ останавливаете вы взоры ваши на развалинахъ храма св. Прины, на остаткахъ Златыхъ-Вратъ, на гробницѣ Ярослава и мозаическомъ украшенїи внутри Софїйскаго собора! Вы только тамъ можете вновь бесѣдовать съ протекшими столѣтїями и переноситесь въ вѣкъ Ярослава-Белликаго. Тамъ все такъ, какъ было тогда: вы видите искусство, прочность въ постройкѣ, которой подражать мы не въ состоянїи; вы предугадываете великолѣпіе и даже изыщность: утѣшительное чувство наполняетъ тогда душу Россїанина! Вотъ каковъ былъ Кїевъ время Ярослава-Белликаго — менѣе, нежели чрезъ 150 лѣтъ отъ своего возрожденїя!... Россїяне были тѣ же: по единому мнovenїю государя своего, они, какъ и при Петрѣ, съ единодушїемъ и восторгомъ спѣшили обнять все, и лучъ образованности протекъ отъ береговъ Нонта до Волхова. Гибельная система удѣловъ остановила все: внутреннїе раздоры открыли свободный путь нечестовымъ Ордынцамъ, и возродившееся величіе Россїи слишкомъ на 500 лѣтъ сокрылось подъ развалинами и цѣпюмъ опустошеннаго отечества.

Безъ вновь-открытыхъ остатковъ храма св. Прины и Златыхъ-Вратъ мы не имѣли бы почти ничего въ настоящемъ видѣ того времени. Кто можетъ вообразить себѣ, подходъ къ Софїйскому монасты-

рю, что въ стѣнахъ его настоящая гробница Ярослава-Великаго 1037 года, а стѣны Софійскаго собора еще древнѣйшей кладки? Принятое тамъ обыкновение побѣлать и закрашивать ежегодно, какъ внутри, такъ и снаружи стѣны церквей и колоколенъ, разочаровываетъ путешественника. Церкви безъ поповленія имѣли бы свой видъ древности; но бѣленькія, расписанныя снаружи узорами онѣ теряютъ всю свою наружную собственность, и являются глазамъ какъ грубое произведеніе архитектуры и болѣе ничего.

Мы много обязаны любителю отечественной древности г. Лохвицкому за открытіе самыхъ древнихъ памятниковъ. Жаль, что ограниченное состояніе г. Лохвицкаго не позволяетъ ему предаться вполне призыву пламеннаго усердія къ открытію, тѣмъ болѣе къ сбереженію священныхъ остатковъ древностей Кіева. — Я ѣздилъ съ г. Лохвицкимъ осматривать развалины, которыя, по моему мнѣнію, онъ весьма справедливо называетъ остатками храма св. Ильи. Хозяинъ усадьбы, въ которой находится эти развалины, говоритъ, что, когда досталось ему во владѣніе усадьба, тому болѣе двадцати лѣтъ назадъ, еще оставались столбы подводяные и части стѣнъ, но что все это разобрано на новыя постройки. Теперь нѣтъ ничего сверхъ земли; но осталась часть фундамента: камень, кирпичъ, цементъ—все несомненно свидѣтельствуетъ древность постройки, и если принять оныя развалины за остатки храма св. Ильи, то это памятникъ самой древней христіанской церкви въ Кіевѣ.

Церковь св. Ильи существовала въ Кіевѣ во времена язычества. Самъ Несторъ удостовѣряетъ въ этомъ, говоря о клятвенномъ обязательствѣ Игоря съ дружиной на святииномъ холмѣ: «и на утрѣ призва Игорь послы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перуны, и покладоша оружїе свое и щиты, и золото, и ходи Игорь ротъ, и мужи его, и елико поганыхъ Руси; а Христіанскую Русь воднша ротъ въ церкви святаго Ильи, яже сеть надъ ручаємъ, конецъ постыччи бесѣды въ Козарѣхъ: се бо бѣ соборная церковь, мнози бо бѣша Варязи Христіане.»

По моему мнѣнію, весьма несправедливо полагають сей древній храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь св. Ильи на Подоль. «Бесѣда» означало вѣтарину сѣдалище, селитбу. Мѣсто, гдѣ нынѣшній Подоль, не было занято подъ заселеніе еще долгое время. Несторъ въ своей лѣтописи ясно говоритъ: «и послана Древлане лутчіе мужи, числомъ двадцать, ко Ользѣ въ лоды, и присташа подъ Боричевомъ; бѣ бо вода текущи тогда возни горы Кіевскїа. На Подолѣ не сѣдаху люди, но на горѣ.» — Сравнивая мѣсто, гдѣ нынѣшняя церковь св. Ильи, съ тѣмъ мѣстомъ гдѣ открыты развалины, о которыхъ я говорю, мы находимъ тутъ уединенное ущелье, мѣсто еозрытое; а въ древности могъ быть и ручей, ибо мѣсто это и теперь неизвѣстно-почему называется Іорданскій-Ручей. Не въ такихъ ли мѣстахъ мы находимъ вѣ памятники первыхъ церквей христіанскихъ? Во времена язычества, христіане, ненавидимые, гонимые, могли ли со-

оружать храмы Богу истинному, на живописныхъ берегахъ Почайны и Дѣбра, въ виду священнаго холма? «Конецъ постычки бесѣды въ Козарѣхъ» могъ быть на горѣ выше ручья, гдѣ дѣйствительно есть слѣды селитбы.

Желаю отъ души, чтобы составилось общество любителей древности для Кіева, чтобы оно обратило должное вниманіе на открытіе, тѣмъ болѣе на сохраненіе священныхъ остатковъ древняго Кіева. Нельзя не вспомнить и не пожалѣть, что остатки десятиннаго храма — двѣ стѣны, которыя митрополитъ Петръ-Могилъ сохранилъ, и мозаическій полъ разобраны. . . . Священные остатки, свидетели ужаснаго событія! О, какъ много говорили бы вы сердцу Россіянина! — Камни, одни камни! не такъ ли бы мы благоговѣли предъ вами, какъ благоговѣемъ мы, какъ благоговѣютъ всѣ просвѣщенные народы предъ простыми бревенчатыми стѣнами домика Великаго Петра!

Какой частной человекъ какими пожертвованіями можетъ купить право разламывать самаго малѣйшій памятникъ, освященный вѣками и воспоминаніями народными? Усердные приносители! Если уже желаете сдѣлать что-либо и сдѣлать достойное, то употребите капиталы ваши на полезныя заведенія; воздвигайте ихъ въ виду смѣхъ священныхъ памятниковъ, и да вознесутся молитвы и благословенія облагодѣтельствованныхъ вами, какъ отголосокъ потомства, благоговѣющаго предъ памятью Великихъ.

П. Пашчевскій.

ТРИ ЯВЛЕНИЯ

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

А Л Ъ М А.

ЯВЛЕНИЕ III.

Загородный домъ Альмы у стѣнъ Иерусалима. — Передъ нами разстилаются поля, часть которыхъ занята царскими виватами. — Между домомъ и стѣнами, въ переднемъ концѣ правой стороны, видна часть сада, принадлежащаго Альмѣ. — Съ дѣтуть остальныхъ сторонъ сцены тянутся холмы, покрытые виноградниками. — Альма, собравшаяся идти, остается при появленіи новыхъ лицъ. — Въ глубинѣ сцены, изъ-за послѣдняго угла городскихъ стѣнъ, выходить: Нахаль, начальникъ ободной стражи, Рагуиль, его помощникъ, и третья стража.

Рагуиль (*написаетъ, побрякивая миццообъ*)^(*).

Мой миццообъ, ты громчей пробряльни,
Прозвещи веселье, миццообъ,
Чтобъ дозорному стражу въ почѣ
Сократилась бы скука часовъ!.....

(*Къ начальнику.*)

(*) Миццообъ — жюльетъ. Ночный дозоръ въ древнемъ Иерусалимѣ ходилъ съ миццообами, и часовые отвѣчали обходнымъ звонками же.

Такъ, другъ Набáль? . . . . . Вѣдь всю тоску разноситъ
Живая пѣснь? . . . . .

На б á л ь.

Такъ, правда, Рагуи́ль.

Да для живой побольше нужно силъ . . . . .

Ра г у и́ л ь.

А, знаю я: душа Фамáри (*) проснѣтъ,
И умная веселую зоветъ;

Но подожди: всему пора придетъ. . . . .

(Напѣваетъ побрякивая.)

Вотъ когда, разогнавъ море мглы,
Станетъ день съ высоты намъ сіять,
Мы опять всѣ толпой за столы,
И потомъ за сикеру опять!

На б á л ь.

Ты, Рагуи́ль, не видѣлъ ли видѣнье,
Что такъ рѣчишь?

Ра г у и́ л ь.

Мы видѣли съ тобой

Скудельники, покрытые смолой. . . . .

На б á л ь.

А что за удивленье?

(*) *Фамáри*—пальма, изъ плодовъ которой Евреи дѣлали крѣпкое вино, известное въ Библии подъ названіемъ *сикѣры*, правильно: *сикѣръ*. Сикеру и другіе вина хранили на Востоку въ глиняныхъ засмоленныхъ сосудахъ.

Рагуиль.

(Снова бряньнитъ и поетъ:)

Да живеть, да живеть Бенъсебуль —

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Альма *(ополгалоса.)*

Вотъ человекъ!.... Какъ страшно онъ безбожить!...

Рагуиль *(увидя Альму, говоритъ Наблу.)*

Живъ богъ дагонъ (*)! И пусть владыка мой
 Казнитъ меня Египетской чумой,
 И ту чуму проказой да умножить,
 Когда теперь не встрѣтился мы
 Съ прекрасною охотницей до тьмы!....

(Подходя къ Альмѣ:)

Любовь и миръ, скиталица ночнал!....
 Что, счастливо ль дождался ты дня?...
 Полна ли сътъ?

Альма *(отворачиваясь отъ него).*

Онъ страшень для меня,

И рѣчь его, презрительно - земная,
 Такъ для души неопытной дика.....

(*) *Дадонъ* божество Филистимлянъ, такъ же какъ и *Астаротъ*. — Египетъ, уклоняющійся отъ своей религiи, по большой части, прильпая къ идолопоклонству Филистимлянъ.

Рагуиль (къ стражани, указывая на Альму и Набала.)

Вы слышите ль?... Не любите старика?...

(Сильясь къ Набалу.)

Что, другъ Набаль? Умчались вѣрно годы?...

Да за тебя отвѣтчикъ буду я...

(Взявъ Альму за руку.)

Кудаже ты, красавица моя?

Не убѣгай, какъ убѣгаютъ воды,

И дай ты намъ волнами поиграть...

Альма (вырываясь, говоритъ
сквозь слезы.)

Пусти меня!... Мнѣ надобно искать,

Кого всю ночь искала я напрасно,

Кто здѣсь меня оставилъ сиротой...

Рагуиль (прѣрываетъ ее.)

Сынъ вѣтра онъ и человекъ нустой!...

Какъ въ мысль придетъ: оставитъ цвѣтъ прекрасный,

Когда вотъ такъ и проснется душа

Побыть надъ нимъ и нѣжится дыша?...

Нѣтъ, стало-быть, что сердце въ немъ повито

Въ морозъ и мглу, и вѣрно все затѣмъ,

Что здѣсь цвѣтамъ онъ предпочелъ кетемъ (*).

(* Кетемъ—золото. Раббы (т. е. такъ называемые равнины) пишутъ это слово также, но выговариваютъ неправильно кѣсемъ.

А взять меня.... такъ признаюсь открыто:
 Въ талантахъ (*) я и въ минахъ—какъ ничто,
 А потому и скупъ на нихъ, зато,
 Зато я весь—любить умѣю щдро,
 И ежели неправду говорю,
 То пусть я вдругъ съ сикеры загорю,
 И до красвъ преномненныя шкура
 Мое вино да разорветъ какъ мѣхъ—
 Народу въ пѣснь, и воротамъ (**) на смѣхъ!...

А л ъ м а (*самою себя вполголоса.*)

Вотъ рѣчь раба и друга белая;
 Но пусть она погнѣбнетъ въ забытн...

(*Обращаясь къ пришедшимъ, со осталь
 простодушнѣе.*)

Невидѣли ль вы, добрые мои,
 Царя-Царей?...

Р а г у и л ѣ (*Принимая ее за
 суласшедшую.*)

Да ты бѣ давно сказала!...

Какъ не видать?... Вѣдь мы и въ ночь и днемъ
 Заботимся, и только все объ немъ!

А л ъ м а.

И видѣть ты возлюбленнаго брата?

(*) *Талинты и лины*—денежный вѣсъ.

(**) *Ворота т. е. вѣсьможи*, потому что засѣданія послѣднихъ были у воротъ... «Рыдайте ворота!» говорить Исаія (XIV, 31.)

(***) *Белая-китожество*; въ переносномъ смыслѣ—все видѣнное, суетное.

Рагуиль.

Вотъ какъ тебя.

Альма (*продолжая шептать.*)

Такъ гдѣ же свѣтлый огнь?...

Скажи ты мнѣ: ты будешь награжденъ;

Я дамъ тебѣ и серебра, и злата.....

Набаль (*тихо къ Рагуилу.*)

Зачто она щедрится такъ казной?

Рагуиль (*также въ полголоса.*)

Да нуженъ ей какой-то братъ родной
И Царь-Царей..... Бѣдливка помѣшалась,
А хороша!.....

Альма (*Рагуилу.*)

Да чтожь не скажешь ты,
Гдѣ дивный цвѣтъ небесной красоты?

Рагуиль.

Да жаль тебя; напрасно ты скиталась:
Оставя тронъ, и скипетръ, и подирь,
Твой Царь отплылъ за золотомъ въ Офирь,
И невцать тебѣ свѣтаго цвѣта
Твоихъ небесъ. Но это не бѣда.
Тутъ нѣтъ потерь, особенно бѣ когда
Послушалась ты умнаго совѣта
И стала бы прѣвѣтнѣе со мною....

Вѣдь я, взгляни, не кто-нибудь иной,
 И въ дѣлѣ силъ, по волѣ Астарофа,
 Срывать верхи сдвали дамъ кому. ....
 Да вотъ тебѣ. .... Читала ты Шлѣму (*).
 Гдѣ пишеть онъ о силѣ бегемооа?
 Ну, это я! .... Такъ будь же подобрьй;
 Ктомуужъ твой брать какой-то Царь-Царей,
 Такъ вѣрно старъ, а изъ того выходитъ,
 Что молодой обходный Рагуйль
 Великаго прекрасно бѣ замънилъ,
 Тѣмъ-болѣе, что онъ и не приходитъ,
 По старости, въ условный срокъ часовъ,
 А я всегда и веселъ и готовъ. ....

А л ь м а (вырывается.)

Прочь отъ меня, презрѣнное созданье,
 Сынь бѣдствил, и плоти, и грѣха! ....
 И на тебя смѣню я жепиха? ....
 Творецъ! .... Ты зрншь моей души рыданье!
 Спаси жь меня Ты въ этотъ скорбный часъ:
 Я слѣзы лью. ....

(*) Шлѣма. Большая часть раббовъ приписываютъ книгу Юва Саломону, котораго они называютъ Шлѣма (вмѣсто Салона) .... Здѣсь Рагуйль намъкаетъ на известное мѣсто изъ упомянутой книги: «Сила его въ силѣи чрева его; его възраженый ошнбъ какъ кедръ. .... XL 11 и 12. Бегемооъ собственно—мври, но, употребленное вмѣсто единственнаго, означало слома.

Рагуиль.

Пустая порча глазъ.

Да времени напрасная утрата,
И съими, другъ, нельзя красой цвѣсти.
Брось этотъ вздоръ!....

Альма.

Пусти меня, пусти!

Рагуиль.

Нѣтъ, поцѣлуй!

Альма.

Мой Богъ!... Пошли мнѣ брата!

Рагуиль.

Да, вотъ сейчасъ!.... Не догадалась ты
Позвать сперва.....

Альма.

Призри Ты съ высоты—

И бѣдствіемъ не преполюй мнѣ мѣру!

Рагуиль (*срывая съ Альмы
драгоценное покрывало.*)

Не хочешь ласкъ, такъ дай намъ апперимъ....

Набѣлъ.

Э, брось!....

Рагуиль.

Кого? Я не расстаюсь съ нимъ.

Онъ намъ съ тобой годится на синкеру.

Наба́ль.

Да брось ее.

Альма.

Пусти меня, злодѣй!

Рагу́иль.

Счастлива ты, что красоты твоей

Въ моихъ глазахъ твой ансеримъ дороже;

А то-бы я..... Но такъ и быть — пошла!

(Оттолкнувъ ее сильно, къ стражамъ;)

Прогнать ее!

Стражи *(толкая Альму.)*

Еще Царя звали!....

Негодница! долой отсюда!

Альма *(падая безъ чувствъ.)*

Боже!

Рагу́иль.

Ну, пусть лежитъ. Оставьте вы ее!

Мы сдѣлали какъ слѣдуетъ свое —

Чего же намъ?.... Теперь на всѣхъ достанетъ....

Наба́ль.

Да и на все.

Стражи.

Спасибо, другъ и братъ.

Рагу́иль.

Я для друзей служить послѣднимъ радъ;

Однакоже, ужь солнце скоро встанетъ,

А мы своихъ не сдѣлали концовъ;
 Но главное, чтобы застать кунцовъ,
 И если имъ, поставя на колеса,
 Скатить слово да цѣнь не возвышать, —
 Такъ въ санхедринъ не сводить отвѣчать,
 Ловя, какъ въ сѣть, въ докучные разспросы,
 И, сиклями (*) платя за плодъ грѣховъ,
 Не сдѣлаютъ насъ притчей лзыковъ.
 Они, какъ мы, къ себѣ не слишкомъ строги,
 И для семьи всехъ этихъ богачей,
 Важный, друзья, видѣніе очей,
 Чѣмъ разныя душевныя дороги (**);
 А потому и недосужно имъ
 Разыскивать: гдѣ взять я апперимъ . . . .
 Пойдѣте-же. Но чтобы намъ въ тревогу
 Не впасть, какъ въ ровъ! такъ палецъ на уста
 И не снимать до времени перста —
 А то бѣда! . . .

На б а л ъ (*напляваетъ, побря-
кивалъ.*)

Вотъ когда на вино апперимъ
 Промѣняетъ покорный твой рабъ,

(*) Сикль—денежный вѣсъ. Серебряный сикль равнялся $266\frac{1}{4}$ граммамъ или 4 Римскимъ драхмамъ; золотой былъ въ половину легче.

(**) Т. е. лучше то, что есть, нежели разныя мечты, изслѣдованія и предположенія.

Ужь тогда, мой старикъ, прогремимъ
Мы и въ туоть, и въ цалциль и въ гутгабъ (*)

—

Тогда прочь и печаль и труды!
Но смотрите жь: собираться скорѣй,
Чтобы пить отъ утра до звѣзды
За здорové Царя всѣхъ Царей!

Н а б а ъ л ь (*подпоясал сильнѣе
голосомъ*):

Славно пить отъ утра до звѣзды
За здорové Царя всѣхъ Царей!...

Р а г у ѣ л ь.

Ай, другъ Набаэль! Да ты на пѣсни левъ!

(*Скрываются за садомъ Альмы.*)

—

Я В Л Е Н І Е IV.

А л ь м а. (*Приходя въ себя.*)

Гдѣ я?.... Мой братъ!.... Какъ полною любовью твоей
гнѣвъ!....

Ты допустилъ, чтобъ мигъ одинъ забвенья
Обидами презрѣнныхъ быль омьтъ;
Но сладкій плодъ въ обидахъ тѣхъ сокрытъ
И радостны мигъ стали оскорбленья:

(*) Туоть-тимпанъ или тамбуринъ. Цалциль кимвалы. Гутгабъ-связка тростяковыхъ дудочекъ, съ которыми изображаютъ Сатироевъ.

Въ нихъ затаёшь источникъ новыхъ силъ,
И вѣрю я, что ты меня простишь!....

(*Встаетъ.*)

Да, ты простишь! Но раствори жь объята
И тѣмъ слѣпцамъ, у коихъ огонь плотской
Разлитъ въ груди кипящую рѣкой.
Прости ты имъ, прости: они миѣ братья;
Но ихъ проникъ собою порчи лѣтъ,
И бѣдные не знаютъ что творять!
Забудь ихъ грѣхъ, какъ сердцемъ я забыла
Враждебные поступки ихъ со мной,
И пусть, мой Богъ, съ порочностью земной
Не увидеть въ судъ Твоя святая сила!....
И что судить, когда ихъ свѣтъ какъ тьма?
Въ презрительномъ ребячествѣ ума
Они душой смѣются надъ свѣтыней,
Идя въ ночи по грязному пути;
А Ты съ высотъ ихъ утромъ освети
И всѣхъ покрой своею благостынѣй,
Чтобы Твои, восторженно узря
Въ томъ дѣйствіи величіе Царя,
Еще сильнѣй любили бы то Слово,
Въ которомъ все божественность одна!
О, какъ теперь я чувствомъ все полна,
И чувство то такъ хорошо, такъ ново,
И такъ въ меня проникло глубоко!

Оно живить: съ нимъ радостно, легко,
 Съ нимъ я опять надеждами объята,
 Сильнѣй любовно и вѣрно я сильнѣй,
 Что съ женихомъ не знатъ мнѣ грустныхъ дней.
 Онъ всё воздастъ . . . . Пойду жь искать я брата . . . .
*(Всходитъ на холмы и скрывается
 за виноградниками.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Подруги Альмы *(съ арфами.)*

До да *(тихо къ подругамъ.)*

Дозоръ прошолъ, и стражи по стѣнамъ,
 Брлнпча въ мицюоъ, не номѣшаютъ намъ.
 Сиоѣмге жь (*) ей то древнее сказанье,
 Которое намъ передалъ пророкъ . . . .
 Теперь пора: вонъ сталъ алѣтъ востокъ,
 И теплое весеннее сіянье
 Сквозь тонкій наръ любзаетъ вышину.
 Вы съни всё? Такъ я сейчасъ начну . . . .
*(Садится рлданъ съ подругами. Сперва раз-
 даютъ общіе аккорды; потомъ каждая иг-
 раетъ и поетъ поодинаккъ.)*

(*) Удревннхъ Евреевъ срензды были въ большомъ употребленіи.
 Ихъ обыкновенно давали для невѣсты съ подруги въродолженіи семи
 свадебныхъ дней, утромъ и вечеромъ, подъ окнами невѣстной ложницы.

Д о д а.

Заря догорала, закатъ поблѣднѣлъ,
 И скрылась изъ вида долина Гарана
 Подъ млечною зыбью ночнаго тумана,
 И утварью Божьєю сводъ занскрѣтъ,
 А въ градѣ Гаранѣ семья Баоуиля
 Для путника снѣдь и питье припосила,
 И путника мирный хозяинъ просилъ:
 «Мой гость, подкрѣпился трапезой простою,
 И сладкія вещи (*) ты выпей со мною . . . .»
 Но гость отказался: не ѣлъ и не пилъ.

Т у с і а г а.

«Ни хлѣба, ни снѣдей, ни сладкихъ вещей.
 Не стану вкушать я, хозяинъ, съ тобою,
 Пока простодушно тебѣ не открою
 Зачѣмъ я, и кто я, откуда, и чей,
 И какъ у меня завершилась дорога,
 Чтобъ зналъ я отвѣты, и съ помощью Бога
 Увидя, согласны ли съ цѣлью они,
 Я сразу все дѣло окинутъ бы взглядомъ . . . .»
 И мирный хозяинъ, сядя съ нимъ рядомъ,
 Сказалъ дружелюбно: «ты можешь: начини.»

К е т ё м а.

«Хозяинъ! Я старшій (**)

(*) Такъ Евреи называли вина.

(**) Старшій (по Евр. жезель) т. е. главноуправляющій домою.

Который возвышенъ судьбой изъ народа (*),
 Которому Творчій небеснаго свода
 Сказать, что размножить его безъ конца.
 Дохавъ сегодня до вашего града,
 Я съѣзъ со своимъ подѣлъ тѣнь вертограда,
 Вблизи отъ колодца *Кто-зритъ-и-живеть*,
 И съ холма любуюсь красивой страной,
 О дальнемъ и близкомъ я вспомнилъ душою,
 И ты о минувшемъ узнай напередъ . . . »

Г е м н м а г а .

«Старѣлся возвышенный оный отецъ,
 А ложе хладѣю и былю безчадно;
 Но можноль исчезнуть тому безотрадно,
 Кого изъ народовъ возвысилъ Творецъ?
 Всевышній услышалъ мольбы господина:
 Онъ далъ ему *Радость*, прекраснаго сына,
 И сынъ, возмужавши, исполнился силъ,
 И видя въ томъ сынѣ пору огневую,
 Сказать мнѣ владыко: «кладн ты десную
 «На чресла у старца!» И я положилъ.»

М а р а .

«Клянися мнѣ Богомъ небесъ и земли,
 «Клянися» сказалъ онъ «какъ брату и другу,
 «Что выберешь сыну ты двѣу-подругу

(*) Т. е. изъ дома Авраама или Абрагама, потому - что это имя
 есть сокращеніе словъ: *абра-и-са-мои*—отецъ, возвышенный изъ народовъ.

«Отъ сей Хананси безвѣрной вѣдн,
 «Въ прекрасныхъ долинахъ Гарана роднаго,
 «Чтобъ леза не портила сына младаго
 «И родъ малодушный съ моимъ не смился,
 «Сей родъ, о которомъ рекло Провидѣнье:
 «Что оны, какъ въ могилу, сойдѣтъ въ заустыне...
 «Клянися жь мнѣ Богомъ!» И я поклялся.»

П е л и.

«Намъ нечего медлить: настала пора
 «Родиться владыкамъ твоимъ, Хананси!
 (Такъ старецъ прибавилъ лицомъ веселья)
 «Возьми же ты злата, возьми ты сребра,—
 «И крѣпко я вѣрю смиренной душою,
 «Что ангела Дивный пошлетъ предъ тобою,
 «Затѣмъ, чтобъ хранитель тебѣ бы привелъ
 «Къ родному Гарану въ цвѣтную долину,
 «И дѣву-подругу назначилъ бы сыну....
 «Ступай же ты съ миромъ!» И вотъ я пошолъ.»

Н е р г а л ь.

«Приблизилось дѣло: мой путь совершенъ!
 (Такъ мыслить я нынѣ съ вечерней зарею)
 Вотъ старца родимый Гаранъ предо мною;
 Вотъ, въ тусклѣ одѣвался, поблѣкъ небосклонъ,
 И тѣни съ востока простерлись по своду.
 Вотъ выйдуть, которыя черпаютъ воду;
 Вотъ скоро толпа ихъ цвѣтная придетъ—

И какъ я изъ многихъ невѣсту узнаю?
 Но я на Владыку небесъ уповаю,
 Но я у колодца *Кто-зритъ-и-живетъ*».

Д о д а.

«О, вѣчно-живущій и дивно съ высотъ
 Всевидящій Боже! Мо.по тебѣ пынтъ:
 Пошли Ты мнѣ встрѣчу въ Гаранской долигѣ;
 Исполни молитву, чтобъ льнѣншій родъ
 О томъ бы грядущему передать роду!
 Вотъ вышли, которыя черпаютъ воду:
 Соудьай же, Сильный, вельнѣемъ своимъ,
 Чтобъ *Радости* нашей невѣста млада,
 Безвѣстнаго путника въ полѣ встрѣчая,
 Была бы привѣтна и ласкова съ нимъ!»

Г у с і а г а.

«И если скажу я красавицѣ той:
 Какою бы доброй была ты, беоула (*),
 Когда бы водицы ты мнѣ почерпнула!—
 Пускай мнѣ отвѣтитъ она съ простотой:
 «Мой путникъ! Служить я для каждаго рада!
 «Вотъ пей на здорье изъ этаго кѣда (**);
 «А тамъ я верблюдовъ твоихъ напою...»
 Да будутъ мнѣ знакомъ подобныя рѣчи,

(*) *Беоула* девушка.

(**) *Кидъ-мѣра* ёмкости, можетъ-быть, что-нибудь въ родѣ Ловискаго *кади*, содржавшаго 3 урни или 1; Римск. кружки, или въ родѣ Русской *киди*.

Что я ужь достигъ до желательной встрѣчи! —
И Вышній услышалъ молитву мою.»

К е т ё м а.

«Едва я окончила, и вотъ подошла
Красавица-дѣва, какъ воды живая,
И, путнику съ тихой улыбкой внимая,
Она мнѣ изъ кады напитокъ дала,
И такъ дружелюбно потомъ предложила
Начерпать вербенодамъ въ большій поилъ,
И стала трудиться. А я между-тѣмъ,
Творя передъ Богомъ молитвы святыя,
Достала для обулы обручии златыя
Въ четырнадцать сиклей и въ девять пеземъ (*)».

Г е м н и ѳ а г а.

«Свершивъ начатое, сказала она:
«Ужь я для вербенодовъ воды наносила.»
Но кто жь ты такая?—«Я дочь Баоуѣла,
«Нахорова сына.»—А намъ бы нужна
Ложница, гдѣбъ можно предаться покою,
Да мѣсто вербенодамъ.—«Такъ слѣдуй за мною:
«Мы путникамъ рады и любимъ гостей.»
Такъ мнѣ говорила та дѣва младая,
И я, въ помышленьяхъ Творца восхваляя,
Подарки тѣ отдалъ съ веселіемъ ей.»

(*) *Иезъ-в-ероньерка.*

М а р а.

«Тутъ дѣвушка скрылась—и вскорѣ потомъ
 Ты самъ, мой хозяинъ, явился для встрѣчи,
 И съ лаской сказалъ мнѣ пріятныя рѣчи,
 И ввелъ дружески въ отеческій домъ,
 И здѣсь угощася трапезой святою;
 Но вѣрь, что не стану вкушать я съ тобою
 Ни хлѣба, ни снѣдей, ни сладкихъ вещей,
 Пока не узнаю: вы есѣ ли согласны,
 Чтобъ сытъ властелина, молодой и прекрасный,
 Сталъ мужемъ красавицы-дѣвы твоей?»

П е л и.

«Ты вѣрно замѣтилъ, хозяинъ, давно,
 Какъ волю селгую являеть чудесно
 Въ земномъ начинаньи Владыка небесный;
 Но, можетъ, иначе у васъ рѣшено,
 И дѣву другому отдать вы хотите:
 Такъ просто и прямо мнѣ это скажите—
 И я, невкушая, теперь же пойду,
 По мирно, и тихо, безъ всякаго гнѣва,
 Чтобъ вѣсть ли направо, идти ли налѣво . . . . .
 Хозяинъ! я кончила: отвѣта я жду.» —

Н е р г а л ь.

«Гдѣ воля Господня, тамъ рѣчь не нужна.
 «И видно, мой путникъ, что дочь Бабуила,
 «Въ Гаранѣ родившись, въ Гаранѣ гостила,

«А жить ей далеко... Но вотъ вамъ она!
 «Ты можешь отвезть ее къ сыну свободно:
 «Пусть же все будетъ какъ Богу угодно!
 «Мы съ дѣтства привыкли смиряться предъ Нимъ,
 «И съ небомъ ли спорить мы будемъ, земные?
 «Обнимемъ жь дружно, какъ братья родные,
 «И дѣло святымъ поцѣлуемъ скрѣпимъ!»

Д о д а.

«Да будетъ! да будетъ!» прѣзжій сказалъ;
 Какъ юноша бодрый, подъ сѣдью лнуя
 И къ рѣчи прибавя печать поцѣлуя,
 Съ довольной улыбкой рабамъ приказалъ,
 Чтобъ выюки скорѣе вносили съ дарами,—
 И домъ распахнулся широко дверями,
 И все заблестѣло отсвѣтомъ сребра,
 И все засіяло отливками злата,
 И каждого путникъ ущедрилъ богато,
 И пиръ пировали всю ночь до утра.

Т у с і а г а.

Вотъ утро настало, и путникъ сѣдой
 Хозяину вымолвилъ рѣчью прямою:
 «Пустите жь вы дѣву теперь же со мною!»
 Останься, отвѣтилъ хозяинъ молодой:
 Побудь, погости для веселія съ вами,—
 «Да какъ мнѣ остаться, когда я мыслями
 Все къ *Радости* нашей на радость лечу?»

Не спорю жъ; но дѣлю чтобъ кончить согласно,
Тамъ спросимъ уста мы у дѣвы прекрасной» —
И тѣ, улыбаясь, сказали: «хочу».

К е т ѳ м а.

И быстро тотъ путникъ собрался домой.
И вотъ на верблюдовъ ковры разостлали;
Вотъ вышли садиться, другъ друга обили,
Простылися братья съ родимой сестрой —
И тронулся поѣздъ въ раздолье пустыни,
И ѣхали слѣдомъ за дѣвой рабыни
Съ тоною могучихъ и смѣлыхъ рабовъ.
И братья невесты сдали прокричали:
«Дай Богъ, чтобы дѣти твои возрастали,
И вѣчно владѣли вратами враговъ!»

Е м и м а г а.

Однажды маститаго праотца сынъ,
Воздавши усердно хваленія Богу
И ловчимъ одѣвшись, пошолъ на дорогу,
Которая вѣется въ раскатъ долины
Ко граду Нахора широкой тесьмою.
Онъ вышелъ, и, вспомя невесту душою,
Сталъ думать кипучія думы о ней. —
Вдругъ всадники ѣдутъ на встрѣчу отгуда;
Вотъ стали, и дѣва спрыгнула съ верблюда,
И сердце у сына забилось сильнѣе.

Мѣра.

Вотъ путники ближе, и сынъ узнаётъ
 Пошла за невестой изъ дома роднаго, —
 И вспыхли ланиты у сына младаго,
 И вотъ онъ не знаетъ: идти ли впередъ,
 Стоять ли съ осанкою гордой на мѣстѣ;
 А самъ незаметно все ближе къ невестѣ,
 И ближе невеста младая къ нему.
 Вотъ въ старшемъ веселостью все закипѣло,
 И началъ онъ было-рассказывать дѣло,
 Но все говорилъ онъ себѣ-самому.

Пѣли.

Взволнованъ и веселъ, смущенъ и счастливъ,
 Смирный и смѣлый, невпущный и страстный,
 Приблизился къ путницѣ ловчій прекрасный,
 И тихо откинулъ онъ длинный цѣпѣъ (*),
 И, сильнымъ порывомъ любовь знаменуя,
 Онъ обнялъ красавицу крѣпко цѣлуя,
 И повесть отъ дѣвы внимательно, такъ
 Онъ слушалъ съ улыбкой отъ слова до слова,
 И ввелъ напоследокъ предъ старца роднаго
 Младую Ревекку владой Исаакъ....

Общій хоръ (подъ игру слытъ арфъ.)

Укрывшись отъ свѣта въ пріютъ тишины
 И въ немъ восторженьемъ любви обладая,

(*) Цѣпѣъ покрывало.

Ты слышала ль, наша подруга молодая,
 Святое преданье святой старинны?
 И эти простыя о древнемъ напѣвѣ
 Приятны ли сердцу пѣвнителиной дѣвы,
 И дышетъ ли жизнью счастья оно,
 И въ нѣгѣ кипитъ ли восторгами сноза,
 Воспомня Царя-Жениха всеблагаго?...
 Вставай же, подруга: ужь утро давно!

(Встаютъ и подходятъ къ ложницѣ.)

И м и н ѣ т а.

Отвѣта нѣтъ. Другъ Альма, встала ль ты?
 Взгляни, какъ здѣсь на яхонтѣ высоты
 Торжественно взлетаютъ глыбы свѣта,
 И міръ одѣтъ веселіемъ опять;
 Вставай же, другъ, спѣши ты насъ обнять,
 Спѣши скорѣй!....

Н е р г ѣ л ь *(заглядывая, въ ложницу.)*

Но какъ мы ждемъ отвѣта,
 Когда се въ ложницѣ этой нѣтъ?

М ѣ р а.

Ея любовь предупредила свѣтъ.
 Еще съ зарей, въ объятіяхъ у друга,
 Невинная и чистая, она
 Бесѣдою святой упоена.
 Счастливица!...

Тусіага.

Но вотъ идетъ подруга!...

До да (*поетъ, играя на лири.*)

I.

Прозрачно-зѣбкіе туманы
 Лежатъ въ поляхъ. Но кто сіа,
 Какъ стебель дыма отъ халбины (* ,
 Какъ мирры легкая струя?

II.

Она восходитъ изъ пустыни
 Какъ тонкій паръ, и вса она
 Пензглагеланной свлгыни
 И мыслей царственныхъ пона.

III.

Одѣта въ бѣломъ, какъ млея,
 Блестя румянцемъ какъ заря,
 Идетъ, восторгомъ пламенѣя,
 Невѣста дивнаго Царя.

*(Альма выходитъ изъ-за виноградника,
 показывается на скатъ близлежащаго
 холма. Подруги Альмы, составляя пе-
 редъ нею торжественный танецъ, поютъ.)*

(*) Халбана — одна изъ душистыхъ смолъ. Мирра во-Еврейски
 лавъ.

Общій хоръ.

Ты привлекла, ты насъ плѣнила;
Въ тебѣ любовь, въ тебѣ краса,
И ты въ себѣ соединила
Наземный цвѣтъ—и небеса!...

Альма лобзается съ ними.)

Б. И. Соколовскій.

А. С. ПУШКИНУ.

Не вовсе чуя Бога свѣта
Въ моей неполной головѣ,
Не вѣря вѣтренной молвѣ,
Я благосклоннаго привѣта —
Клянусь Парнасскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами —
Въ тиши безвѣстности, не ждалъ
Отъ сына музы своенравной,
Равно-торжественной и славной
И высшей рока и похвалъ.
Пѣвецъ единственной забавы,
Пѣвецъ вакхическихъ картинъ,
И .....скихъ дѣвъ и .....скихъ винъ,
И прозелить журнальной славы,

. . . . .
. . . . .

.....

Такъ я тебя благодарю.
Богъ вѣсть что въ міръ ожидаетъ
Мои стихи, что буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность моя
Меня зачѣмъ-то порываетъ;
Но будь-что-будетъ — не боюсь;
Въ бытописаньи Русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь пѣвшиваго косца,
Всеми ужасна, не скосить
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носится Зевсовыхъ огней,
Играя, на гору заносить.

Н. Языковъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ: „МИХАИЛЬ- ТВЕРСКОЙ“.

ДѢЙСТВІЕ V-е.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

(Уединенный шатеръ Михаила на степи въ Золотой-Орды; предъ нимъ болре и Константинъ).

Константинъ *(объѣгал)*.

Болре, гдѣ родился?

Болринъ.

Спигь въ шатръ.

Константинъ.

Скорѣй прервите сошь его.

Болринъ.

Килжичъ,

Всю ночь молился онъ; лишь на разсвѣтъ,
Отъ бдѣнія уставшій, задремалъ.

КОНСТАНТИНЪ.

Царица въ ужасѣ меня позвала:
 «Бѣги къ отцу, не медни, умоли
 Бѣжать отсель, когда лишь есть возможность!»
 Возь золото, чтобъ стражей подкупить.

БОЯРИНЪ.

Благой совѣтъ царицы бесполезенъ:
 Враги предупредили. Ночью сонмъ ихъ
 Оковами его обременили
 И близкой казни грозили, отъ хана.
 Всю ночь готовился онъ встрѣтить смерть,
 И отрокъ княжескій всю ночь стоялъ
 И перелистывалъ ему псалтирь,
 Чтобъ облегчить окованныя руки. . . .
 Не нарушай послѣдняго покоя!

КОНСТАНТИНЪ.

О Боже! неужли спасенья нѣтъ? —
 Я къ хану устремлюсь.

БОЯРИНЪ.

Княжичъ, ужь поздно.

Мы только можемъ вмѣстѣ умереть! . . .
 Останься съ нами; здѣсь ты почерпнешь
 Изъ устъ его благія наставленья,
 И кладъ сей сохрани на днѣ души;
 Но плачемъ духъ отца не возмущай.

КОНСТАНТИНЪ.

Я буду твердъ! Взамѣну каждой капли
Сихъ тщетныхъ слезъ я взрослый кровь пролью
Георгіа!

БОЯРИНЪ.

Достойный родъ Тверскихъ!
Здѣсь все семейство замѣни отцу
И будь ему свидѣтелемъ кончины.

2-й БОЯРИНЪ.

Вотъ тихій голосъ изъ шатра. — Онъ снова
Всталъ на молитву и твердитъ псаломъ.
Внемли:

В. Князь (*въ шатръ*).

«Въ груди моей смутилось сердце
«И на меня папалъ кончины страхъ.»

2-й БОЯРИНЪ.

Умолкъ. Печальную внушили думу
Слова псалма! Но въ нихъ же утѣшенье.
Княжичъ, родителю духъ ободри,
Дочти ему спасительный псаломъ.

КОНСТАНТИНЪ.

«На Господа печаль твою возверзи:
Онъ праведныхъ въ смятеніе не дастъ!»

(*Полы шатра откидываются.*)

В. Князь (*выходитъ*).

Ты здѣсь, мой Константинъ! Благое небо
Еще однажды, и въ послѣдній разъ,
Позволю мнѣ сжать тебя въ объятіяхъ
И утѣшительный твой голосъ слышать,
Когда смутился духомъ....

Константинъ (*бросаясь въ его
объятія*).

О, родитель!

В. Князь.

Мой сынъ! Господь велитъ намъ разлучиться,
Мнѣ преждевременно оставить міръ,
Тебѣ же съ юныхъ лѣтъ въ немъ привыкать
Сиротствовать, на Бога уповал.
По горней волѣ будь готовъ идти.

Константинъ.

Ты образцомъ мнѣ!

В. Князь.

Нѣтъ, сынъ мой, нѣтъ:

Ищи его межъ сонма славныхъ дѣдовъ.

О, еслибъ ты и счастье ихъ обрѣлъ!

Бояринъ.

Тебя лишь да напомнить намъ твой отрокъ!

В. Князь.

Бояре вѣрные, вамъ поручаю

Дѣтей моихъ. Для нихъ не будьте скудны

Сокровищами вашей сѣдины —
 Лѣтъ многихъ опытомъ. — Я вашу ревность
 Къ владыкѣ лично и къ престолу знаю;
 Но Русскій князь во мнѣ не умираетъ,
 И самый Михаилъ въ потомствѣ жметъ.
 Забудьте сей изсохшій, ветхій корень,
 Который скоро изсѣкутъ предъ вами;
 Взгляните, какъ роскошно онъ разцвѣтѣтъ
 Въ сынахъ своихъ! Меня вамъ замѣнитъ
 Дмитрій. Отчину ему вручаю,
 Родную Тверь: пусть онъ подѣлитъ младшихъ,
 И матери участокъ дастъ, и васъ
 Не позабудетъ.

Б о л г е.

Мы его, онъ нашъ!

В. К н я з ь.

Я знаю нравъ Дмитрія: онъ буренъ,
 Въ мигъ ярости все сокрушитъ; навремя
 Кровь юная въ немъ можетъ заглушить
 Благоволеніе его души.
 Страхусь и за него и за отчину:
 Онъ не проститъ Георгію злодѣйства,
 Въ крови его омоетъ клевету;
 Междоусобная вновь возгорится
 Брань на Руси!....

КОНСТАНТИНЪ.

Злодѣя ль пощадить?

В. Князь.

И у тебя въ груди, мой нѣжный отрокъ,
Такъ рано закинуло чувство мести?
Ахъ, истреби его въ молодой душѣ!
Что пользы въ мести? Ею ль оправдаюсь
Предъ міромъ въ черной клеветѣ врага?
Но кто изъ благомыслищихъ поверитъ?
Кто жену убійцей назоветъ меня?
Одишь лишь ханъ! и не отъ злаго сердца,
Пить, отъ слѣпой любви своей къ Кончакъ.

Бояринъ.

Ты ль за гонителя еще стоишь?

В. Князь.

Когдабъ, бояре, знали, какъ странна
И какъ чужда земная ваша злоба
Мнѣ, отходящему въ безстрастный міръ,
Котораго ужь я огненный житель!...
Я гнѣвъ свой промѣнялъ на состраданье;
И самый Кавкадзій, столь дикій, звѣрскій,
Въ глазахъ моихъ лишь отпечатокъ степи!
Но есть одинъ изъ всѣхъ моихъ враговъ,
Которому пить на землѣ прощенья,
Не отъ меня, но отъ его жь отчизны!..

Константинь.

Онъ проклять будь!

В. Князь.

Умолки! клятва съ неба,

Съ земли жь одиѣ молитвы о прозрѣньи
Сльпаго сердца въ избѣжанье золь
Отчизнѣ отъ его грлдущихъ козней! —
И вотъ что братьямъ завѣщай.

Константинь.

Родитель,

Обѣтъ тяжелый наложить ты намъ,
Мнѣ передать лишь, имъ его исполнить.

В. Князь.

Еще одно меня тревожитъ въ жизни:
Димитрій дышетъ честолюбьемъ; онъ
Владимірскаго пожелаетъ трона—
И вотъ кровавый ключъ неправой брани
Съ Георгіемъ!... Но не ему вѣнецъ!
Съ мосю смертью Юрій старшимъ въ родѣ.
Пусть отчиной довольствуется сынъ;
Когда же незаконно жаждетъ трона,
Бояре, вы напомните ему
Въ отцѣ законнаго владыки участь.

Бояринъ.

Мы все исполнимъ, свято соблюдемъ.
Скажи, что на сердцѣ еще лежитъ?

В. Князь.

Святителю Петру я бью челомъ
Объ отпущеніи и о молебнахъ
За упокой души многострадальной.
Не онъ меня въ міръ горній отпоесть,
Не онъ листъ отпустительный вручить,
Но милосердыя мнѣ откроютъ дверь
Его доступныя поминovenья...
А вы мой прахъ въ чужбинѣ не покиньте;
Мнѣ будетъ дико въ сей безбрежной степи:
На родинѣ хочу костями лечь, тамъ,
Но столькимъ странствіемъ, ихъ успокоить.

Болгннъ.

О, длачего въ сей горькій, тяжкій часъ
Святителя намъ въ утѣшенье нѣтъ?
Онъ приготовилъ бы тебя и насъ.

В. Князь.

Болре, я готовъ. Еще въ тѣ дни,
Когда собирались вы въ Орду, и близкихъ
Надеждой возвращенья утѣшали,
Я ужъ на смерть сбирался, и тогдаже
Духовному покался отцу,
И страшныхъ тайнъ Христовыхъ сталъ причастникъ.
Заранѣе я предсказалъ ему

Мою безвременную здѣсь кончину —

И нынѣ Судин предстать готовъ....

(Вблгаеть отрокъ килжескій)

1-й Болринъ.

Отколѣ блѣдный отрокъ?

2-й Болринъ.

Что трепещеть?

К. Отрокъ. *(въ ужасъ).*

На торжищѣ...

3-й Болринъ.

Что видѣть?

К. Отрокъ.

Тамъ толпа

Грозить оружіемъ, тамъ Кавгадый....

3-й Болринъ.

О Боже!

К. Отрокъ.

Тамъ князь Юрій.

2-й Болринъ.

Все погибло!

К. Отрокъ.

Они сюда ведутъ своихъ убійць;

Толпа ихъ скоро сей шатеръ обступитъ.

В. Князь.

Спасайтесь!

КОНСТАНТИНЪ.

Мы отстоимъ тебя!

1-й Болгнинъ.

Тебя ли, князь, въ сей грозный часъ покинемъ?

В. Князь.

Бѣгите! Нѣтъ вамъ здѣсь спасенья.

2-й Болгнинъ.

Здѣсь

Мы сложимъ головы за государя!

В. Князь.

Я не пріемлю безразсудной жертвы.

Или мнѣ легче умереть на трупахъ

Бояръ своихъ и сына? ... Нѣтъ, къ царицѣ

Отъ моего лица бѣгите: тамъ

Васъ защититъ....

3-й Болгнинъ.

Но, государь!...

В. Князь.

Болре!

Еще до смерти я владыка вамъ:

Когда вамъ страшень гнѣвъ мой — повинуйтесь.

Тебѣ же, Константинъ, вслнть отецъ.

КОНСТАНТИНЪ (*бросаясь къ ногамъ его*).

Отецъ, отецъ! благослови меня!

В. Князь (возлагая руки).

Господь да сохранитъ тебя молибами
 Святыхъ угодниковъ и благоверныхъ
 Князей намъ кровныхъ, въ мѣръ облеченныхъ
 Въ чинъ ангельскій, и сопритченыхъ въ лики
 Многострадальныя! — Въ тебѣ, мой сынъ,
 Я всю семью свою благословлю:
 Димитрія — онъ сынъ твой отецъ, —
 И младшихъ Александра и Василья,
 И безутьшную мою княгиню.
 Скажи ей: прежде-чѣмъ искать пріюта
 Въ тиши келейной, возрастить должна
 Мнѣ и семейству младшихъ сыновей;
 Тогда жь пусть воля сердца ей закономъ!
 И бабкѣ Ксении снеси поклонъ мой;
 Мы оба ужь такъ близки огь могилы,
 Что и свиданіе недалеко; дотоль
 По сынъ пусть творить поминовенья...
 Благоую часть давно она избрала!...
 Прости, будь счастливѣй отца, прости!
 Еще одно, послѣднее лобзанье!...
 Прости, мой отрокъ!.....
 ..... Ты молчишь? ты хочешь
 Безмолвьемъ плачь и слезы удержать?
 Но я ихъ чувствую: онѣ горятъ
 И на рукахъ моихъ и на ланитахъ...

Господь тебя да призреть и утѣшить!—

А вы, болре....

1-й Болринъ.

Князь!....

2-й Болринъ.

Владыка!....

В. Князь (*прошлась съ ними*).

Ахъ,

Онъ вашимъ другомъ быть и намъ умереть.

Благодарю, за все благодарю!....

Словъ не ищите, я безъ нихъ васъ понялъ.

Вотъ дѣти: въ нихъ меня любите!.... Мыслью

Межъ вами стану жить.... Оставьте; время;

Скорбите сердцемъ, но мужайтесь духомъ;

Въ послѣдній разъ простите, удалитесь!

Въ мольбахъ не забывайте!.... Ахъ и ты,

Прости, мой отрокъ!....

(*Все удаляются*).

В. Князь (*въ шатръ падаетъ на колѣни*).

Боже, Боже! Все,

Что лдъ душъ, что сердцу мечъ двуострый,

Все, что суровымъ потрясеньемъ грудь,

Какъ доску гробовую, разбиваетъ,
 И все, что внутренность, какъ бѣдну, ростъ
 Отчаяніемъ, все я испыталъ;
 Всю чашу осушилъ до самой желчи!
 И пшнѣ, полный горя и позора,
 Здѣсь одинокимъ предстою Тебѣ!
 Владыко, Ты судить — и я молчалъ.
 Земную казнь вмѣни мнѣ въ оправданье:
 Пусть кровь моя грѣхи мои замочетъ,
 Но въ грозный судъ съ рабомъ твоимъ не вниди!
 Кто смертный оправдится предъ Тобой!...

КАВГАДЫЙ, КН. ЮРІЙ и ТОЛПА УБИЙЦЪ.

КАВГАДЫЙ.

Вотъ ставка; въ ней все совершило.

Кн. Юрїй.

Итъ,

Еще лишь мигъ!...

(Убийцы остаются)

КАВГАДЫЙ.

Что слышу, князь Московскій,

Отколь медленность? Ты ль у меты

Не хочешь долгаго труда окончить?

Что духъ твой возмутило?

Кн. Юрій.

Духъ покоснѣ.

Я только осмогрѣть хочу шатерь,
Чтобъ видѣть, тамъ ли врагъ?

Кавгадый.

Ты слышишь голосъ?

В. Князь (*съ шатрь* .

Въ послѣдній разъ, Владыко, я съ земли
Къ Тебѣ молебный возсылаю гласъ.
Прими жъ коемчю здѣсь покаянне.
Мнѣ будетъ скоро чуждымъ этотъ міръ,
Къ которому давно ужъ охладѣть.
Какъ часто, бѣдствіемъ его томимый,
Въ пустынѣ жаждаль водвориться, тамъ
Тебя спасающаго Бога чалъ
Отъ злодушии и отъ бурь; а нынѣ
Часъ отпущенія съ земли насталь.
Я жъ, пораженный имъ, смугился духомъ...

Кавгадый.

Еще ли ждаль?

Кн. Юрій.

Постой, онъ на молитвѣ!

Кавгадый.

Молитва ль Юрію страшнѣ крови?

Кн. Юрій.

Нѣтъ, онъ напомнигь мнѣ слова псалма,
Которыя самъ натвердилъ изустно
Младенцу Юрію, во дни родства,
Для утреннихъ молитвъ монахъ во храмѣ.

В. Князь *(въ шатръ.)*

Оковы тяжкія, мой горній духъ
Къ земной темницѣ вы не прикусте,
И трупъ мой вытѣстѣ изъ вашихъ узъ! . . . .
О, кто мнѣ крылья дастъ, какъ голубицѣ,
И полечу я, и почию! . . . . Боже!
Какъ въ вѣчности твоей легко, свободно! . . . .

Кавгадый.

Умолюкъ онъ; знакъ дадимъ . . . .

Кн. Юрій.

Ты самъ подай!

Кавгадый.

Не все ль одно, кто дастъ? Идите въ ставку!

*(Убийцы сходятъ. Полы шатра
упадаютъ.)*

Молчаніе!

Кн. Юрій.

Онъ видѣнъ ли?

Кавгадый.

Шатра упали полы.

Кн. Ю р і й.

Что слышно? вопли?

Кавгады й.

Нѣтъ!

Кн. Ю р і й.

Какъ, онъ ужь мертвъ?.....

Кавгады й.

Вопль женамъ: гдѣ нѣтъ страха, вопля нѣтъ!

Кн. Ю р і й.

Вотъ тяжкій вздохъ!

Кавгады й.

И это былъ послѣдній.

Кн. Ю р і й *(въ ужасъ.)*

Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ!

Кавгады й.

Нѣтъ воскресить желаешь?

Взгляни!

(Шатеръ откидывается; убійцы стоятъ надъ обнаженнымъ трупомъ.)

Кавгады й.

Что отвращаешь взоръ? взгляни.

Презрительно въ убійцъ малодушье!

Ты трона жаждать — вотъ тебѣ ступень!

.....

Но онъ тебѣ быть кровнымъ: исприлично

Нагому князю предъ Ордой лежать!

Дай съ плечь покровъ — ты вьдъ его порфиру!

(Кн. Юрій накрываетъ трупъ своею мантией.)

СТИХОТВОРЕНИЯ,

ПРИСЛАННЫЯ ИЗЪ ГЕРМАНИИ. (*)

XXIV.

Тамъ гдѣ горы, убѣгая,
Въ свѣтлой тлнются дали,
Пресловутаго Дунаа
Лыются вѣчныя струи —

Тамъ-то, бають, въ стары годы,
По лазуревымъ ночамъ,
Фей вилнся хороводы
Подъ водой и по водамъ;

Мѣсяць слушалъ, волны пѣли,
И, навѣясь съ горъ крутыхъ,
Замки рыцарей глядѣли
Съ сладкимъ ужасомъ на нихъ.

(*) Первыя 23 стихотворенія, присланныя изъ Германіи, помѣщены были въ III-мъ и IV-хъ томахъ «Современника» въ 1855 году.

И лучами несемными,
Заключень и однокъ,
Перемигивался съ ними
Съ древней башни огонёкъ

Звѣзды въ небѣ имъ вникали,
Проходя за строемъ строй,
И бесѣду продолжали
Тихомолкомъ межъ собой.

Въ панцырь дѣдовскій закованъ,
Воня-сторожъ на стѣнѣ
Слышалъ, тайно очарованъ,
Дальній гулъ какъ-бы во снѣ.

И лишь дремой забывался,
Гуль слыгъ и грохоталъ.
Онъ съ молитвой просыпался
И дозоръ свой продолжалъ.

Все прошло, все взяли годы —
Поддался и ты судьбѣ,
О Дунай, и пароходы
Нынче ходятъ по тебѣ . . .

XXV.

Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля,
Вокругъ меня все было такъ уныло . . .
Безцвѣтный грунтъ небесъ, песчаная земля —
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнилъ о быломъ печальной сей земли,
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ея, простертыя въ пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная рѣка,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы» мыслилъ я «прищипи издалика,
Вы, сверстники сего былова!

«Такъ, вамъ однимъ лишь удалось
Дойти до насъ съ береговъ другаго свѣта.
О, еслибъ про него хоть на одинъ вопросъ
Могъ допроситься я отвѣта! . . .

«Но твой, природа, міръ о дѣлахъ бывшихъ молчить:
Съ улыбкою двусмысленной и тайной,
Такъ отрокъ, чаръ ночныхъ свидѣтель бывъ слу-
чайный,
Про нихъ и днесь молчаніе хранитъ.

(1830.)

XXVI.

Песокъ сыпучій по колѣна.
Мы идемъ; поздно, меркнетъ день;
И сосенъ, по дорогѣ, тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.
Черный и чаще боръ глубокий . . . .
Какія грусныя мѣста!
Ночь хмурал, какъ звѣрь стокій,
Глядитъ изъ cadaго куста.

1830 (друзей).

XXVII.

Надъ виноградными холмами
Плывутъ златыя облака;
Внизу зелеными волнами
Шумитъ померкшая рѣка.
Взоръ, постепенно, изъ долины
Подъемаясь, всходитъ къ высотамъ,
И видитъ на краю вершины
Круглообразный, свѣтлый храмъ.
Тамъ въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда взлетая, звукъ нѣмѣетъ;
Лишь жизнь природы тамъ слышна—
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.

О. Т.

ЖЕЛѢЗНАЯ-МАСКА.

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» (въ 1760), первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной-Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини» нишеть онъ «случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодой лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на Островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, кою нижняя часть была на пружинахъ, такъ-что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ еслибъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 году, когда Сен-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилю, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилю, все также маскированнаго. Передъ-симъ, маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ, и говорилъ

съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Незвѣстный посаженъ былъ въ Бастилю, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекаръ, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ о своемъ состоянн.

«Незвѣстный умеръ въ 1705 году и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на Островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безовакаго-сомнѣнн, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служить происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запирагъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то пожомъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, что тутъ написано?» спросилъ онъ у рыбака: «и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?» Я не ужью читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сей-часъ ее нашелъ; ни-

кто ее не видалъ. Рыбака задержали, пока не удостоверились, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ безграмотный и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать. . . .» Г. де-Шампильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Знать его, маршаль де-ла-Фельдъ сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя, онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человекъ въ желѣзной маскѣ. Шампильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ей не открывать. Многие изъ моихъ современниковъ подтверждаютъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнаго, ни достовернаго.»

Сии строки произвели большое впечатлѣнiе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Нѣкоторые думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключенiе будто-бы за пощечину, имъ данную дофиню (Лудовику XIV). Другiе видѣли въ немъ герцога де-Борфоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ-вѣсти во время осады Канди въ 16. .; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной какъ герцогъ Монмюфъ, и проч. и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сии мнѣнiя съ ясностью критики ему свойственной, романтически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшiй братъ Лудовика XIV, жертва честолюбiя и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были

слабы. Загадка оставалась неразрешенною. Взятие Бастилии в 1789 году и обнаружение ее архива ничего не могло открыть касательно таинственного затворника.

А. Пужкинъ.

ПЕТЕРБУРЖСКІЯ ЗАПИСКИ

1836 ГОДА.

I.

. . . . Въ-самомъ-дѣлѣ, куда забросило Русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ Русскій: была столица въ Кіевѣ — здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду: переѣхала Русская столица въ Москву—нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сыномъ! Что это за виды, что за природа! Воздухъ продернутъ туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, сѣвникъ, кочки. . . . Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да Русскія поющія и звѣнющія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ними двумя! Она еще до-сихъ-поръ Русская борода, а онъ уже ловкій Европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ выглянулся въ струнку щоголь Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркало: тамъ Нева, тамъ Финскій-Заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только за-

вѣтять онъ на себѣ перышко или нуשкѣ, ту жь минуту его прочь. Москва—старал домоѣдка, печеть блины, глядит издали и слушаеть рассказъ, не подымалась съ кресель, о томъ, что дѣяется въ свѣтъ; Петербургъ—разбитной малой, никогда не сидит дома, всегда одѣтъ и, охарашивалась передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ подомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаеть печь Французскіе хлѣбы, которые назавтра все съѣтъ разноплеменный народъ, и во всю ночь, то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на все четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужскаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдает большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и шикакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаеть ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный челоуѣкъ, совершенный Нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ, и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—Русскій дворянинъ, и если ужъ веселится, то веселится доупаду и не заботится о томъ, что уже хватаеть больше того, сколько находится въ карманѣ; она не любитъ средины. Въ Москвѣ

всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ: Петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки; еслиже приложить, то спспривычки взглянувшій можетъ перенутаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч. и проч.; въ Петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности.... Въ Москвѣ журналы идутъ наряду съ вѣкомъ, но оназдываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы неидутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ завернувшись въ медвѣжью шуоу и большею-частью на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или «въ должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше втораго часу; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывалъ, въ девять часовъ снѣшитъ въ своемъ байковомъ сюртукѣ въ присутствіе. Въ Москву тащется Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разѣзжаются во все стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащется Русь въ зимнихъ кибиткахъ по зимнимъ ухабамъ събивать и закупать: въ Петербургъ идетъ Русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою стронть и работать. Москва кладовал, она навалываетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь

расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловить мелкихъ покупателей; Москва говоритъ: «коли нужно покупщику, сыцеть». Петербургъ суеть вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашу полъ съ «Ренскимъ погребомъ» и ставитъ извоничью биржу въ самыя двери вашего дома; Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь. Петербургъ продаетъ галстухи и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва большой гостинный-дворъ; Петербургъ свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтите гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ: Москва колышетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить, по-Русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ-будто сошедшіе съ журнальных модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такимъ узенькими талиями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется въ самой серединѣ модной толпы какал-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой талии. Сказалъ бы еще кое-что но —

«Дистанція огромнаго размѣра!.....»

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на Европійско-Американскую колонию: также мало коренной національности и также много иностраннаго смѣшенія, еще неслившагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, Англичане, Нѣмцы, купцы— все составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающіеся между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если приемотрѣть-ся ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ, тоже неслитыхъ между собой. Напримеръ, возьмите чиновниковъ: молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ съ своей стороны подымаетъ свою причоску нѣсколько новыше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и Нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до-сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ будто-бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дишакасъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣтъ во всю доро-

гу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другаго мѣста. Попытка на-заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣла успѣха. Въ клубъ Петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провести время. Что Петербургъ не сдѣлался до-сихъ-поръ гостиницею, этому виною какаго-то внутрення стихіа Русскаго человѣка, до-сихъ-поръ глядѣла оригинальностью даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалами—нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не лишутъ, потому-что у этихъ господъ винаграду за ихъ дѣятельность рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ мимо балы и вечеринки: обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и который пріемлются всѣми классами. Театръ, концертъ вотъ тѣ пункты гдѣ сталкиваются классы Петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера—царь и царица Петербургскаго театра. Они явились блестяще, шумѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, вдыхающая несколько высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно-слушающей толпы, что есть комедія — вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія строга обдуманная, производящая глубиною своей прони смѣхъ, не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою острою,

каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движеть грубою толпою общества, для котораго нужны конвульсии и каррикатурныя гримасы природы; но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, раждается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были унесены балетомъ и оперой . . . На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во Французскомъ театрѣ, а на Русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что Русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ въролтно были бы смѣшны Французы, вздумавъ поддѣлаться подъ Русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ, являющихся въ Русскихъ пьесахъ—каковы онѣ? А водевили? . . . Давно уже прогѣзди водевили на Русскую сцену, тѣшать пародь средней руки, благо смѣшнѣвъ. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на Русской сценѣ, но даже и оригинальный. Русскій водевиль! право не множка странно, странно, потому-что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у Французовъ, націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной фizioноміи; но когда Русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться нетиметромъ . . . миѣ такъ и представляется что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, незнавши на ногѣ своей ничего

другаго, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во Французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять какъ мелодрамы и водевилы завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже Немцы—ну кто бы могъ подумать, что Немцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ, Немцы теперь играютъ и пишутъ водевилы, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія гения! Когда весь міръ ладилъ подѣ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!... Клянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ! ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ; ты, строгій, осмотнительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человека! взгляните, что дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите какое странное чудовище подѣ видомъ мелодрамы забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но жетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама....

Непостижимое явленіе: то, что всеневно окружает насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключеніи, что останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностію среди стройности, за то схватывается обими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностію, чистая какъ зеркало, отражала одинаковою ясностію и темныя и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражала ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непременно новое, непременно странное, дотошъ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ-будто въ наши Европейскіе фраки переодѣлись сыны палачей Африки палачи, лды—эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель разстроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыя собирався смотреть весь Римъ

въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго прессыщенія. Но, слава Богу, мы еще не Римляне и не на закатъ существованія, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы, какія были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или лучше, календарь, въ которомъ записаны съ календарною холодностію всѣ странныя происшествія, гдѣ противъ каждаго числа выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и тому подобно. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумавшій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Неудивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служатъ отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе спокойно.— Опера принимается у насъ очень жадно. До-сихъ-поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ бросился весь Петербургъ на живую, яркую музыку «Федель», на дикую, проникнутую адскимъ наслажденіемъ музыку «Роберта». «Семирамида», на которую за пять лѣтъ предъ-симъ равнодушно глядѣла публика, «Семирамида» въ нынѣшнее время, когда музыка Россіи почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузіазмѣ, произведенномъ оперою «Жизнь за Царя», и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальныя трактаты и рецензіи должны быть скучны для самыхъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти—не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ «Жизни за Царя», «Робертѣ», «Нормѣ», «Фенелѣ» и «Семирамидѣ». Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представленій, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужь не наша ли Славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ Европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, возвратъ на Русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ ѣдѣ, приставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говорилъ: « въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить изъ нашихъ национальныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсень. Наша Украина звѣнитъ пѣснями. По Волгѣ, съ верховья до моря, на всей всеренницѣ влекущихся барокъ заливаются бур-

лацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пелепается, женится и хоронится Русскій человѣкъ. Все дорожное: дворянство и недворянство летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго-Моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами, зарывая пицаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, Русскій промышленникъ бьетъ острой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли неизъчего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ Славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ Русскій и гдѣ Полякъ: у одного дышетъ раздольный мотивъ Русской пѣсни, у другаго опрометчивый мотивъ Польской мазурки.

Петербургскіе балеты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декораций; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ врядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народныя танцы являютъ въ разныхъ углахъ міра: Испанецъ пляшетъ не такъ, какъ Швейцарецъ, Шотландецъ, какъ Теньеровскій Нѣмецъ, Русскій не такъ, какъ Французъ, какъ Азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одно-

го и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный Руссъ не такъ пляшетъ, какъ Малороссіянинъ, какъ Славянинъ Южный, какъ Полякъ, какъ Финнгъ: у одного танецъ говорливый—у другаго безчувственный; у одного бѣшеный, разгульный—у другаго спокойный; у одного напряженный, тлжельный—у другаго легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, проводившій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостію, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ сколько хочетъ для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумеется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улѣтѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный гений изъ простой, услышанной на улицѣ пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По-крайней-мѣрѣ танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ-образомъ можетъ болѣе однообразиться этотъ легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять, по Невскому - Проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными обла-

кажи поднимающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго Театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждаетъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришолъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ галстухѣ, но безъ шапки—до того, у котораго трехъ-этажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю сухонную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-Русскій герой, потерявъ наконецъ терпѣніе, доходить, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дастся на нашихъ театрахъ? какіе-нибудь мелодрамы и водевили!... Сердить я на мелодрамы и водевили.

Положеніе Русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе: а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни Французы, ни Нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой определенной страсти и рѣзкой фizioноміи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ Русскихъ характеровъ, насъ-самыхъ дай-

те намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный какъ связанный залъцъ... Мы такъ приглядѣлись къ Французскимъ бездѣльнымъ пьесамъ, что намъ уже болзливо видѣтъ свое. Если намъ представлять какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ: не личность ли это? потому-что представляемое лицо совсѣмъ непохоже на какого-нибудь пейзажа, театральнаго тираша, риомонцета, судью и тому подобныя обшешенныя лица, которыхъ такъ скаютъ беззубые авторы въ свои пьесы, какъ такъ скаютъ на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбною, свое-лихо-вытверженною въ продолженіе сорока лѣтъ па. Если, напримеръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной совершенно-другой совѣтникъ даже скажетъ: «какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человекъ! какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!» Какъ-будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора»....

Досадно. Право пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно-вылившейся формѣ, поражающей насъ живостію, такъ-

что мы говоримъ: «да это кажется знакомый чело-
вѣкъ», только такое изображеніе приносить суще-
ственную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игруш-
ку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми замани-
ваютъ дѣтей, позабывши, что это такая касседа, съ
которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ,
гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщеній, при громѣ
музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается
знакомый, прятнувшийся порокъ и, при тайномъ голо-
сѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко-
скрывающееся возвышенное чувство....

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ.
Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная неделя
Петербурга, когда онъ одною половиною своего на-
родонаселенія легаетъ на качеляхъ, мчится какъ
вихоръ съ ледяныхъ горъ, а другою превращается
въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, равнае-
мый жандармами; когда спектакли даются и днемъ
и вечеромъ, и вся Адмиралтейская-Площадь засѣя-
на скорлупами орѣховъ....

Спокоенъ и грозенъ великій-постъ. Кажется, слы-
шешь голосъ: «стой, христіанинъ; оглянись на жизнь
свою». На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ
прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, вре-
мя думы и молитвы! Свободите, обдуманіе поте-
кутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ
вѣрно пролежитъ заспанный и утомленный, и поза-
будеть зайти потревожить меня пошлымъ разгово-
ромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Ночь въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они съѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величественъ: четыреста музыкантовъ! это что-то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехъ-сотъ звуковъ раздается подъ дрожаніемъ сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновеннымъ содрганіемъ.

Впродолженіи носта въ Петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается лѣнѣе. Съверь глядитъ съ меньшею суровостію изъ своей Выборжской-Стороны. Экипажи чаще останавливаются на улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1856 года Невскій-Проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хлопотливый и толкающій Невскій-Проспектъ упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую-Набережную. Покойный Императоръ любилъ Англійскую-Набережную. Она точно прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышѣ, потому - что половину Невскаго - Проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого на немъ можно было получить толчковъ цілою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣствѣ. . . .

—Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣлимое наше время? Кто его кличетъ къ себѣ? Вели-

кій-посгъ, какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь наконецъ займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я наконецъ то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе; — но вотъ уже на исходъ первая недѣля; не успѣть начать я, уже летитъ за нею вторая, уже середина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ гостинномъ - дворѣ и цѣлая галлерей вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой нестройной аллеи, подъ тѣнью которой были навалены тонорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ пляскъ, натававшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземстаго и усатаго Грека, титуловавшаго себя Молдованскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловяныя обезьянки, ножки и вилки, прищипки, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все также нестрителъ, тѣснителъ; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любовытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣть и годъ тому назадъ, два, и три, и нѣсколько лѣтъ; — а я, и каждый человекъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ-симъ; уже суровѣ мысли его; менѣе улыбается на устахъ душа его, и что - нибудь да отпадетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Леды, встревоженные вѣтрами, успѣли растать почти до вскрытія, несенныя уже рыхлые и разваливавшіяся сами собою. Ладожское-Озеро вылезало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шницъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій-Островъ и Выборжская-Сторона, и Англійская-Набережная — все получило картинный видъ. Дымился влѣтъ первый пароходъ. Первые лодки съ чиновниками, солдатами, старухами шиньками, Англійскими конторщиками поехали съ Васильевского и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взошелъ я на Адмиралтейскій бульваръ, — это было наканунѣ свѣтлаго воскресенія вечеромъ, — когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я пристани, передъ которою блестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открывалась передъ мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборжской-Стороны голубымъ туманомъ, стрясія Стороны-Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрытъ все выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестятъ одинъ только шницъ Петропавловской колокольни, отражался въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ. Мнѣ казалось, будто я перѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ. . . . Вонъ и знакомый гребецъ, съ кото-

рымъ я не видался болѣе полугода, болтается съ своимъ дикомъ у берега, и знакомыя раздвоены рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее болѣе чѣмъ воспоминаіе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ унесенъ ленивыми, свѣтлыми днями Христова воскресенья, что не замѣчалъ вовсе ог, омной ярмарки на Адмиралтейской-Площади. Видѣлъ только издали какъ качели уносили на воздухъ какого-то молодца, сидѣвшаго обруку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на углѣнномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ воскресеньемъ, кажется, какъ-будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы, послѣ свѣтлаго воскресенья, больше ничего какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ великимъ-постомъ, или лучше сказать, гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у каминна еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвующій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербуржскіе джентльмены въ однихъ сюртучкахъ съ разными палками; вмѣсто гро-

моздкой кареты, несутся по паркетной мостовой полуколески и фаетоны. Книжки читаются лѣнивѣ. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтніе фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ во весь апрѣль мѣсяць кажется на подиѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постояничество и помысливать о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленія рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ Петербургской улицы рисуется подъоблачная гора Кавказа или озеро Швейцаріи, или увѣячанная анемономъ и лавромъ Италия, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся Петербургскіе дома...

• • •

НОВЫЯ КНИГИ.

РАЗСКАЗЪ АРТИЛЛЕРИСТА О ДѢЛѢ БОРОДИНСКОМЪ.
Соч. Николая Любенкова. С. П. Б. Въ тип. Праца.

ВЕЧЕРА МИНУВШЕЙ ОСЕНИ. Изданіе П. Грєка.
С. П. Б. Въ тип. Крыловскаго.

МЕТОДА ПРЕПОДАВАНІЯ ХРОНОЛОГІИ И ИСТОРІИ г.
Лэвинскаго, изъясненіа самимъ же издателемъ. С.
П. Б. Въ тип. императорской академіи наукъ.

ОСНОВАНІЕ ГЕОМЕТРИИ И ТРИГОНОМЕТРИИ, съ
примѣчаніями, соч. А. М. Лежандра, принятое въ
руководство для преподаванія въ институтъ корпу-
са путей сообщенія. Перевели съ Французскаго
капитаны Баладинъ и Бутницъ. С. П. Б. Томъ I.

ЦѢВНИЦА НА 1837 г., соч. Шаршаваго. С. П. Б.
Въ тип. Вингебера.

О НАДЕЖНѢЙШЕМЪ ВРАЧЕБНОМЪ СПОСОБѢ ОТ-
УЧАТЬ ОТЪ ПЬЯНСТВА И ЗАПОЯ, И ЛЕЧИТЬ ЕГО. Соч. Мар-

ка Магазиера, доктора медицины, статскаго советника и кавалера. С. П. Б. въ тип. Праца.

И моя доля въ сонетахъ, въ двухъ частяхъ. Соч. П. Бутырскаго. С. П. Б. Въ тип. Вингебера.

Новая Антологія на четырехъ языкахъ. С. П. Б. 1837. Въ тип. Вингебера.

Библейская Исторія для дѣтей. Соч. свещеника С. Красноцвѣтова. Томъ 2-й. Исторія новозавѣтная, въ 2-хъ отдѣленіяхъ, изъ коихъ первое посвящено жизни Господа нашего Иисуса Христа, а вторая исторіи дѣлій Апостольскихъ. С. П. Б. Въ тип. деп. ви. торговл.

Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова. С. П. Б. Въ тип. Края.

Вечера на Карновкѣ. Часть первая. С. П. Б. Въ тип. Греча.

Взглядъ на математику, основанную на философіи. Соч. инженеръ-капитана Татаринова. Тетрадь 1-я. С. П. Б. Въ тип. императорской акад. наукъ.

Исторія Россіи въ разказахъ для дѣтей. Соч. А. Шишовой. Часть вторая и третія. С. П. Б. Въ тип. императорской Россійской академіи.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собраныя П. Сахаровымъ. двѣ части. С. П. Б. Въ Гуттенберговой типографіи.

Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли. Редакція П. Сахарова. Изданіе П. Власова. Часть пер-

вая (изданіе второе) и вторая. С. П. Б. Въ Гуттенберговой типографіи.

О инфлуэнцѣ, или гриппѣ, заразительно-повальной болѣзни относительно ея исторіи, происхожденія, распространенія, существа, хода и леченія. Соч. докт. Эдуарда Мартини. Пер. съ Нѣм. докт. ст. сов. Маркъ Магазишеръ. С. П. Б. Въ тип. Витгебера.

Трость Бальзака. Соч. Г-жи Эмиль-Жирарденъ (Дельфини-Ге). С. П. Б. Въ Гуттенберговой типогр.

Китайцы. Подарокъ дѣтямъ на новый - годъ. Разсказъ, составленный Зосимою Воробьевымъ. Изданіе Л. Сибирева и комп. С. П. Б. Въ тип. Сибирева.

Библиотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытныхъ путешествій, изд. книгопродавцемъ Глазуновымъ и комп. Томы седьмой и осьмой. Моск. Въ тип. Степанова.

Алгебра Лефёбюра-де-Фурсен. Переводъ съ Французскаго А. У., со многими дополненіями, въ трехъ книгахъ. Первый отдѣлъ. Часть I. С. П. Б. Въ тип. штаба отд. кор. внут. стражи.

Философическая исторія Іудеевъ, отъ упадка дома Маккавеевъ до нашихъ временъ, въ двухъ частяхъ, соч. Капфига. Перев. съ Французскаго-Константина Пуговица. С. П. Б. Въ тип. деп. вибши. торговли.

СКАКОВОЙ КАЛЕНДАРЬ Высочайше утвержденнаго Лебедянского скаковаго общества, съ 1852 по 1857 годъ, и рысистые бѣги съ 1852 года. С. П. Б. Въ тип. III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцелярїи.

Эпизодъ изъ владычества Биронова, историческая новѣсть, соч. А. В. — С. П. Б. Въ тип. деп. вѣдѣній торг. мор. и мануф. деп.

БУБНОВЫЙ КОЗЫРЬ, или Иванушка - дурачекъ. Сказки въ стихахъ, соч. Гинюловской станицы казаки Николая Колумійцева. С. П. Б. Въ тип. Вингебера.

БЕСѢДЫ съ дѣтьми о хозяйствѣ домашнемъ, сельскомъ, мануфактурномъ и о торговлѣ. Соч. Виктора Бурьянова. С. П. Б. Въ тип. И. Греча.

АРИМЕТИКА. соч. Бурдона, принятая въ Парижскомъ университетѣ. Пер. съ Франц. (съ девятаго изданія) В. Ч. Второе изданіе, исправленное. Двѣ части. С. П. Б.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА и рѣчи протоіеря Василия Бажанова. Изданіе второе, умноженное. С. П. Б.

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА, съ Высочайшаго соизволенія посвященная Россійской арміи, издаваемая Нильсю Глазуновымъ и комп. Томъ первый, книга первая и вторая С. П. Б.

ДВА МАСКЕРАДА, преданіе (разсказъ В. С). Двѣ части. Изданіе Бендерскаго. М. Въ тип. Кирплова.

ОБЗОРЪ ИСТОРИИ ВОЕННАГО ИСКУССТВА. С. П. Б. Въ тип. III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцелярш.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ ВОДЕВИЛЬНЫХЪ КУПЛЕТОВЪ, составленный Николаемъ Дюромъ. С. П. Б. Въ лит. Селезнева.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ, или правильное образованіе перваго возраста обоимъ половъ, соч. г-жи Годонъ. Пер. съ Франц. Александръ Волковъ. М. Въ тип. Евреинова.

АЛЕКСАНДРИАДА, поэма. Сочиненіе Кашкина. М. Въ тип. Степанова.

СТИХОТВОРЕНІЯ молодаго Черкеса. М. Въ тип. университетской.

СТИХОТВОРЕНІЯ Михаила Мерклин. М. Въ тип. Кирилова.

РОГНЪДА, романтическая поэма, соч. Ивана Алякринскаго. М. Въ тип. Степанова.

ЕВГЕНІЯ, отрывокъ изъ жизни. М. Въ тип. Смирнова.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦЪ. Водсвилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. П. С. Федоровымъ. С. П. Б. Въ тип. Витгебера.

НИКОГДА И ВСЕГДА. Романъ Поль-де-Кока. М. Въ тип. Смирнова.

Поученіе, какъ стоять въ церкви во время божественной литургіи. С. П. Б. Въ тип. Смирдина, Глазунова и комп.

Отрочъ монастырь. Быль XIII столѣтія, соч. Владиміра Глинки. С. П. Б. Въ Гуттенберговой тип.

Минерва на 1857 годъ. М. Въ тип. Кириллова.

Владиміръ Влоонскій, трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, Писельва. М. Въ тип. Стенанова.

Правила и устройства воксала въ Московскомъ паркѣ. М. Въ тип. Семена.

Историческо-географическое описаніе городовъ Симбирской-Губерніи. Соч. Ивана Пушкарева. С. П. Б. Въ тип. Греча.

О народномъ доходѣ. Разсужденіе, написанное адъюнктомъ Александромъ Чивилевымъ. М. Въ университетской тип.

О нагреваніи и охлажденіи тѣлъ. Разсужденіе кандидата Сократа Акимова. М. Въ университетской тип.

Превратныя поученія, данныя старымъ практикомъ сыну своему, возвратившемуся изъ - за границы докторомъ медицины. Соч. Якова Пренофила Эльпенора. Пер. съ Нѣм. С. П. Б. Въ тип. Праца.

Новѣйшія наставленія пчеловодамъ, основанныя на познаніи естественной исторіи пчелъ, Современ. 1857, № 2. 28

и почерпнутыя изъ долговременныхъ наблюдений опытныхъ пчеловодовъ въ разныхъ Европейскихъ государствахъ, съ присовокупленіемъ способовъ пользоваться наивыгоднѣе медомъ и воскомъ. О... У... в... а. М. Въ тип. университетской.

О ЗАЛОЖЕНІИ И СОДЕРЖАНІИ ОГОРODOBЪ И ПАРНИКОВЪ, СЪ ТАБЛИЦЮ ПЛОДОПЕРЕМѢННАГО ВОЗДѢЛЫВАНІЯ ОВОЩЕЙ И РИСУНКАМИ УСТРОЙСТВА, ИЗОБРАЖАЮЩИМИ ЧЕРТЕЖЪ ОГОРОДА, НОВАГО УСТРОЙСТВА ПАРНИКЪ въ томъ пакѣ безъ стеколъ и новый способъ воздѣлывать клубнику. П. Шварца. Изданіе второе, тщательно исправленное и значительно умноженное. С. П. Б. Въ Гуттенберговой тип.

О РАЗВЕДЕНІИ, СОДЕРЖАНІИ, СБОРѢ, ХРАНЕНІИ И ВОЗДѢЛЫВАНІИ ХМѢЛЯ, СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РИСУНКА И ОПИСАНІЯ КАКЪ ВЫВОДИТЬ ХМѢЛЬ, СОВЕРШЕННО НОВЫМЪ СПОСОБОМЪ, НАКЛОННО НА БОЛЬШИХЪ ТЫЧНИКАХЪ. Извлечено изъ новѣйшихъ сочиненій П. Шварцомъ. С. П. Б. Въ Гуттенберговой тип.

НОВОИЗОБРЕТЕННЫЙ СПОСОБЪ СОСТАВЛЯТЬ ЛЕГКИМИ И ПРОСТЫМИ СРЕДСТВАМИ РАЗНАГО РОДА ЧЕРНИЛА, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ НАСТАВЛЕНІЯ КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ДѢЛАТЬ ДЕШЕВЫМЪ СПОСОБОМЪ АНГЛІЙСКУЮ ВАКУ. М. Въ тип. Смирнова.

Энциклопедическій лексиконъ. Томъ девятый. С. П. Б. Въ тип. П. Мошара.

Мои пенаты. Стихотвореніе Пустыльгина. С. П. Б. Въ тип. Края.

Фѣдонъ или о безсмертїи души, Моисея Мендельсона. Переводъ съ Нѣмецкаго Василія Мызника. С. П. Б. Въ тип. Праца.

Хоть тресни, а женись! Комедїа въ одномъ дѣйствїи. Изъ театра Мольера. М. Въ тип. Степанова.

Женихъ на расхватъ, шуточный водевилъ въ одномъ дѣйствїи М. Въ тип. Степанова.

Бедунка. Соч. П. Пужула. Переводъ съ Французскаго С. П. Б. Въ тип. Вингебера.

Морской офицеръ, или приключенїя Франка Мильдмел. Соч. капитана Марріета, Перев. съ Англ. Р. Скаловскій. С. П. Б. Въ тип. Гинце.

Новѣсти Михаила Загоскина. 2 части. М. Въ тип. Степанова.

Бородолюбие. Историческія сцены изъ времянъ Петра Великаго. Соч. Константина Масальскаго. С. П. Б. Въ тип. Плюшара.

О народной поэзи Славянскихъ племенъ. Разсужденїе Юсифа Бодянскаго. М. Въ тип. Степанова.

Знакомые незнакомцы, комедїа - водевилъ въ одномъ дѣйствїи. Соч. П. Карагыгина. Изданїе второе, исправленное. С. П. Б. Въ тип. Воробьева.

Матушкина дочка, или суматоха на дачѣ, водевилъ въ двухъ дѣйствїяхъ, передѣланная (?) изъ ко-

медіи «Необразованная Дѣвушка» П. Г. С. П. Б. Въ тип. Гишце.

Основанія Русской грамматики для первоначальнаго обученія, составленныя Виссаріономъ Бѣлипскимъ. Часть первая. Грамматика аналитическая (этимологія). М. Въ тип. Степанова.

Политическое устройство Германцевъ до шестаго столѣтія. Соч. Михаила Куторги. С. П. Б. Въ тип. Гишце.

Откуда идетъ Русская земля, по сказанію Песторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ Русскимъ. Соч. Михаила Максимовича. Кіевъ. Въ тип. университетской.

Записка о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Нижегородской ярмарки въ 1856 году (соч. Н. Кашинцова). С. П. Б. Въ тип. III отд. собр. Е. П. В. канцеляріи.

Способъ сохранять, осушать и предохранять отъ всякой гнилости и морчи озимый хлѣбъ и сѣно на полѣ, несмотря ни на какую дурную погоду, изданный К. Ф. Баргомъ. М. Въ тип. Крылова.

Новооткрытая тайна къ пріобрѣтенію превосходной памяти, такъ - что все слышанное и читанное можно помнитъ черезъ самое долгое время, и послѣ того пересказывать почти отъ слова до слова. М. Въ тип. Крылова.

Ручная экономическая энциклопедія, или настольная книга для хозяев и хозяекъ, городскихъ и деревенскихъ, заключающая въ себѣ въ простомъ, ясномъ и систематическомъ порядкѣ предложенныя правила для всѣхъ отраслей городской, домашней и сельской экономіи, и объемлющая въ себѣ все нужнѣйшія свѣдѣнія оной. Переведена изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ иностранныхъ писателей и домоводцевъ. Изданіе второе. Печатано съ изданія 1855 года безъ исправленія. Четыре части. М. Въ тип. Смирнова.

О разведеніи свѣкловицы по новѣйшему способу, испробованному извѣстнѣйшими Европейскими агрономами. М. Въ тип. Смирнова.

Наставленіе, какъ готовить патоку и сахаръ изъ крахмала, извлеченное изъ сочиненія Г. Пайена. Перев. съ Французскаго послѣдняго изданія. М. Въ тип. Кирилова.

Новооткрытый способъ приготовленія самаго лучшаго солода безъ сушильни, въ ежедневномъ потребномъ количествѣ. Причемъ можно выгадывать цѣлую половину при употребленіи онаго въ дѣло и сберечь значительныя издержки на топильный матеріалъ и на прочія принадлежности. Соч. Людвига Галла. М. Въ тип. Смирнова.

Руководство, на многократныхъ опытахъ основанное, къ воздѣльванію, пронзращенію и добыванію во всякое время года спаржи отличнаго вкуса

и необыкновенной величины, отъ одного до двухъ фунтовъ. Сочиненіе Фридриха Бартельса. М. Въ тип. Смирнова.

Новооткрытый химическій испытанный способъ, посредствомъ косо въ самоскорѣйшемъ времени можно растапливать и отбѣливать саю, Лковомъ Бустетто, привилегированнымъ королевско-Баварскимъ растопщикомъ и отбѣльщикомъ са. Въ тип. Смирнова.

Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго языка, читанныя въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ академикомъ Остроградскимъ. Составлены корпуса корабельныхъ инженеровъ капитаномъ С. Бурачкомъ и лейтенантомъ Зеленымъ. Первый годъ. С. П. Б. Въ тип. Вилгебера.

Грамматическій обзоръ затруднительныхъ Греческихъ словъ изъ Четверо-Евангелія, составленный въ пользу юныхъ любителей Греческаго языка. М. Въ тип. университет.

Обзоръ всеобщей исторіи, или указанія на главнѣйшія событія, случившіяся въ свѣтѣ отъ сотворенія міра до нашихъ временъ. Составлено въ лѣтосчислительномъ и современномъ порядкѣ профессоромъ И. Кайдановымъ. С. П. Б. Въ тип. Гинце.

Вечера на кладвищѣ. Оригинальныя повѣсти изъ рассказовъ могильщика. Сочиненіе Х. М. Въ тип. университетской.

Любовь Мильтона. М. Въ тип. Селивановскаго.

Исследование значенія, построенія и развитія слова человеческого и приложеніе сего исследования къ языку Русскому. Разсужденіе, представленное кандидатомъ Константиномъ Зеленецкимъ. М. Въ тип. университетской.

Конецъ шестаго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

1. Русалка. <i>А. Пушкина</i>	1.
2. Кто онъ? <i>П. Ершова</i>	95.
3. Недугъ. <i>Е. Гребенки</i>	171.
4. Александру Сергѣевичу Пушкину.	174.
5. Къ Ивану Ивановичу Дмитріеву. <i>Кн. Шахикова</i>	205.
6. Ангелу-Хранителю. <i>М. де-Лирю</i>	205.
7. Бородино. <i>М. Лермантова</i>	207.
8. А. Б. . . . . ву и Г. Т. . . . . му. <i>Э. Губерта</i>	212.
9. Отрывки изъ «Фауста». <i>Э. Губерта</i>	301.
10. Три явленія изъ поэмы «Альма». <i>Вл. Соколовскаго</i>	349.
11. А. С. Пушкину. <i>Н. Лыкова</i>	374.
12. Изъ трагедіи: «Михайлъ-Тверской».	376.
13. Стихотворенія, присланныя изъ Германіи (<i>Ө. Т.</i>)	
XXIV.	395.
XXV	395.
XXVI.	397.
XXVII.	398.

ПРОЗА.

1. Отрывокъ. <i>Н. Б—на</i>	33.
2. Арашъ Петра Великаго (первыя главы неконченнаго романа). <i>А. Пушкина</i>	99
3. Три жениха. <i>С. В.</i>	146

4. Прокопій Ляпуновъ, или времена междоцарствія
Сотривоукъ . . . . . 178.
5. Записки бригадира Моро-де-Бразе о походе 1711
года, съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. С.
Пушкина* . . . . . 218.
6. О Кіевѣ. *П. Пашкевича*. . . . . 139.
7. Желѣзная-Маска. *А. Пушкина*. . . . . 399.
8. Петербургскія Записки 1836 года . . . . . 402.
9. Новыя книги . . . . . 424.

О П Е Ч А Т К А .

Въ стихотвореніе А. С. Пушкина «Герой», напечатанное въ 5 томѣ «Современника», вкрались слѣдующія погрѣшности:

1) На стр. 144, послѣ строки: «Но намъ ужь то чело священно», пропущенъ стихъ: «Надъ конемъ вспыхнулъ сей языкъ».

2) На стр. 145, сверху, слово Другъ лишнее.

3) На той же страницѣ, въ той же строкѣ снизу, вмѣсто: «И прилегасть» должно читать: «И проле-
тасть».
